ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

№ 3 (75) 2026

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 3 (75) 2026

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Пенькова Мария Викентьевна, секретарь ред. совета, канд. филол. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачонь-томай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шабдарова Людмила Евгеньевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Никитина Татьяна Багишевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2026
© Авторы статей, 2026

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 3 (75) 2026

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Penkova M.V., Candidate of Philology, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute, Sekretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Shabdarova L.E., Editorial Manager, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Ившин Л.М. Грамматика удмуртского языка С.И. Шубина 7

Некрасова О.И. «Следы» животных в коми языке и культуре (на примере зоонима *кӧч*) 15

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Сергеев А.Э. Комическое в малой прозе М. Шкетана в марийской литературной науке: от социологии к поэтике 34

Шеянова И.И. Мордовский женский национальный костюм в песенном фольклоре мордвы Сибири 45

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Петров О.М. На пути к национальной книге: становление издательского дела в Марийской автономной области 60

Байдимиров Д.А. Ворота в традиционной культуре мари: функциональный и сакральный аспекты 76

ПЕРСОНАЛИИ

Кадыкова Г.Н. Диана Юрьевна Ефремова: вклад в изучение археологического наследия и духовной культуры Марийского Поволжья (к 55-летнему юбилею) 92

Пунегова Г.В., Попова Р.П. К юбилею коми учёного и педагога Елены Васильевны Остаповой 98

Шабдарова Л.Е. Хранитель марийского слова: к 65-летию Олега Арсентьевича Сергеева 103

Янцукова Т.В. Надежда Михайловна Краснова: учёный, педагог, организатор (к 50-летнему юбилею) 111

РЕЦЕНЗИИ

Николаев Г.А. Рец.: С.К. Свечников. Этнические контакты мари с народами Среднего Поволжья в XV–XVII вв.: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. 296 с.: ил. 117

ХРОНИКА

Краснова Н.М. X Международная научно-практическая конференция «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности» 122

Эрцикова Г.А. Комплексная научная экспедиция МарНИИЯЛИ в марийско-чувашской контактной зоне 127

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Ivshin L.M. Udmurt grammar by S. I. Shubin..... 7
Nekrasova O.I. Animal traces in the Komi language and culture: a case study of the zoonym *köch* 15

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORE

Sergeev A.E. The comic in M. Shketan's short prose in Mari literary studies: from sociology to poetics 34
Sheyanova I.I. The Mordvin women's traditional costume in the folk songs of the Siberian Mordvins 45

HISTORY AND ETHNOLOGY

Petrov O.M. Towards a national book culture: the development of book publishing in the Mari Autonomous Oblast 60
Baydimirov D.A. Gates in traditional Mari culture: functional and sacred aspects 76

PERSONALITIES

Kadykova G.N. Diana Yuryevna Efremova: contribution to the study of the archaeological heritage and spiritual culture of the Mari Volga Region (on the occasion of her 55th birthday)..... 92
Punegova G.V., Popova R.P. On the anniversary of the Komi scholar and educator Elena Vasilievna Ostapova 98
Shabdarova L.E. Keeper of the Mari word: to mark the 65th anniversary of Oleg Arsentyevich Sergeev 103
Yantsukova T.V. Nadezhda Mikhailovna Krasnova: scholar, educator, organiser (on the occasion of her 50th anniversary) 111

BOOK REVIEWS

Nikolaev G.A. Review: S.K. Svechnikov. Ethnic Contacts of the Mari with the Peoples of the Middle Volga Region in the 15th–17th Centuries: a monograph. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 2026. 296 p.: ill. 117

CHRONICLE

Krasnova N.M. The X International Conference "International Humanitarian Cooperation: New Challenges and Opportunities"..... 122
Ertsikova G.A. Comprehensive scientific expedition of the Mari Research Institute to the Mari-Chuvash contact zone 127

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.131
DOI 10.51254/2312-0312-2026-3-75-7-14

ГРАММАТИКА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА С.И. ШУБИНА

© 2026 г. Л.М. Ившин

Введение. Работа знакомит читателя с рукописной грамматикой С.И. Шубина «Краткія правила вотскаго языка». **Цель статьи** – дать общую характеристику памятника, представить его лингвистический анализ в сравнении с первой печатной грамматикой 1775 года. **Материалы и методы.** Исследование проведено на материале двух письменных памятников удмуртского языка. Применялись описательный и сопоставительный методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Графическая система и элементы орфографии печатной грамматики «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» и рукописи зачастую повторяются, но тем не менее встречается довольно большое количество слов, имеющих различное написание. Разнообразное оформление одинаковых лексем, а также отличие в структуре памятников объясняется, с одной стороны, непоследовательной орфографией, с другой – диалектными особенностями в произношении лексем и разной фиксацией их в письме. **Заключение.** Грамматика С.И. Шубина является памятником письменности своего времени и представляет определенный интерес для истории языка.

Ключевые слова: удмуртский язык; письменный памятник; рукопись; грамматика; графика; элементы орфографии; лексика; диалект.

Введение

Удмуртское письменное наследие раннего периода до настоящего времени остается изученным не в полной степени. В книге под названием «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии XVIII – первой половины XIX века» [Ившин, 2010] нами был подробно анализирован 21 памятник удмуртской письменности, относящийся к XVIII – первой половине XIX века

и содержащий лексические данные удмуртского языка. Из них 16 памятников составлены средствами кириллической графики, а пять – буквами латинского алфавита. Письменных памятников указанного периода по подсчетам некоторых ученых насчитывается больше тридцати [Каракулов, 2006, с. 119–131]. О количестве же неизданных рукописных работ на данный момент никаких достоверных сведений не имеется, поскольку фронтального изучения всех памятников удмуртской письменности пока не проведено. Это объясняется и тем, что некоторые ранние издания и/или рукописи безвозвратно погибли при различных обстоятельствах, а другие, сохранившиеся в единичных экземплярах в фондах библиотек и архивов (в том числе зарубежных), все еще не обнаружены и ждут своего исследователя.

Письменные памятники являются прежде всего одним из важнейших источников, воссоздающих более или менее полную картину состояния языка на определенном этапе его развития, и представляют значительную ценность для изучения его истории. При исследовании становления письменности и литературного языка, как величайшего достояния любого народа, необходимость вовлечения в научный оборот и всесторонний анализ рукописных и опубликованных памятников не вызывают сомнения. Исходя из вышесказанного, актуальность нашего исследования, посвященного лингвистическому анализу рукописной грамматики С.И. Шубина, очевидна, ибо, как выразился в свое время известный академик Д.С. Лихачев, вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей [Лихачев, 1987, с. 649].

Цель статьи – дать общую характеристику рукописной удмуртской грамматики под названием «Краткія правила вотскаго языка», которая еще не нашла должного отражения в научной литературе, рассмотреть графико-орфографические и лексические особенности памятника в сравнении с печатной грамматикой «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» [Сочиненія, 1775].

Материалы и методы

Исследование проводилось на лексических материалах письменных памятников удмуртского языка – книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» и рукописной грамматики С.И. Шубина «Краткія правила вотскаго языка». Методологическую базу составил комплексный подход, который сочетает описательный, палеографический и сравнительный (сопоставительный) методы.

Результаты исследования, обсуждение

Будучи в одной из научных командировок в Будапеште (участие в работе Международной конференции), в фондах ученого А. Регули Архива Венгерской академии наук мне посчастливилось обнаружить весьма интересную ру-

копись под названием «Краткія правила вотскаго языка» (фонд M[agyar] nylev-tud[omány], опись 2v, дело 4). Получив разрешение на снятие копии с оригинала найденного письменного документа, я обзавелся ксерокопией грамматики, которую по приезду в Ижевск предоставил в научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (ныне – Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН) (фонд РФ, опись 24, дело 1596). Автор и дата создания манускрипта, к сожалению, не были указаны. Текст грамматики написан черными чернилами довольно четкой скорописью на 48 синих листах, сшитых в виде тетради, размером 18х22,5 см. В исторической литературе об удмуртах встречаются сведения, что сочинение этой рукописи связано с именем миссионера и протоиерея села Дебёсы С.И. Шубина, который «зналъ весьма хорошо и вотскій языкъ; въ концѣ 1840-хъ гг. онъ составилъ даже нѣчто въ родѣ грамматики вотскаго языка» [Лупповъ, 1911, с. 303]. В соответствии с «Каталогом дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке» Б.И. Каракулова удмуртская грамматика С.И. Шубина, написанная в 1840 году, «считалась утерянной, [которая недавно] обнаружена [венгерским исследователем] Э. Сий в фондах А. Регули Архива Венгерской АН… В вотяцкой грамматике (синей грамматике, по формулировке Э. Сий, т.к. написана на 48 синих листах) С. Шубин дает резюме удмуртской грамматике 1775 года издания, а также краткие правила вотского языка» [Каракулов, 2006, с. 130]. По всей вероятности, речь идет об обнаруженной нами рукописи, однако никакого резюме к книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» в ней не приводится. На первой странице рукописи над самим названием труда стоит арабская цифра 2, которая наводит на мысль о том, что существовала еще и первая часть памятника, содержащая, возможно, резюме к удмуртской грамматике 1775 года, и что, скорее всего, она утеряна.

Общая характеристика памятника. При первом знакомстве с рукописью создается впечатление, что она является немного сокращенным вариантом первой печатной удмуртской грамматики 1775 года. Тем не менее более тщательный анализ обнаружил, что «Краткія правила вотскаго языка» по своей структуре несколько отличаются от материалов книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка».

На начальных листах рукописи дается описание вотских имен (л. 1[1]), падежей (л. 2) и склонения (л. 4). Указано, что «при имени вотскомъ примечается только склоненіе, число и падежъ» (л. 1). Удмуртские падежи представлены по образцу русских падежных моделей – 6 падежами: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный и творительный. В лексических же

[1] Здесь и далее ссылка на грамматику дается лишь с указанием страницы рукописи, орфография оригинала полностью сохранена.

материалах грамматики присутствуют и иные падежные формы, например, местоимения *мыныстымъ* ‘у меня’, *милестымъ* ‘у насъ’, *тыныстыдъ* ‘у тебя’ и *тилестыдъ* ‘у васъ’ фактически даны в разделительном падеже.

Несколько листов (л. 4–6) уделено парадигме притяжательного склонения имени существительного *пи* «сынъ» в единственном и множественном числах (точнее: при одном и множестве обладаемых). Имеется очень ценное примечание, касающееся удмуртского языка, которое ранее не было отмечено в письменных памятниках XVIII столетия – ни в грамматике 1775 года, ни в «Опыте…» М. Могилина[2] [Могилинъ, 1998]: «имена существительныя не склоняются когда выговариваются с именами числительными. Напр., *мон солы кузмай кыкъ сяска*. Я подарилъ ему два цвѣтка» (л. 4).

Систематизация существительных приводится по семантическим признакам – в общей сложности выделено 17 групп: слова, означающие абстрактные понятия, неозаглавленные ни в какую группу, «Имена мущинъ и женщинъ и ихъ должностей», «Имена училищныхъ вещей и людей», «Имена членовъ тѣла и болѣзней», «Наименованіе мѣталловъ, минераловъ», «Наименованіе полевыхъ орудій и растѣній», «Имена овощей», «Имена ягодъ», «Имена яствъ», «Имена питій», «Имена деревъ», «Имена насекомыхъ» и др. Однако включение слов в отмеченные группы не всегда соответствует действительности. Так, например, в группу «Имена насекомыхъ» (л. 13–14) ошибочно причислены термины, обозначающие названия животных: *чодокый* ‘ужъ’, *седъ кый* ‘змѣя’, *ширъ* ‘мышъ’, *комакъ* ‘крыса’, *эбекъ* ‘лягуша’. В группе «Имена членовъ тѣла и болѣзней» (л. 10–11) не совсем верно оказались словосочетания *эсъ зири* ‘дверная пята’, *верамъ сямъ* ‘рѣчь, слово’, *музъемъ* ‘земля’. Слово *тугъ* ‘хмель’, обозначающее вьющееся растение, находим в группе «Имена питій» (л. 13). К месту также отметить, что в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» существительные представлены в 16 главах и там отдельно не выделяются «Имена училищныхъ вещей и людей». В рукописи же С.И. Шубина в эту группу включено 8 слов: *дышетсконъ сямъ* ‘ученіе’, *грама* ‘грамота’, *цюрыкъ* ‘строчка’, *гоштэдъ* ‘письмо’, *гожяськонъ* ‘чернилица’, *зязекъ-тылы* ‘гусин[ое] перо’, *суретъ* ‘портретъ’, *вордемъ муртъ* ‘воспитан [ник]’ (л. 9).

Грамматика «Краткія правила вотскаго языка» выделяет 7 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие и междометие. Отсутствуют сведения о предлогах и сами предлоги (точнее, послелоги), хотя в парадигме спряжения глаголов встречается послелог *сяменъ* ‘как’ в составе деепричастия *сіо̂тонъ-сяменъ* ‘даючи’ (л. 32).

[2] Последние исследования показали, что «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» был составлен М. Мышкиным, а не М. Могилиным, как считалось ранее [Чураков, 2016].

Большая часть рукописи посвящена глаголам. Положительные и отрицательные формы спряжений указываются верно. Парадигма спряжения иллюстрируется на примере изменения трех глаголов: *вераны* ‘сказать’, *ушъяны* ‘хвалить’, *сіо̂тыны* ‘давать’. В грамматике выделяется пять наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное и неопределенное. Неопределенным наклонением назван инфинитив. Уместно указать, что в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» причастия и деепричастия были включены в разряд неопределенного наклонения наряду с инфинитивом. Здесь же они выделяются отдельно, но также отнесены к неопределенному наклонению, например: *ушъяськыс* ‘хвалящійся’, *ушъямъ* ‘хваленный’, *ушъяськыса* ‘хвалясь’ (л. 30); *сіо̂тысь* ‘дающій’, *сіо̂тса* ‘давши’ (л. 32).

Графика и орфография. Графика и элементы орфографии рукописной грамматики в целом соответствуют графическим и орфографическим особенностям книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», эмпирически урегулировавшей употребление алфавита и некоторых правил правописания русского языка для записи удмуртских слов в памятниках, составленных позднее (см. об этом: [Ившин, 2010, с. 59–65]). Особо, как нам кажется, стоит остановиться на различных написаниях одних и тех же слов, например:

«Краткія правила вотскаго языка»	**«Сочиненія 1775»**
теди узвесь ‘олово’ (л. 11)	*тэдѝ узвесь* ‘олово’ (с. 21)
тамка ‘монета’ (л. 11)	*танкà* ‘монета’ (с. 21)
иды ‘ячмень’ (л. 12)	*іи̂дѝ* ‘ячмень’ (с. 22)
сярци ‘рѣпа’ (л. 12)	*шарцѝ* ‘рѣпа’ (с. 23)
нѣкы ‘смѣтана’ (л. 12)	*нэкѝ* ‘сметана’ (с. 24)
нило ‘илемъ’ (л. 13)	*нюлò* ‘илемъ’ (с. 25)
кочіо̂ ‘сорока’ (л. 14)	*кочò* ‘сорока’ (с. 27)
кочишъ ‘кошка’ (л. 15)	*коцѝшъ* ‘котъ, кошка’ (с. 29)
кусіо̂ ‘хозяинъ’ (л. 16)	*кузїò* ‘хозяинъ’ (с. 21)
шитыръ ‘онучи’ (л. 17)	*ишты́ръ* ‘онучи’ (с. 33)
квать ‘шесть’ (л. 21)	*куать* ‘шесть’ (с. 40)
этисько ‘зову’ (л. 42)	*отисько̀* ‘зову’ (с. 103)
уллясько ‘погоняю’ (л. 43)	*ульляськò* ‘гоню’ (с. 105)
цесъкытъ ‘сладко’ (л. 47)	*цэскqтъ* ‘сладко’ (с. 111)

Различное буквенное оформление одних и тех же лексем в рукописи «Краткія правила вотскаго языка» и первой грамматике «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» можно объяснить, в одних случаях, непоследовательной, к тому периоду еще не сложившейся, орфографией (например, обозначение мягких или твердых согласных перед гласной э последующими буквами **е, э** или **ѣ**), в других – записью диалектного произношения лексем и, соответственно, разной их фиксацией в письме (например: *коцѝшъ* [*коčʹi̯š*]

‘котъ, кошка’ [Сочиненія, 1775, с. 29] и *кочишъ* [*kočį̈š*] ‘кошка’ (л. 15), *куать* [*ku̯at’*] ‘шесть’ [Сочиненія, 1775, с. 40] и *кватъ* [*kvat’*] ‘шесть’ (л. 21).

В печатной грамматике почти на всех удмуртских словах проставлено ударение. Для этого применены два надстрочных знака – акут (ˊ) и графис (ˋ). Акут ставится, как правило, над гласной закрытого слога, например: *Тирни́дъ* ‘топорище’, *Питра́нъ* ‘колесо’ [Сочиненія, 1775, с. 34]. Графис же обозначает конечный гласный открытого слога, т.е. данное ударение ставится в основном в словах, оканчивающихся на гласный звук, например: *Табà* ‘сковорода’, *Сарбà* ‘буракъ’ [Сочиненія, 1775, с. 32]). В анализируемой рукописи акцентировано всего около 40 слов. Причем используется только один знак – графис: *салкы̀мъ* ‘стужа’ (л. 7), *кузѝмъ* ‘подарокъ’ (л. 8), *тунò* ‘ворожея’ (л. 9), *сенькù* ‘трутъ’ (л. 11), *баты̀ръ* ‘сильный’ (л. 20) и др.

Лексические особенности. В рукописной работе «Краткія правила вотскаго языка» насчитывается 1282 лексемы. Многие слова, зафиксированные в печатной грамматике 1775 года, в рукописной не представлены. К ним можно отнести существительные (порядка 80 слов), обозначающие отдельные явления природы, части человеческого тела, наименования животных, птиц, рыб, растений, термины, обозначающие ландшафт, продукты питания, предметы сельскохозяйственного производства, родственные и временные отношения и т.д. Например: *Таза́бусъ* ‘доброй духъ’, *Дзе́цъбусъ* ‘доброй духъ’, *Уро́тъбусъ* ‘злой духъ’, *Жо́пъбусъ* ‘злой духъ’; *Бадзи́мъ визь* ‘великій постъ’, *Рошто́ву визь* ‘постъ рождественскій’; *Кунълэ́нъ кышноéзъ* ‘царица’, *Эксейлэ́нъ кышно* ‘государыня’, *Бадзимъ муртълэ́нъ кышноéзъ* ‘госпожа’, *Уарълэнъ кышнò* ‘служанка’; *Тэрè* ‘судья’, *Юсь тылы̀* ‘перо лебединое’, *Ворзе́мъ му́ртъ* ‘вершникъ и всадникъ’; *Си́нъ-келù* ‘яблочко’, *Визми́зъ* ‘умъ’ [Сочиненія, 1775, с. 13–18] и др. Помимо вышеуказанной лексики, в рукописную грамматику не включены 10 прилагательных, около 30 глаголов, 12 наречий, которые представлены в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка».

В свою очередь, в грамматике С.И. Шубина встречаются такие слова и словосочетания, которые отсутствуют на страницах опубликованной грамматики: *шунытъ палъ* ‘югъ’ (л. 7), *чужъ апай* ‘тетка’, *чужъ муртъ* ‘дядя’, *кенакъ* ‘сноха’ (л. 8), *ляльци* ‘работникъ’, *куспалъ* ‘женихъ’, *лучкась* ‘воръ’, *искавынъ* ‘сосѣдъ’, *кудо* ‘сватъ’, *вармъ ай* ‘тесть’, *варъ мумы* ‘теща’, *иръ вiись* ’головорѣзъ’, *кебитъ* ‘кузница’ (л. 9), *gуръ* ‘пѣсня’, *эсъ дзири* ‘дверная пята’ (л. 10), *лыдонъ* ‘своробъ’, *кезидъ* ‘лихорадка’, *чужектонъ* ‘желтуха’ (л. 11), *яснык*ъ ‘чечевица’ (л. 12), *чибинь* ‘комаръ’, *пыръ нымы* ‘мошка’ (14), *мый* и *вудоръ* ‘бобръ’, *порос*ъ ‘быкъ’ (л. 15), *корка азь* ‘крылецъ’, *синъ уцконъ* ‘зеркало’ (л. 16), *уробоцерс*ъ ‘ось’, *сяканъ* ‘попона’ (л. 18), *уляюшъ* ‘ершъ’, *батьквар*ъ ‘шаклея’, *чукырна* ‘пешкарь’, *бытконъ* ‘елецъ’, *чожи* ‘головль’, *ты карака* ‘карась’, *сонъ* ‘язь’, *кисло-кусло* ‘ракъ’, *пуръ беръ* ‘корма’ (л. 19), *пуй* ‘сто’, *дасъ сю* ‘тысяча’ (л. 22), *шуисько* ‘говорю’ (л. 39), *кылзысько* ‘слушаюсь’ (л. 45), *юри* ‘нарочно’ (л. 48).

Заключение

Проанализированная рукописная грамматика «Краткія правила вотскаго языка» является своеобразным свободным изложением содержания книги «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» 1775 года. Графика и элементы орфографии рукописи далеки от совершенства, однако они в целом тождественны графическим и орфографическим особенностям удмуртских письменных памятников раннего периода (XVIII – первой половины XIX столетия). Грамматика С.И. Шубина содержит главным образом наиболее существенные слова из основного лексического фонда удмуртского языка. Рукопись, обнаруженная в архиве Венгерской академии наук, является памятником письменности своего времени и заслуживает внимания исследователей истории удмуртского языка. Вне всякого сомнения, она должна занять достойное место среди письменных документов подобного рода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ившин Л.М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2010. 236 с.

Каракулов Б.И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 208 с.

Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Художеств. лит., 1987. Т. 1: Развитие русской литературы X–XVII веков; Поэтика древнерусской литературы. 653 с.

Лупповъ П.Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка: Губерн. тип., 1911. XXII + XVI + 568 с. + XXXIV.

Могилинъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с.

Сочиненія 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академїи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 113 с.

Чураков В.В. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 3. С. 184–196.

Leonid Ivshin

UDMURT GRAMMAR BY S. I. SHUBIN

Introduction. This article examines S. I. Shubin's handwritten grammar "Brief Rules of the Votyak Language". The study aims to provide a general overview of this manuscript and to analyze it linguistically in comparison with the first printed Udmurt grammar of 1775. **Materials and methods.** The research is based on two historical texts of the Udmurt language. Descriptive and comparative methods were employed. **Results and discussion.** The graphemic system and orthographic principles of the printed grammar "Works Belonging to the Grammar of the Votyak

Language” and the manuscript largely coincide; however, a considerable number of words exhibit spelling variations. The varying orthographic representations of identical lexemes, as well as structural differences between the two texts, are explained partly by inconsistent orthography and partly by dialectal pronunciation and divergent written transcription. **Conclusion.** S. I. Shubin’s grammar is a significant historical text of its time and is of particular interest to the history of the Udmurt language.

Keywords: the Udmurt language; historical text; manuscript; grammar; graphemics; orthography; lexicon; dialect.

REFERENCES

Ivshin L.M. Stanovlenie i razvitie udmurtskoj grafiki i orfografii v XVIII – pervoj polovine XIX veka [Formation and development of Udmurt graphemics and spelling in the 18th – first half of the 20th centuries]. Ekaterinburg; Izhevsk, Ural’skoe otdelenie Rossijskoj Akademii nauk, 2010, 236 p. (In Russian).

Karakulov B.I. Istorija udmurtskogo literaturnogo jazyka: XVIII–XXI veka [History of the Udmurt literary language: 18th–21th centuries]. Izhevsk, Udmurtija, 2006, 208 p. (In Udmurt, In Russian).

Lihachev D.S. Izbrannye raboty. Tom 1. Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov; Poetika drevnerusskoj literatury [Selected works. Vol. 1. The Development of Russian Literature of the 10th–17th Centuries; Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura, 1987, 653 p. (In Russian).

Luppov P.N. Hristianstvo u votjakov v pervoj polovine XIX veka [Christianity among the Votyaks in the first half of the 20th century]. Vjatka, Gubernskaja tipografija, 1911, XXII + XVI + 568 p. + XXXIV. (In Russian).

Mogilin M. Opyt kratkoj udmurtskoj grammatiki [Experiences of a Short Udmurt Grammar]. Ed. by L.E. Kirillova. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural’skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk, 1998, 203 p. (In Russian).

Sochinenija 1775 – Sochinenija prinadlezhashhija k grammatike votskago jazyka. V Sankt-peterburge pri Imperatorskoj Akademii nauk 1775 goda [Essays of Grammar of the Votsky Language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences, 1775]. Pervaja nauchnaja grammatika udmurtsogo jazyka. Izhevsk, Udmurtija, 1975, 113 p. (In Russian).

Churakov V.V. Avtorstvo, datirovka i istorija rukopisi “Kratkoj otjackoj grammatiki opyt” [Authorship, dating and history of the manuscript “Short Votyak Grammar Experience”]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij, 2016, no. 3, pp. 184-196. (In Russian).

Ившин Леонид Михайлович
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: ivleo.75@mail.ru

Leonid Ivshin
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: ivleo.75@mail.ru

УДК 811.511.132’373.2
DOI 10.51254/2312-0312-2026-3-75-15-33

«СЛЕДЫ» ЖИВОТНЫХ В КОМИ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗООНИМА *КӦЧ*)*

© 2026 г. О.И. Некрасова

Введение. Зоолексика выступает частью национальной языковой картины мира, поэтому изучение зоонимической лексики – одно из актуальных направлений в современной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультуре. В зоонимах ярко отражаются особенности национальной культуры, нравов и обычаев. Образы животных в разных языках и свойства, которыми они наделяются, восходят к глубинам человеческого сознания, к верованиям и мифологии народа. **Цель статьи** – исследование единиц анималистического кода коми культуры, связанных с зоонимом *кӧч* ‘заяц’, репрезентация представлений о денотате зоонима в коми языке и культуре. **Материалы и методы.** Материалом для работы послужил широкий круг текстов различных жанров коми литературы, лексикографических источников, лингвистических, фольклорных и этнографических исследований, произведений устного народного творчества, коми художественных произведений. Основные методы: описательный, контекстуальный анализ, семантико-мотивационный, ономасиологический, элементы словообразовательного анализа. **Результаты исследования, обсуждение.** Зооним *кӧч* является лексической единицей коми языка, компонентом его зоолексики. Лексема *кӧч* полисемантична и омонимична. В коми языке и диалектах выделяется обширная группа лексики, представляющая дериваты существительного *кӧч*. Исследование слов материальной и духовной культуры коми языка, фразеологизмов и паремий, содержащих компонент *кӧч*, их переносных значений, ономасиологический анализ дериватов существительного *кӧч* позволили проследить пути развития представлений о животном не только в языке, но и в коми культуре. **Заключение.** Лексика с компонентом *кӧч* получила широкое распростране-

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

ние в коми языке и его диалектах. Изучение слов, фразеологизмов и паремий с компонентом *кӧч* дает представление об особенностях закрепления образа животного в коми культурном коде.

Ключевые слова: коми язык; зооним; зоолексема; кӧч; заяц; анималистический культурный код; коми картина мира.

Введение

Слова, обозначающие животных (зоонимы), относятся к наиболее древнему пласту лексики во всех языках мира. Многочисленные исследования подтверждают, что в зоонимах ярче, чем в любой другой области языка, отражаются особенности национальной культуры, нравов и обычаев, жизни человека. Образы животных в разных языках и свойства, которыми они наделяются, восходят к глубинам человеческого сознания, верованиям и мифологии народа.

Зоолексика выступает частью национальной языковой картины мира. По мнению специалистов, системные исследования различных групп лексики представляют большой научный интерес, поскольку в них находят отражение лингвокультурологические, этнолингвистические аспекты языка и они содержат информацию о культурном состоянии народа [Лобанова, 2013, с. 48].

Изучение зоонимической лексики коми языка связано с работами ряда лингвистов, прежде всего А.Н. Ракина, И.В. Бродского. Ценным источником зоонимов, а также лексики, включающей зоокомпонент *кӧч*, являются словари коми языка, коми диалектов.

Исследуя лексику, языковеды оперируют понятием *зоонимический компонент*, под которым понимаются названия животных, используемые при номинации различных предметов окружающей действительности (например, растений). Как отмечает М.Р. Насибуллина, в основе такого типа фитонимов лежит метафора, т.е. ассоциация значения слова с определенными реалиями повседневной жизни, в нашем случае – внешнее сходство конкретных растений с животными или их свойствами [Насибуллина, 2015, с. 38].

Фразеологизмы, паремии, метафоры, образованные на основе зоонима, антропоцентричны. Зоохарактеристики человека, возникая на образном представлении о том или ином животном, наиболее ярко и непосредственно отражают национальную самобытность языков через систему оценочных образов – эталонов, характерных для данного этноса. В эталонах устойчивых сравнений предметы реального мира отражаются не такими, какие они есть на самом деле, а такими, какими они освоены сознанием человека в культурном пространстве того или иного языкового социума [Зимин, Пак, 2004, с. 108]. Под культурой понимается универсальный способ жизнедеятельности людей, который реализуется в продуктах материального и духовного производства,

способах мышления и восприятия реальности, способах деятельности, в системе социальных норм и ценностей, совокупности отношений человека к природе и самому себе.

Цель статьи – исследовать лексику коми языка, включающую зоокомпонент *кӧч* ‘заяц’, выявить ее функционирование в сферах материальной и духовной культуры коми, определить функционально значимые для коми-зырянской культуры смыслы, связанные с денотатом зоонима.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил широкий круг текстов различных жанров коми литературы, лексикографических источников, лингвистических, фольклорных и этнографических исследований, произведений устного народного творчества, художественных произведений. Основные методы: описательный, коми контекстуальный анализ, семантико-мотивационный, ономасиологический, элементы словообразовательного анализа.

Результаты исследования, обсуждение

Заяц – один из древнейших образов во множестве мировых культур, «образ зайца многозначен» [Ершов, 2014, с. 184]. В природе зайцеобразные населяют весь земной шар. Эти небольшие лесные травоядные млекопитающие отличаются осторожностью, способностью быстро бегать, скоростью размножения, чуткостью восприятия. Международное научное название рода зайцев *Lepus* (лат.).

В Республике Коми обитают заяц беляк (*еджыд кӧч*) и заяц русак (*руд кӧч*). Для обозначения зайца в коми языке имеется зооним *кӧч* [КРК, 2000, с. 308]. По замечанию исследователей, названия зайца в финно-пермских языках почти во всех случаях, скорее всего, являются табуистическими (заяц − объект охоты). Лишь мордовское *нумоло*, вероятно, исконное древнее название (ср. коми-язьв. *нимӧл*, саам. *njoammel*, венг. *nyul*) [Бродский, 2016, с. 54–65]. *Кӧч* является древнечувашским (булгарским) заимствованием прапермской эпохи, ср. чув. *кач* (*мулкач*) ‘заяц’ [Лыткин, Гуляев, 1999, с. 143].

В Коми-русском словаре указаны три значения полисемантичного слова *кӧч*: 1) заяц || заячий <…>; 2) зайчик *(отблеск солнца на стене)*; 3) зайчик; иней; промерзшее, заиндевевшее место на стене [КРК, 2000, с. 308]. Толковый словарь коми языка дает следующее толкование *кӧч* в первом значении: 1. кузь пеля, дженьыдик бӧжа кузь бӧр кока вӧрса пемӧс [Карманова, Якубив, 2016, с. 178] ‘лесной зверек с длинными ушами, коротким хвостом и длинными задними ногами’.

В мифологии коми заяц является творением Бога (*Ен*) и в мифах коми-зырян называется *Ен ыж* ‘Божья овца’; ср. удм. *лудкеч* ‘дикая коза’ = ‘заяц’. Преимущественно в среде удорских, верхневычегодских, печорских староверов зайцев считают созданием нечистого, называют их *вӧр пон* ‘лесная

собака’ и не употребляют в пищу. В коми сказках образ зайца двойственен, он может быть и помощником, и трикстером – ловким обманщиком. Яркий сюжет представлен в сказке «Лиса и заяц», где заяц проучивает хвастливую лису [МК, 1999, с. 209]. Традицию обозначать диких животных и насекомых как ‘божьих’ специалисты наблюдают в славянских языках [Топоров, 1981, с. 274–275], «сфера Бога в данном случае рассматривается как неосвоенная, чуждая человеку. В определении *божий* для животных подчеркивается идея локализации в божьем, т.е. не освоенном человеком, диком мире, таким образом, срабатывает модель *божий=дикий*» [Кривощапова, 2007, с. 61].

От существительного *кӧч* в коми языке образованы глаголы, прилагательные, субстантивные единицы, в которых *кӧч* выступает в качестве компонента составных наименований. Лексические единицы, включающие компонент *кӧч*, входят в различные тематические группы слов, относясь к лексике материальной или духовной культуры.

Большое хозяйственно-экономическое значение у коми имела промысловая деятельность, охота и рыболовство играли ведущую роль на ранних этапах развития народа. Согласно Н.Д. Конакову, промысловый быт оказал огромное влияние на духовную культуру коми народа, промысловые традиции в той или иной мере находили свое отражение во всех проявлениях его духовной жизни. Промысловую деятельность коми населения, по мнению ученого, широко отражает лексика, это и термины, обозначающие живую и неживую природу, местность с различными особенностями рельефа, водоемы и источники; термины, обозначающие различное состояние снежного покрова; лексика, выражающая половозрастное деление животных (например, глухарь – *чукчи*, глухарка – *дозмӧр*, молодой глухарь – *вийӧр*) [Конаков, 1983, с. 214−232]. Заяц в экономике охотников севера играл большую роль и поэтому занимал видное место в идеологии [Сидоров, Лыткин, 1966, с. 123]. Видимо, этот аргумент сыграл свою роль и при расшифровке коми народных названий месяцев из списка в рукописи церковного Устава 1608 года лингвистами Г.С. Лыткиным, В.И. Лыткиным и А.С. Сидоровым. Коми народное название месяца сентября *кӧч* было восстановлено ими из слова *кичь*, которое ученые считали искажением коми слова *кӧч* ‘заяц’, так как на сентябрь у коми охотников приходится сезон массовой добычи зайцев [Конаков, 1994, с. 112–114]. Таким образом, коми название *кӧч* ‘сентябрь’ образовано на основе зоонима.

Среди лексики, связанной с охотой, промыслом, можно выделить несколько тематических групп, в которых встречаются наименования, включающие компонент *кӧч*.

Названия орудий и приспособлений для промысла и охоты

Компонент *кӧч* включен в двусоставные и трехсоставные по структуре обозначения охотничьих орудий лова – ловушек для ловли зайцев: *кӧч пыльӧм*

‘ловушка для ловли зайца’, *кӧч гу* ‘ловушка для зайца’ (букв. ‘заячья яма’), *кӧч кыян гу* ‘яма на зайца’ [Ракин, 2025, с. 220, 224], *кӧч казь* ‘сеть для ловли зайцев, тенета’, *кӧч капкан* ‘капкан на зайца’, *кӧч кыйдэс* нв. ‘ловушка на зайца’, *кӧч пекля / кӧч пекляяс сиавны* ‘расставить петли на зайца’[1].

В диалектах широко распространены названия специальных рам (пяло), на которые напяливают шкурки животных (зайцев) для сушки: *кӧч вожка* ‘рогулька, на чем расправляют и высушивают заячьи шкурки’, *кӧч ку пелича* ‘пяла для растяжки заячьих шкур’, *кӧч ку палеч* уд. (Пучк.), *кӧч пела* вс. (Гр., Кб., Кг.), *кӧч зэвтӧг* уд. (Лат.), *кӧч ку зэвтӧг* уд. (Лат. Разгорт), *кӧч ку зэлтӧс* печ., *кӧч зээ пу* вв. (Бог., Виш., Млд., Укл.) ‘тж’.

Маленькая узенькая лопатка, применяемая охотниками для упора при стрельбе, а также для разгребания снега, в коми диалектах имеет названия с компонентом *кӧч* в составе: *кӧч пань бедь, кӧчпань* уд. (Гл.), *кӧч кыян кой* нв., *койбедь* вв., печ., сс., *койбед* иж., *кой* вс., *паньтук* уд. (Венд.), *паньтугбедь* уд. (Венд.).

Названия действий и процессов, связанных с промыслом и охотой

На основе существительного *кӧч* образованы глаголы с семантикой промысловой деятельности. Их можно отнести к семантическому классу глаголов профессионально-трудовой деятельности: *кӧчасьны* ‘идти на зайца *(о собаке)*; охотиться за зайцами’ [КРК, 2000, с. 308], *кӧчавны* лл. (Об.), *кӧчалны* лл., сс., *кӧчасьны* лл. ‘охотиться за зайцами’, *кӧчавны* уд. ‘ловить зайцев (во время половодья с островов)’.

Названия, связанные с охотничьим собаководством

Гончая собака в коми языке – *кӧч кыян пон* [Ракин, 2021, с. 323], *кӧчалысь пон* [КРК, 2000, с. 308].

Участники промыслового процесса, названия охотников и их помощников

Кӧчалысь ‘охотник на зайцев’ лл. (Об.), *кӧч кыйысь* [Ракин, 2021, с. 322].

Обозначение пищевых продуктов животного происхождения

Кӧч яй ‘зайчатина’ [Ракин, 2012, с. 40–44].

Названия, связанные с промысловой магией

Среди бытующих в промысловой традиции заговоров (*нимкыв*) на удачную охоту зафиксирован и заговор на ловлю зайцев – *кӧч кыян нимкыв* [Панюков, 2026, с. 410].

Отдельные лексические единицы, образованные от существительного *кӧч*, относятся к семантическим классам глаголов: поступка и поведения – *кӧчо-*

[1] Весь лексический материал коми-зырянских диалектов, представленный в работе, извлечён из: Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012; 2014, в дальнейшем ссылки на источник к диалектной лексике не даются.

оны иж. ‘дурачиться’; разнонаправленного движения субъекта – *кӧчьявны* нв. (Паль, Час.), скр., *кӧчъявны-ветлӧдлыны* скр. ‘ходить где попало; ходить туда-сюда; мотаться без толку, ходить, как заяц, в неопределенных направлениях’, *кӧчавны-варшавны* уд. ‘бродить попусту’; беспорядочного, вращательного и колебательного движения – *кӧчавны* уд. ‘кидаться, бросаться, метаться туда и сюда’; изменения психического состояния (с оценочным и разговорным оттенком) – *кӧчмыны* иж. ‘одуреть’; объединяющих значения ‘обходить’ и ‘обгонять’ – *кӧчалны* вс., лл. (Пор.) ‘обойти, опередить других, оставив их как бы на островке, в хвосте (о жнеце, косаре)’. Очевидно, что при номинации учитывались наблюдения за повадками зайцев, специфика их образа жизни в естественной среде (например, ходить по лесу петляя, кругами, из осторожности заметая свои следы) или особенности поведения зайцев в различные периоды жизни (например, необычное буйное поведение в весенний период, во время брачного сезона – гона).

В коми языке зооним *кӧч* связан с играми и развлечениями, относится к лексике духовной (социокультурной) сферы. В лузско-летском диалекте зафиксировано название игры в жмурки – *кӧч куталӧм* (Чтв.) букв. ‘ловля зайца’, а в нижневычегодском диалекте – глагол *кӧчавны* со значением ‘шлепнуть ладонью кого-л. (при игре), салить’. Нелестный, уничижающий эпитет *полысь кӧч* ‘трусливый заяц, трус’ является вербальным наказанием в игровой сфере коми участника, нарушившего упорядоченный мир игры неправильным поведением [Семенов, Чудова, 2010, с. 123].

Название зайца служит номинативной платформой для создания наименования, демонстрирующего связи с другой лексической группой. Компонент *кӧч* входит в состав фитонимов, названий грибов. Употребление зоонимического компонента в фитонимах коми языка имеет различную мотивировку [Ракин, 2009, с. 116]. В ботаническом словаре А.Н. Ракина [1989] и исследовании И.В. Бродского [2016, с. 61–62] даны следующие названия грибов и фитонимы: *кӧч гоб* ‘подберезовик’ (букв. ‘заячий гриб’), *кӧч тшак* ‘груздь желтый’ (букв. ‘заячий гриб’), *кӧч ельдӧг* ‘груздь желтый’ (букв. ‘заячий груздь’), *кӧч ошъюр* ‘гриб коровяк, коровятник’ (букв. ‘заячий боровик’, ‘заячья медвежья голова’), *кӧч йӧн* ‘осот полевой’ (букв. ‘заячий осот’), *кӧч сьӧла оз* ‘поленика’ (букв. ‘заячья поленика’), *кӧч оз* ‘костяника’ (букв. ‘заячья земляника’), *кӧч шомакор* ‘кислица’ (букв. ‘заячий кислый лист’), *кӧчвӧнь* ‘плаун булавовидный’ (букв. ‘заячий пояс’), *кӧч йӧла оз* ‘поленика’ (букв. ‘земляника с молоком зайца’) – из *кӧч сьӧлаоз* ‘поленика’ (букв. ‘заячья поленика’).

Национальной спецификой отличается пейоративная лексика. Согласно Е.А. Цыпанову, на основе слов-зооморфизмов (названия животных, птиц, насекомых) в коми языке возникают вторичные пейоративные значения [Цыпанов, 2019, с. 161]. Отрицательная характеристика человека, означающая, что

он ведет себя по-разному в зависимости от ситуации и окружения, скрывает свои истинные намерения и чувства, заложена в пейоративе ***кӧч ку лызь*** *ӧтарӧ-мӧдарӧасьысь, ысі-косіасысь, мӧвпсӧ вежлалысь морт* ‘двуличный, легко меняющий мнение’ [ССКЗД], досл. ‘лыжи, отороченные заячьим мехом’. Вторичное пейоративное значение получило название предмета охотничьего инвентаря (лыжи, подбитые заячьим мехом), компонент *кӧч ку* в составе пейоратива – атрибут предмета.

Зооморфный пейоратив ***кӧч сьӧлӧм*** *полысь, родысь, вӧй морт* ‘трус, трусиха’ (досл. ‘заячье сердце’) [Цыпанов, 2024, с. 87] – отрицательная характеристика робкого, трусливого, пугливого человека, не способного на смелые поступки. Здесь трусость составляет устойчивую черту характера. Национальная специфика пейоратива *кӧч сьӧлӧм* ‘трус’ (досл. ‘заячье сердце’) видна при сравнении с аналогичным пейоративом русского языка *заячья душа* ‘трус’, также *заячья кровь* в жаргонном, презрительном смысле (в воровском арго) имеет значение ‘трус’ [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 331]. С коми пейоративом сближается английский *chicken-hearted* ‘трусливый, малодушный’ (букв. ‘с сердцем курицы’).

В ономастической лексике коми языка зоолексему *кӧч* исследователи находят в фамилиях и прозвищах: *Кочев* (фамилия от *кӧч* ‘заяц’) [Плесовский, 1997], *Кӧч Закар* (прозвище литературного персонажа из стихотворения коми поэта Ивана Алексеевича Куратова «Закар ордын» («У Захара»), букв. ‘Заяц Захар’, *Кӧч Вась, Кӧч монь зять Вавил, Кӧч Чемиш Иван* [Хабарова, 2000, с. 812]; также в топонимах: *Кэччойяг (Кӧччойяг)* – поселок в Сыктывдинском районе Республики Коми, расположен на левом берегу Вычегды в сосновом бору, букв. ‘бор заячьей горки’ [Туркин, 2015, с. 158], *Кэчпель (Кӧчпель),* или *Пайэр-яга,* – левый приток Усы, букв. ‘заячье ухо’ (нен. *Ньяука-яга* – сильная извилистость реки сравнивается с петляющей тропой зайца) [Туркин, 2015, с. 157]; *Кэчпиян (Кӧчпиян)* – деревня на правом берегу р. Большая Визинга, Сысольский район [Жеребцов, 2000, с. 194], *Кӧчпиян* означает ‘дети, сыновья *Кэч*’ (*Кӧч* – прозвище человека).

По данным фольклорных исследований, в традиционной культуре коми-зырян образ зайца участвует в формировании мифологического образа мороза, персонифицируя природное северное явление – сильный холод, трескучий мороз. Среди множества микролокальных названий мороза (*Пашляк, Сьлепой Паш* и др.) распространены наименования, включающие зоолексему *кӧч.* Во время сильных морозов на севере бревна в деревянных домах часто трещали, в календарной мифологии коми-зырян образ мороза был связан с треском бревен в деревянных стенах, он представлялся в виде женщины, которая едет в берестяном лотке, запряженном зайцем, – *кӧч вӧла баба* (о морозе) ‘женщина на лошади-зайце’, *кӧч вӧла баба чужъясе* ‘женщина на лошади-зайце пинает-

ся’, *кӧч-вӧла шердын додьнас стенмас инмалӧ* ‘запряженный заяц задевает об стены санями-лотком’ [Панюков, 2012, с. 89–92]. А.В. Панюков отмечает, что образ зайца-лошади кажется вполне подходящим для «морозной упряжки», учитывая его белый цвет, быстроту, да и популярность зайца в детском фольклоре коми.

С темой неживой природы, зимы и зимних осадков зайца и зоолексему *кӧч* связывают названия снега в диалектах коми языка. Е.А. Айбабина в своем исследовании показывает, что в наименованиях снега, падающего хлопьями, присутствует образ зайца, один из компонентов в них – названия анатомических частей животного: ушей – *кӧч пель* ‘заячьи уши’, *кӧч пель лым* уд., *кӧч пель пасьта лым* вв. (Вольд.) ‘снег, как заячьи уши’; лап – *лапа, лап, кӧч лаптӧн лым* уд. букв. ‘снег (падающий) заячьими лапами’, *лымйыс кӧч лаптӧн локтӧ* уд. (Крив.), *кӧч лаптӧн пальзьӧдлас лым* уд. ‘снег летит заячьими лапами’; меха – *кӧч ку пасьта лым* вв. (Крч.) букв. ‘снег с заячью шкурку’. Автор отмечает, что в последнем случае в основе наименования больших, широких снежинок (хлопьев снега) лежит сходство с белым пушистым заячьим мехом [Айбабина, 2017, с. 20–21].

В верхневычегодском диалекте зафиксировано следующее наименование оранжевого цвета – *кӧч кудз виж* (Вольд.) букв. ‘желтый, как моча зайца’.

Зоокомпонент *кӧч* функционирует в коми диалектной лексике, связанной с темой еды и питья. В печорском диалекте зафиксировано название блинов – *кӧч пель кӧлдым* (Пкч.) букв. ‘колобок (как) заячье ухо’, оладий – *кӧч кӧлдум* печ. (Пкч.) букв. ‘заячий колобок’. С напитками заяц связан через сравнение очень густого крепкого чая с заячьей кровью: в верхнесысольском диалекте зафиксировано сравнительное выражение *кӧч вир кӧдь чайыс* (Гр.) ‘очень густой чай, словно заячья кровь’. Аналогичное сравнение известно и в турецком языке. Выражение *tavşan kanı* (‘заячья кровь’) используют, чтобы описать очень крепкий чай (из-за насыщенного цвета).

Заячья кровь (*кӧч вир*) фигурирует также в устойчивом выражении *кӧч вира* ‘с заячей кровью’ [КРК, 2000, с. 308], дающем представление о равнодушном, хладнокровном человеке. В сопоставительном аспекте интересно привести пейоратив *заячья кровь* из уголовного жаргона в русском языке, который обозначает трусливого человека: жарг. угол. презр. *заячья кровь* = трус [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 331].

Зоокомпонентом могут быть названия анатомических частей животного (лапа / лапы, хвост, уши, мех / шкурка – *кӧч лап, кӧч бӧж, кӧч пель, кӧч яй, кӧч гӧн, кӧч ку*), где *кӧч* ‘заячий’ выступает атрибутом последующего элемента.

Так, «особое внимание» к заячьим ушам (*кӧч пель*) при номинации замечено не только в названиях снега, падающего хлопьями (*кӧч пель лым*) и блинов (*кӧч пель кӧлдым*). Заячье ухо присутствует в названии петельного

узла в лузско-летском диалекте – *кӧч пеля гӧрӧд* (Об., Чтв.), букв. ‘узел заячьим ухом’; петельный узел может иметь сходство с заячьим ухом. Название элемента традиционного костюма народа коми – женского головного убора *косынки*, представляющей разновидность платка в форме равнобедренного треугольника, в верхневычегодском диалекте тоже имеет в своем составе компонент ‘заячье ухо’ – *кӧч пель чышъян* (Вольд., П.) ‘косынка’, букв. ‘платок (с) заячьими ушами’. На сходство с заячьими ушами указывают торчащие концы повязываемой на голове косынки. От наименования косынки в коми языке образован глагол *кӧчпелясьны* ‘повязать косынку, небольшой платок, перекрестив концы на затылке и завязав на темени надо лбом’ [КРК, 2000, с. 308]. Предмет одежды – шарф из заячьих хвостов в диалектах коми языка имеет названия: *кӧч бӧж гарстук* вым. (Весл. Кони, Синд.), *кӧч бӧж шарп* вым. (Весл. Кони, Синд.), нв., *кӧч ӧкелтіш* вв. (Бог.), *кӧч ку ӧкӧлыш* сс. (Пж. ЫБ).

Представления о заячьем мехе, заячьей шкурке, заячьем пухе (*кӧч ку, кӧч кучик, кӧч гӧн*) репрезентированы во фразеологическом пласте коми языка, его паремической зоне, в системе выразительных средств коми языка в целом, в заговорной традиции (в промысловой магии коми охотников) вербальной магии. Густой пушистый теплый белый мех, шкурка зайца, которая хорошо маскирует его зимой в снегу, ценятся у коми не столько за качество, сколько за красоту, цвет, тактильные свойства. На это указывают пословицы, поговорки, устойчивые выражения, сравнения в коми языке: *кӧч перыд, да три деньги, а ручыд ньӧжмыд, да сё шайт* нв. ‘заяц быстр, да цена ему три копейки, лиса нетороплива, да цена ей сто рублей’; *кӧч тэрыб, да грӧш доныс* ‘заяц быстр, да грош ему цена’; *кунича сьӧд, да дона, кӧч еджыд, да донтӧм* ‘куница черная, да ценная, заяц белый, но дешев’ [Плесовский, 1973, с. 48]; *кӧчӧн мунны, кӧчӧн и локны* ‘ни с чем уехать, ни с чем и приехать’; *кӧч ку донысь (вӧчны)* ‘за бесценок (сделать)’, букв. ‘по цене заячьего меха (сделать)’ [КРК, 2000, с. 308].

Наименование заячьей шкурки (*кӧч ку*) входит в состав устойчивых выражений, сравнений, характеризующих человека: *кӧч ку лызь* ‘двуличный, непостоянный, не держащий слова человек’, букв. ‘лыжи на заячьей шкуре; *кӧч ку лыззя* уд. ‘сплетник, сплетница’; *кӧч ку лызя койд* нв. ‘куда ветер дует – о человеке, который легко меняет свои убеждения’; *кӧч кульысь* нв. ‘обманщик, лицемер’, букв. ‘снимающий заячью шкурку, обдирающий зайца’. Происхождение *кӧч ку лызь* связано с традиционным охотничьим промыслом коми. Лыжи охотников, подбитые заячьей шкурой, не давали такой устойчивости, как лыжи, подбитые камусом, – на них можно было ехать как вперед, так и назад. Это наблюдение стало основой для создания образа непостоянного, двуличного человека.

Заяц является популярным персонажем в пермских фольклорных и мифологических традициях. В свадебной причети пермян зайчонок – один из образов невесты [Уляшев, 2011, с. 205−207]. Белизна, мягкость, красота заячьего меха послужили основой для образования устойчивых сравнений, метафор, функционирующих в коми языке и используемых в коми свадебной обрядности, песенной традиции, литературе. В свадебных причитаниях невесты эти признаки заячьего меха акцентированы в формулах красоты (женского, девичьего) тела *кӧч гӧн кодь еджыд яй* ‘заячье-меховое белое тело’, *кӧч гӧн небыд яя* ‘с заячье-меховым мягким (нежным) телом’: ***Кӧч гӧн вӧлі*** *менам* ***небыд яйӧй****, Коз кырсьӧ вӧд Менам сійӧ пӧри* ‘(Как) заячий мех, мягкое было у меня тело, В еловую кору оно превратится’, *Югыд шондіӧй менам,* ***Кӧч гӧн еджыд яйӧй*** *Тылавыв сьӧд мырйӧ пӧри* ‘Светлое солнце мое, нежное, как **заячий мех,** мое тело В черный пень на подсеке превратилось’. В причитаниях невесты, представленных в монографии Ф. Плесовского «Свадьба народа коми» [1968], формулами ‘с белым, как заячий мех, телом’, ‘с мягким, как заячий мех, телом’ описывают красоту молодой девушки – невесты, давая представление о ее дозамужней внешности, облике, состоянии, которые изменятся после выхода замуж (из белого станет черным, грязным, из мягкого – твердым). Невеста говорит о своей участи:

Сиралісны вӧд сиртӧм юрӧс, […]	Связали ведь меня по рукам и ногам, […]
Морӧсӧй векняліс,	Грудь моя сжалась,
Оз тусь вед менам войтышtіс,	Земляничная моя чистая кровь
Дай югыд вирӧй,	Пролилась,
Кӧч гӧн вӧд менам *сьӧдасис*	Заячье-меховое мое белое тело
Да ***еджыд яей****.*	Почернело / запачкалось.

Развернутые эпитеты в причитаниях Нижней Вычегды и Выми встречаются также в обращениях к матери, например, в записанном в с. Онежье причитании невесты к своей матери говорится:

Ой и вердан-вердысь	Ой и кормилица-поилица, солнце,
Чӧскыд, шонды,	Сладкомолочная, солнце, матушка. […]
йӧла мамӧй…	Земляничной, светлой крови моей давшая вызреть
Югыд вирӧс кисьмӧдысьӧй,	(налиться),
Кӧч гӧн*, шонды.*	Заячьему меху подобным, солнышко, белое тело
Еджыд яес *еджддысей.*	мое сделавшая белоснежным.

Образное выражение в форме прилагательного встречается в песенных текстах [Ипатьдорса фольклор, 1980], в песне «Нывлы» («Дочери»):

Бай, бай, бай, бай,	Бай, бай, бай, бай,
Муса нылӧй менам узьӧ	Милая дочка моя спит.
Кӧч гӧн кодь яя,	С телом, как заячий мех,
Оз тусь кодь вира.	С земляничной кровью.

Старцев Г.С. признак белизны заячьего меха использует для определения души умирающего человека как чего-то белого, легкого, воздушного, невесомого – *кӧч гӧн кодь еджыд лов* ‘дух, подобный белому заячьему пуху’: *Шуӧны*: *кулігӧн пӧ морт пытшкӧсысь «лов» петӧ. Кодъяс кӧ пӧ аддзывлӧмаӧсь*: ***кӧч гӧн кодь*** *пӧ сійӧ* ***еджыд****. Каяс пӧ йылӧ да пач сайӧ вошӧ* [Старцев, 1929, с. 64] ‘Говорят: когда человек умирает, из него «душа (дух)» выходит. Видевшие это говорят, мол, она белая, как пух зайца. Взлетит кверху и скроется за печью’.

В языковой культуре коми актуализируются заячья шкурка, заячий мех, пух (*кӧч ку, кӧч кучик, кӧч гӧн*). *Кӧч кучик* используется в выражениях-оберегах от сглаза, где русскому выражению *типун тебе на язык* соответствует коми *кӧч кучик тэныд горшад* букв. ‘заячья шкура тебе в горло (глотку)’. В формуле напутствия *кӧчӧн мун, сюзьӧн лок* ‘зайцем выходи, совой (филином) возвращайся’, с которой хозяйки весной первый раз выпускают на улицу овец, противопоставлены робость в образе зайца и смелость, бойкость в образе филина. В своем исследовании о вербальной магии в охотничьей и рыболовной практике коми А.В. Панюков приводит комиязычный пример из заговорной традиции коми-пермяков, в котором можно заметить табуирование наименования зайца (*кӧч*) в обращении к животному и замену эвфемизмом ***небыт гӧна****, шонді сина* ‘с мягкой пушистой шерстью, с солнечными глазами’, букв. ‘пушистошерстный, солнечноглазый’: ***Небыт гӧна, шонді сина!*** *Тэ бокӧ эн кеж, бӧр эн берт, вевдорӧт эн чеччовт. Мун веськыта аслат осьтаӧ, менам чомӧ*’ ‘С мягкой, пушистой шерстью, с солнечными глазами! Ты в сторону не сворачивай, назад не поворачивай, иди прямо в свою норку, в мой чомик-избушку’ [Панюков, 2026, с. 410].

Короткая длина заячьего хвоста (*кӧч бӧж*), его малый размер, будучи выразительным признаком заячьего образа, нашли выражение в паремиях коми языка на тему «Природа (времена года) и роль человека в ней», в которых протяженность осеннего / зимнего дня и протяженность весенней ночи сравниваются с заячьим хвостом. Дименсивным сочетанием *кӧч бӧж кузя*, передающим идею размера, обозначается признак ‘короткий’: *Арся луныд кӧч бӧж кузя* ‘Осенний день длиной в заячий хвост’; *Тӧвся луныд кӧч бӧж кузя* ‘Зимний день длиной в заячий хвост’; *Тувсов войыд кӧч бӧж кузя* ‘Весенние ночи с заячий хвост’ [Коми войтырлӧн шусьӧгъяс да кывйӧзъяс … , 2014, с. 34].

В истории Коми края в весенние половодья зайцы часто оказывались запертыми водой на небольших клочках суши – островках (*діяс*). Это явление ‘зайцы на островке, окруженном водой’, передаваемое синонимичными выражениями *ді вылӧ йӧрмӧм кӧчъяс, ді вылын кӧчьяс, ді выв кӧчъяс, ытва дырйи кӧчьяс* ‘зайцы, (запертые) на острове (в половодье)’, сформировало в коми языке метафорическую картину безвыходной ситуации, безвыходного положения (‘в западне, в капкане’), сопровождающегося чувствами страха, отчаяния,

беспомощности, приняло антропоцентрический характер. Анализ материала коми литературы показывает, что метафора-сравнение с образом зайцев на острове востребован у коми писателей, так как экспрессивен и вызывает яркие эмоциональные переживания, например: *И веськалісны* ***ді вылӧ кӧчьяс моз***: *батьыс надея кутіс заводӧ служащӧйӧн пырны, но местаыс абу нин вӧлӧма прӧст* [Беляев, 2012, с. 47–57] ‘И оказались как зайцы на острове: отец надеялся устроиться на завод служащим, но место было уже занято’. На устойчивый характер метафоры-сравнения в коми языке и в фольклоре указывает и материал из причитаний невесты в монографии «Свадьба народа коми». Будущая замужняя жизнь представляется девушке такой же, как положение загнанного пойманного зверька. Невеста из Кыдзкара говорит, что в таком состоянии она себя чувствует уже во время свадьбы: *Ме пукала* ***ді вылӧ йӧрмем-падмем кӧчыс моз*** ‘Я сижу как тот растерявшийся заяц, очутившийся на острове’;

Нэм чӧж ӧд лоӧ	Всю жизнь ведь придется
Син сайсӧ да пель сайсӧ корсьны	Скрываться от их глаз да ушей.
Кӧджӧ ӧд йӧршитасны	На плес загонят,
Кӧч пиянӧс моз,	Как маленьких зайчат,
Садӧкӧ йӧршитасны.	В клетку запрут.

В Коми крае известен обычай принесения «заячьего гостинца» *кӧч нянь, кӧч гӧснеч* ‘хлеб от зайца, гостинец от зайца’ – трутового гриба или хлеба взрослыми обратно из леса или с работы для детей. Специалисты указывают на заимствованный характер обычая [Подюков, 2020, с. 9–10].

Заключение

Изучение зоонимической лексики коми языка на примере зоонима *кӧч* ‘заяц’ проводилось исходя из установки, что зоонимы представляют сложный языковой и культурный феномен, отражающий многовековой опыт взаимодействия человека и природы, особенности национальной коми культуры. Лексема *кӧч* в коми языке полисемантична. Анализ деривационных связей и словообразовательных возможностей зоонима-существительного *кӧч* выявил субстантивные, глагольные, адъективные лексемы с компонентом *кӧч-* в коми языке и диалектах. От зоонима образуются глаголы с прямым и переносным значениями. Лексические единицы с компонентом *кӧч* входят в состав лексики материальной и духовной культуры коми языка. Лексика материальной культуры – это особый пласт словарного состава языка, который включает слова, обозначающие предметы и явления, связанные с материальным бытом народа. К ней в данном случае отнесены: названия орудий и приспособлений для промысла и охоты; названия действий и процессов, связанных с промыслом и охотой; названия, связанные с охотничьим собаководством; наименования охотников и их помощников; обозначения продуктов питания: зайчатины, блинов и оладий в диалектах (*кӧч яй, кӧч пель кӧлдым* печ. (Пкч.) *кӧч кӧлдум* печ. (Пкч.), а также предметов одежды (*кӧч*

пель чышъян). Лексика духовной культуры – это особый пласт словарного состава языка, который отражает сферы духовной жизни человека: ценности, убеждения, традиции, обряды, мифологические представления и народный опыт. К ней отнесены: коми названия, связанные с промысловой магией (*кӧч кыян нимкыв*); название месяца *кӧч* ‘сентябрь’; слова, связанные с игровой деятельностью – *кӧч куталӧм* лл. (Чтв.), *кӧчавны* нв. со значением ‘шлепнуть ладонью кого-л. (при игре), салить’; «вербальное наказание» участника игры (*полысь кӧч* ‘трус’) и др.

В коми языковой культуре зооним *кӧч* выходит за границы прямой номинации животного и начинает функционировать как метафора в составе фразеологизмов, устойчивых сочетаний, пословиц, поговорок. В коми культуре заяц ассоциируется с трусостью (*полысь кӧч, кӧч сьӧлӧм*), равнодушием (*кӧч вир*), т.е. имеет отрицательную коннотацию. В языке закрепились выражения, связанные с быстротой зайца. Устойчивое сочетание *тӧвйӧм кӧч* ‘перезимовавший заяц’ в коми языке имеет положительную коннотацию, обозначает опытного человека. В русском языке ему соответствуют фразеологизмы *тертый калач, стреляный воробей*. Положительная коннотация заключена также в широкоупотребительных диминутивных формах названий зайца и зайчихи – *кӧчиль, кӧчинь,* востребованных особенно в детском фольклоре.

В коми лингвистической культуре на основе зоонима *кӧч* получили развитие зооморфные метафоры, которые функционируют в «формулах женской красоты», в образах неживой природы – мороза, снега, в устойчивых сочетаниях, формулах напутствия и выражениях-оберегах. В промысловой магии можно отметить эвфемизацию названия.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращенные названия языков и диалектов коми языка:

венг. – венгерский язык; лат. – латинский язык; нен. – ненецкий язык; саам. – саамский язык; удм. – удмуртский язык; чув. – чувашский язык;

вв. – верхневычегодский диалект; вс. – верхнесысольский диалект; вым. – вымский диалект; иж. – ижемский диалект; коми-язьв. – коми-язьвиский диалект; лл. – лузско-летский диалект; нв. – нижневычегодский диалект; печ. – печорский диалект; скр. – присыктывкарский диалект; сс. – среднесысольский диалект; уд. – удорский диалект.

Сокращенные названия населенных пунктов:

верхневычегодский диалект: Бог. – с. Богородск, Виш. – бассейн Вишеры, Млд. – с. Мыёлдино, Укл. –с. Усть-Кулом, Вольд. – с. Вольдино, П. – с. Пожег, Крч. – с. Керчомья; верхнесысольский диалект: Гр. – с. Грива, Кб. – с. Кобра, Кг. – с. Койгородок; вымский диалект: Весл. – д. Весляна, Синд. – пос. Синдор; лузско-летский диалект: Об. – с. Объячево, Пор. – д. Поруб, Чтв. – с. Читаево; нижневычегодский диалект; Час. – с. Часово; печорский диалект: Пкч. – с. Покча; среднесысольский диалект: Пж. – с. Пажга; удорский диалект: Лат. – д. Латьюга, Венд. – д. Вендинга, Гл. – с. Глотово, Крив. – д. Кривое, Пучк. – с. Большая Пучкома.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабина Е.А. Снег с отцом и с матерью и со всей родней // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. по материалам Междунар. симп. (27–28 окт. 2016 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2017. С. 20–21.

Беляев Г. Гажаджык, коми йӧз, олӧй = Веселее, коми народ, живи // Войвыв кодзув. 2012. № 10. Лб. 47–57.

Бродский И.В. Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением ‘заяц’ (на материале финно-пермских языков) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 54–65.

Ершов М.Ф. Заяц и иерархия потребностей: от трансформаций образа к философской завершенности // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы: сб. тр. конф. Ханты-Мансийск, 2014. С. 184–188.

Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демограф. справ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 448 с.

Зимин В.И., Пак С.Г. О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 102–113.

Ипатьдорса фольклор (Анастасия Шуктомовалӧн сьыланкывъяс, мойдъяс, шусьӧгъяс да с.в.) = Фольклор села Ипатово / сост. и предисл. А.К. Микушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 184 с.

Карманова А.Н., Якубив Т.В. Вежӧртас восьтан кывкуд: 3000 сайӧ кыв = Толковый словарь: более 3000 слов / О.И. Уляшев редакция улын. Сыктывкар: Анбур, 2016. 456 лб.

Коми войтырлӧн шусьӧгъяс да кывйӧзъяс = Пословицы и поговорки коми народа. Сыктывкар: Коми респ. тип., 2014. 208 с.

Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М.: Наука, 1983. С. 214−232.

Конаков Н.Д. Названия месяцев // Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. С. 112–114.

Кривощапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 252 с.

КРК 2000 – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) / отв. ред. Л.М.Безносикова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

Лобанова А.С. Основные способы номинации насекомых в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 3(23). С.48–52.

Лыткин В.И., Гуляев Е.А. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1999. 431 с.

МК – Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. 480 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Насибуллина М.Р. Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 3. С. 37–50.

Панюков А.В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 1(9). С. 89–92.

Панюков А.В. Вербальная магия в охотничьей и рыболовной практике коми-зырян // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2026. Т. 23, № 2. С. 400–413.

Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми: Обряды и причитания / Коми филиал АН СССР, Мин-во культуры Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 319 с.

Плесовский Ф.В. Коми пословицы и поговорки = Коми шусьӧгъяс да кывйӧзъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 216 с.

Плесовский Ф.В. Комиын овъяс = Коми фамилии. Сыктывкар: РИПКРО МО РК, 1997. 142 с.

Подюков И.А. Русская диалектная фразеология Прикамья в финно-угорском освоении // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 4 (20). С. 7–14.

Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар, 1989. 88 с.

Ракин А.Н. Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка // Ракин А.Н. Исследования по пермским языкам. Сыктывкар: Кола, 2009. С. 109–120.

Ракин А.Н. Лексика материальной культуры в пермских языках // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4 (12/13). С. 40–44.

Ракин А.Н. Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 319–327.

Ракин А.Н. Обозначения охотничьих орудий лова промысловых животных в коми языке // Пермистика-20: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / Удм. ФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2025. С. 218–227.

СДКЯ – Коми сёрнисикас кывчукӧр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х т. Сыктывкар: Кола, 2012. 1096 с.; 2014. 888 с.

Семенов В.А., Чудова Т.И. Народная культура коми (зырян): учеб. пособие. Сыктывкар: СГУ, 2010. 146 с.

Сидоров А.С., Лыткин В.И. Древнекоми названия месяцев // Советское финно-угроведение. 1966. Т. 2. С. 123–129.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: ок. 25000 слов / Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 490 с.

Старцев Г. Важӧн и ӧні. Коми йӧзлӧн олӧм-вылӧмыс = Давно и в наши дни. Жизнь коми людей. Усть-Сысольск, 1929. Лб. 64.

Топоров В.Я. Еще раз о балтийских и славянский названиях божьей коровки (Coccinella septempunctata) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 274–275.

Туркин А.И. Топонимический словарь Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. 364 с.

Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 422 с.

Хабарова В.К. Мужичӧй прӧзвищеяс / Мужские прозвища // Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) / отв. ред. Л.М. Безносикова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. С. 802–814.

Цыпанов Е.А. Зооморфизмы как один из источников пейоративов в коми языке // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижеск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С.161–166.

Цыпанов Е.А. Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд. Словарь пейоративной лексики коми языка. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. 256 лб.

Olga Nekrasova

ANIMAL TRACES IN THE KOMI LANGUAGE AND CULTURE: A CASE STUDY OF THE ZOONYM *KÖCH*

Introduction. Animal-related vocabulary is an integral part of the linguistic worldview; the study of the zoolexicon is a prominent area in modern linguistics, ethnolinguistics, and linguoculturology. Zoonyms vividly reflect the features of a nation's culture, as well as its customs and traditions. The images of animals in different languages and the properties they are endowed with are rooted in deep-seated cultural beliefs and mythology. **The purpose** of this article is to study the units of the animal cultural code of Komi culture associated with the zoonym *köch* (hare), and to examine the representation in the Komi language and culture of ideas about the referent of this zoonym. **Materials and methods.** The research material consists of a wide range of texts from various genres of Komi literature, lexicographic sources, linguistic, folklore, and ethnographic studies, oral folklore texts, and literary works by Komi authors. The main methods employed are descriptive analysis, contextual analysis, analysis of semantic motivation, onomasiological analysis, and word-formation analysis. **Research results and discussion.** The zoonym *köch* (hare) is a lexical unit of the Komi language and an element of the zoolexicon. The lexeme *köch* is polysemous and homonymous. In the Komi language and its dialects, a substantial group of derivatives of the noun *köch* is identified. The study of vocabulary related to the material and spiritual culture of the Komi people, as well as phraseological units and proverbs containing the component *köch*, and the onomasiological analysis of derivatives of the noun *köch*, has enabled us to trace the development of ideas about animals not only in the language but also in Komi culture. **Conclusion.** Vocabulary containing the component *köch* (hare) is highly developed in the Komi language and its dialects. Studying the vocabulary, phraseological units, and proverbs containing the *köch* component offers insight into how the image of the animal is embedded in the Komi cultural code.

Keywords: the Komi language; zoonym; zoolexeme; köch; hare; animal cultural code; Komi linguistic worldview.

REFERENCES

Ajbabina E.A. Sneg s otcom i s mater'ju i so vsej rodnej [Snow with father and mother and all the relatives]. *Permistika-16*, Syktyvkar, 2017, pp. 20-21 (In Russian).

Beljaev G. Veselee, komi narod, zhivi [Komi people, live more cheerfully]. *Voivyv kodzuv*, 2012, no. 10, pp. 47-57. (In Komi).

Brodskij I.V. Finno-ugorskie nazvanija rastenij, soderzhashhie zoosemizmy so znacheniem ’zajac’ (na materiale finno-permskih jazykov) [Zoomorphic components with the meaning ‘hare’ in Finno-Ugric plant names: a study based on Finno-Permic Languages]. *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovanija).* Saint Petersburg, 2016, pp. 54-65. (In Russian).

Ershov M.F. Zajac i ierarhija potrebnostej: ot transformacii obraza k filosofskoj zavershennosti [The hare and the hierarchy of needs: from transformations of the image to philosophical completeness]. *Filologicheskie issledovanija obsko-ugorskih jazykov: tradicii, novacii, itogi, perspektivy. Sbornik trudov konferencii.* Hanty-Mansijsk, 2014, pp. 184-188. (In Russian).

Zherebcov I.L. Gde ty zhivesh’: Naselennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskij spravochnik [Where do you live: Settlements of the Komi Republic. Historical and Demographic Reference Book]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 2000, 448 p. (In Russian).

Zimin V.I., Pak S.G. O nacional’no-kul’turnyh osobennostjah ustojchivyh sravnenij [On the national and cultural characteristics of similies]. *Kul’turnye sloi vo frazeologizmah i diskursivnyh praktikah.* Moscow, Jazyki slavjanskoj kul’tury, 2004, pp. 102-113. (In Russian).

Fol’klor sela Ipatovo [The folklore of the village of Ipatovo]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 184 p. (In Komi).

Karmanova A.N., Jakubiv T.V. Tolkovyj slovar’: bolee 3000 slov [Explanatory dictionary: more than 300 words]. Syktyvkar, Anbur, 2016, 456 p. (In Komi).

Poslovicy i pogovorki komi naroda [Proverbs and Sayings of the Komi People]. Syktyvkar, Komi respublikanskaja tipografija, 2014, 208 p. (In Komi and In Russian).

Konakov N.D. Komi ohotniki i rybolovy vo vtoroj polovine XIX-nachale XX v. [Komi hunters and fishers in the second half of the 19th – early 20th centuries] Moscow, Nauka, 1983, pp. 214-232. (In Russian).

Konakov N.D. Nazvanija mesjacev [The names of the months]. *Tradicionnaja kul’tura naroda komi. Ehtnograficheskie ocherki.* Syktyvkar, 1994, pp. 112-114. (In Russian).

Krivoshhapova Ju.A. Russkaja entomologicheskaja leksika v etnolingvisticheskom osveshhenii [Russian Entomological Lexicon from an Ethnolinguistic Perspective]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 2007, 252 p. (In Russian).

Beznosikova L.M., Ajbabina E.A., Kosnyreva R.I. Komi-russkij slovar’ [Komi-Russian Dictionary] Ed. by L.M. Beznosikova. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 2000, 816 p. (In Komi and In Russian).

Lobanova A.S. Osnovnye sposoby nominacii nasekomyh v komi-permjackom jazyke [Main methods of insect nomination in the Komi-Permyak language]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2013, no. 3(23), pp. 48-52. (In Russian).

Lytkin V.I., Guljaev E.A. Kratkij etimologicheskij slovar’ komi jazyka [A Brief Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow, Nauka, 1999, p. 143. (In Komi and In Russian).

Enciklopedija ural’skih mifologij. Mifologija komi [Encyclopedia of Uralic Mythologies. Komi Mythology]. Moscow, Syktyvkar, 1999, 479 p. (In Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol’shoj slovar’ russkih pogovorok [Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, 2007, p. 331. (In Russian).

Nasibullina M.R. Zoonimicheskie komponenty v mnogosostavnyh fitonimah udmurtskogo jazyka [Toponymic components in compound Phytonyms of the Udmurt language]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2015, no. 3, pp. 37-50. (In Russian).

Panjukov A.V. Verbal'naja magija v ohotnich'ej i rybolovnoj praktike komi-zyrjan [Verbal Magic in the Hunting and Fishing Practice of the Komi-Zyryans]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2026, vol. 23, no. 2, pp. 400-413. DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-400-413. (In Russian).

Panjukov A.V. Obraz moroza v kalendarnoj mifologii komi-zyrjan [The image of frost in the calendar mythology of the Komi-Zyryans]. *Izvestija Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk*, 2012, no. 1(9), pp. 89-92. (In Russian).

Plesovskij F.V. Komi poslovicy i pogovorki [Komi Proverbs and Sayings]. Syktyvkar, 1973, 216 p. (In Komi and In Russian).

Plesovskij F.V. Komi familii [Surnames in the Komi Language]. Syktyvkar, 1997, 142 p. (In Komi and In Russian).

Plesovskij F.V. Svad'ba naroda Komi: Obrjady i prichitanija [The Wedding of the Komi People: Rites and Laments]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1968, 319 p. (In Russian).

Podjukov I.A. Russkaja dialektnaja frazeologija Prikam'ja v finno-ugorskom osvoenii [Russian dialectal phraseology of the Kama region in the context of Finno-Ugric adaptation]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2020, vol. 4 (20), pp. 7-14. (In Russian).

Rakin A.N. Oboznachenija sub''ekta ohotnich'ego promysla v komi jazyke [Designations of the subject of hunting in the Komi language]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 319-327. (In Russian).

Rakin A.N. Zoonimicheskij komponent v sisteme nazvanij rastenij komi jazyka [The zoonymic component in the system of plant names in the Komi language]. *Rakin A.N. Issledovanija po permskim jazykam.* Syktyvkar, Kola, 2009, pp. 109-120. (In Russian).

Rakin A.N. Kratkij komi-russkij, russko-komi botanicheskij slovar' [A Concise Komi-Russian and Russian-Komi Dictionary of Plant Names]. Syktyvkar, 1989, 88 p. (In Russian).

Rakin A.N. Leksika material'noj kul'tury v permskih jazykah [The vocabulary of material culture in Permic languages]. *Finno-ugorskij mir*, no. 3/4 (12/13), 2012, pp. 40-44. (In Russian).

Rakin A.N. Oboznachenija ohotnich'ih orudij lova promyslovyh zhivotnyh v komi jazyke [Designations of hunting tools for catching game animals in the Komi language]. *Permistika 20: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodeistvij s drugimi jazykami.* Izhevsk, 2025, pp. 218-227. (In Russian).

Slovar' dialektov komi jazyka [Dictionary of Komi Dialects]. Syktyvkar, Kola, 2012, 1096 p.; 2014, 888 p. (In Komi and In Russian).

Semenov V.A., Chudova T.I. Narodnaja kul'tura komi (zyrjan) [The Folk Culture of the Komi (Zyryan) People]. Syktyvkar, Syktyvkarskij gosudarstvennyj universitet, 2010, 146 p. (In Russian).

Sidorov A.S., Lytkin V.I. Drevnekomi nazvanija mesjacev [Ancient Komi names of the months]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1966, vol. 2, pp. 123-129. (In Russian).

Zhilina T.I., Saharova M.A., Sorvacheva V.A. Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrjanskih dialektov: okolo 25000 slov [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 490 p. (In Komi and In Russian).

Starcev G. Davno i v nashi dni. Zhizn' komi ljudej [Then and now. The life of the Komi people]. Ust'-Sysol'sk, 1929. (In Komi and In Russian).

Toporov V.Ja. Eshhe raz o baltijskih i slavjanskij nazvanijah bozh'ej korovki (Coccinella septempunctata) v perspektive osnovnogo mifa [Once again, about the Baltic and Slavic names for the ladybug (Coccinella septempunctata) from the perspective of the main myth]. *Baltoslavjanskie issledovanija. 1980*, Moscow, 1981, p. 274-275. (In Russian).

Turkin A.I. Toponimicheskij slovar' Respubliki Komi [Toponymic Dictionary of the Komi Republic]. Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Pitirima Sorokina, 2015, 364 p. (In Russian).

Uljashov O.I. Hromatizm v fol'klore i mifologicheskih predstavlenijah permskih i obskougorskih narodov [Color Symbolism in the Folklore and Mythological Concepts of the Permian and Ob-Ugric Peoples]. Ekaterinburg, 2011, 421 p. (In Russian).

Habarova V.K. Muzhskie prozvishha [Male nicknames]. *Komi-russkij slovar'.* Ed. L.M. Beznosikova. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2000, pp. 802-814. (In Komi and In Russian).

Cypanov E.A. Zoomorfizmy kak odin iz istochnikov pejorativov v komi jazyke [Zoomorphisms as one of the sources of pejoratives in the Komi language]. *Finno-ugorskij mir v polietnichnom prostranstve Rossii. Sbornik konferensii.* 2019, pp. 161-166. (In Russian).

Cypanov E.A. Slovar' pejorativnoj leksiki komi jazyka [Dictionary of Pejorative Vocabulary in the Komi Language]. Syktyvkar, Federal'nyj issledovatel'skij centr Komi nauchnyj centr Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2024, 256 p.

Некрасова Ольга Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: lesik3108@yandex.ru

Olga Nekrasova
Candidate of Philologycal Sciences,
Senior Researcher,
Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre
"Komi Science Centre of the Ural
Branch of the Russian Academy of Science",
Syktyvkar,
e-mail: lesik3108@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2026-3-75-34-44

КОМИЧЕСКОЕ В МАЛОЙ ПРОЗЕ М. ШКЕТАНА В МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ: ОТ СОЦИОЛОГИИ К ПОЭТИКЕ

© 2026 г. А.Э. Сергеев

Введение. В статье рассматривается история научного осмысления комического в малой прозе М. Шкетана в марийской литературной науке. **Цель работы** – проследить эволюцию изучения комического у М. Шкетана как движение от социологической парадигмы, доминировавшей до конца 1980-х годов, к поэтической парадигме, складывающейся на рубеже XX–XXI веков. **Материалы и методы.** Материалом служат ранние критические публикации 1930–1940-х годов, советские монографические исследования о жизни и творчестве писателя, а также новейшие работы о поэтике юмористических рассказов М. Шкетана; используются историографический и сравнительно-типологический методы анализа. **Результаты исследования, обсуждение.** Показано, что в социологической парадигме комическое понималось преимущественно через его социальную функцию, объект осмеяния и идеологическую направленность смеха, тогда как на рубеже XX–XXI веков исследовательский акцент смещается к жанру, сказовой организации повествования, модусам художественности, заголовочному тексту и разговорному стилю. **Заключение.** Современное изучение комического у М. Шкетана не отменяет социально-историческую проблематику, а объясняет ее через художественные механизмы малой прозы.

Ключевые слова: М. Шкетан; марийская литература; малая проза; юмор; сатира; комическое; социологическая парадигма; поэтика; марийский рассказ; сказовое повествование.

Введение

М. Шкетан (Яков Павлович Майоров, 1898–1937) принадлежит к числу классиков марийской литературы XX века. Его наследие включает роман,

драматургию, публицистику и разнообразные формы малой прозы: рассказы, в том числе юмористические, новеллы, очерки, фельетоны, корреспонденции. Именно эта жанровая подвижность делает проблему комического в его творчестве особенно значимой. Смех у М. Шкетана возникает не только как свойство отдельных жанров, но и как способ художественно-публицистического освоения новой социальной реальности, как форма оценки персонажа, речевого поведения и повседневного конфликта.

В марийской литературной науке комическое у М. Шкетана долгое время не выделялось как самостоятельный предмет анализа. Вплоть до конца 1980-х годов оно рассматривалось внутри более широких тем: социальная направленность творчества, конфликт (борьба нового со старым), становление марийской советской литературы, развитие литературного языка, формирование классического наследия. Поэтому актуальна не только интерпретация самих произведений, но и историографический вопрос о том, как менялся научный язык описания комического в малой прозе М. Шкетана.

Цель статьи – проследить эволюцию изучения комического в малой прозе М. Шкетана в марийской литературной науке как движение от социологической парадигмы, доминировавшей в советском литературоведении до конца 1980-х годов, к поэтической парадигме, складывающейся на рубеже XX–XXI вв. Под социологической парадигмой понимается такой тип анализа, при котором художественный текст объясняется через общественно-историческую функцию, идеологическую направленность, социальную характеристику персонажей и объект сатиры и юмора. Под поэтологической парадигмой понимается анализ внутренней организации (поэтики) произведения: жанра, композиции, повествовательной структуры, речевых форм, заголовочного комплекса, комических приемов и т.д.

Материалы и методы

Взаимоотношение поэтологической и социологической установок традиционно служит ключевым критерием для классификации литературоведческих школ. Данная типология опирается на методологический материал О.Н. Турышевой, где литературоведческие школы и методы представлены как разные способы постановки вопроса о литературном факте и способах его изучения: через его связь с социальной действительностью или через закономерности художественной формы [2012, с. 98–100]. В нашей статье эта оппозиция используется не как жесткая классификация, а как рабочая модель описания исследовательской динамики.

Корпус публикаций по проблеме комического в малой прозе М. Шкетана включает три группы источников. Первая группа – ранняя критика и советские исследования о М. Шкетане. В историко-литературном отношении ее следует начинать с первой публикации А. Асылбаева о творчестве М. Шкетана в жур-

нале «У вий» – статьи «Шкетанын творчествыже», где критик, характеризуя творчество писателя в целом, обращает внимание и на сатирическое начало его прозы [1935, с. 83–103; с. 101–120]. К этому же раннему корпусу относится вступительная статья марийского критика П. Карпова-Пӱнчерского к сборнику юмористических рассказов М. Шкетана «Мыскара ойлымаш-влак» [1936, с. 5–12]. Далее эту линию продолжают работы А. Асылбаева о юморе и прозе М. Шкетана [1941; 1948], диссертация С.Я. Черных о художественной прозе писателя [1954], монографии Б.А. Бассаргина [1960] и С.Я. Черных [1969] о жизни и творческом пути М. Шкетана. Эти работы образуют текстово подтвержденное ядро социологического этапа; в более широком методологическом смысле данная оптика сохраняется до конца 1980-х годов.

Вторая группа – исследования рубежа XX–XXI вв., где малая проза М. Шкетана включается в более широкую историю марийского рассказа, литературного языка и поэтики композиции. Здесь особенно важны работы Е.М. Ведерниковой о языке М. Шкетана [2011], исследования Р.А. Кудрявцевой о генезисе и динамике поэтики марийского рассказа [2009; 2011], статья Л.В. Калашниковой об этнопоэтике детских рассказов М. Шкетана [2025]: в них комическое у М. Шкетана рассматривается уже в связи со стилем, сказовым повествованием, жанровой поэтикой, модусами художественности и композиционными приемами.

Третья группа – новейшие работы, прямо обращенные к поэтике юмористических рассказов М. Шкетана, например, молодого исследователя Т.И. Горбуновой [2022; 2024] о заголовочном тексте и разговорном стиле как средствах создания юмора. Эти публикации фиксируют не начало, а углубление уже сложившегося поэтического поворота.

Использованная в данной статье формула «все существующие публикации» требует дальнейшей проверки по фондам Национальной библиотеки им. С.Г. Чавайна, МарНИИЯЛИ, библиографии республиканских журналов, газетным фондам и региональным указателям. В статье учитывается корпус, выявленный по открытым каталогам и библиографическим фрагментам научных работ.

Результаты исследования и обсуждение

С учетом уточненной периодизации социологическую парадигму следует понимать не как краткий этап 1930–1940-х годов, а как доминирующую советскую «рамку», сохранявшую силу вплоть до конца 1980-х годов. Ее ранняя фаза складывалась в условиях становления марийской советской литературной критики. Для этого периода характерно представление о писателе как о выразителе новой общественной эпохи. Художественный текст оценивался прежде всего по тому, насколько он отражает социальные противоречия, разоблачает старые формы быта, формирует нового читателя и участвует в культурном строительстве. В такой системе координат комическое оказывается не

автономной эстетической категорией, а инструментом социальной критики. Юмор и сатира важны постольку, поскольку они направлены против пережитков старого мира, невежества, бытовой косности, бюрократизма, морально несостоятельных персонажей. Объект осмеяния становится центральным элементом анализа: исследователь спрашивает не столько «как устроен смех?», сколько «против чего он направлен?».

Первым специальным критическим звеном в этой линии является статья А. Асылбаева «Шкетанын творчествыже», опубликованная в журнале «У вий» [1935, с. 83–103; с. 101–120]. Для темы настоящей статьи она важна потому, что разговор о сатире М. Шкетана возникает еще в довоенной литературоведческой канонизации писателя. А. Асылбаев рассматривает творчество М. Шкетана в целом, но уже выделяет сатирическую направленность как одно из существенных свойств его прозы. Это подтверждает, что проблема комического была замечена марийской критикой не только в 1940-е годы, но уже в середине 1930-х годов, причем осмыслялась в социологической логике: сатира понималась через ее общественную направленность и разоблачительную функцию.

Вступительная статья П. Карпова-Пӱнчерского «Ончылмут» к сборнику «Мыскара ойлымаш-влак» также существенно уточняет ранний корпус публикаций о шкетановском комическом [1936, с. 5–12]. Ее значение состоит в том, что юмористические рассказы М. Шкетана представлены не как случайные тексты, рассеянные по периодике, а как особый книжный массив. Предисловие задает читательскую рамку восприятия: юмор писателя связывается с его вниманием к жизни, с сатирическим изображением социальных недостатков и с воспитательной задачей литературы. Тем самым П. Карпов-Пӱнчерский фиксирует раннюю рецепцию юмористической малой прозы М. Шкетана именно в пределах социологической парадигмы.

Таким образом, на раннем этапе восприятие шкетановского комического целиком укладывалось в пределы социологической парадигмы, где юмор рассматривался исключительно как инструмент критики быта. Переход к следующему этапу осмысления демонстрирует статья А. Асылбаева «Шкетанын юморжо нерген» («О юморе Шкетана»), которая выглядит уже не первой фиксацией проблемы, а следующим этапом ее специального осмысления [1941, с. 177–183]. Сам факт появления отдельной статьи о юморе показывает, что комическое у М. Шкетана воспринималось как заметная сторона его художественной индивидуальности. Однако контекст 1940-х годов предполагал, что юмор описывается прежде всего через идейную и воспитательную направленность. В статье «Шкетанын прозыжо» («Проза Шкетана») проза писателя также включается в логику развития марийской советской литературы, где художественная ценность тесно связана с общественной значимостью [Асылбаев, 1948, с. 131–159].

Аналогичный подход проявляется в кандидатской диссертации С.Я. Черных «Художественная проза основоположника марийской советской литературы М. Шкетана». Уже заглавие задает исследовательскую оптику: М. Шкетан рассматривается прежде всего как основоположник, т.е. как фигура литературно-исторической миссии. В такой модели малая проза включается в общую картину становления национальной советской литературы, а комическое интерпретируется как часть идейно-художественного метода писателя [1954, с. 267].

Социологическая парадигма имела очевидные ограничения: она нередко подчиняла анализ текста заранее заданной схеме «старое – новое», «отрицательное – положительное», «социально вредное – социально прогрессивное». Но она же зафиксировала важный аспект комического у М. Шкетана: его смех действительно связан с социальным конфликтом, бытовым переломом, изменением норм деревенской жизни 1920–1930-х годов. Поэтому задача современного исследователя не в том, чтобы отбросить раннюю социологическую интерпретацию, а в том, чтобы показать, какими художественными средствами социальная оценка становится комической.

В работах Б.А. Бассаргина «М. Шкетан: О жизни и творчестве писателя» и С.Я. Черных «Творческий путь М. Шкетана» социологическая установка сохраняется, но получает более развернутую историко-биографическую форму. Исследователей интересуют жизненный путь писателя, его участие в культурной жизни, связь с газетой, театром, литературным движением, становлением национального художественного слова [Бассаргин, 1960, с. 65–79; Черных, 1969, с. 112–131].

Важно, что этот этап не завершает социологическую парадигму как таковую. Он лишь переводит ее из языка оперативной критики в язык литературно-исторического канона. В 1970–1980-е годы, даже при меньшем количестве специальных работ о комическом у М. Шкетана, сохраняется тот же общий способ объяснения классика: через общественную роль литературы, идейную направленность творчества, место писателя в становлении национальной советской словесности. Поэтому верхняя граница социологического этапа должна быть отнесена не к 1960-м, а к концу 1980-х годов. На этом этапе комическое рассматривается как свойство творческой индивидуальности М. Шкетана, но еще не как самостоятельная система приемов. Исследовательский центр тяжести находится в связке «писатель – эпоха – общественная роль литературы». Юмористические рассказы, фельетоны и очерки ценны как свидетельство того, что автор своевременно откликается на общественные явления и владеет сатирическим изображением отрицательного персонажа.

Рассмотренный подход можно назвать биографико-социологическим. Он смягчает жесткую нормативность ранней критики, но сохраняет зависимость

анализа от внешнего по отношению к тексту объяснения. Художественная форма обычно описывается через понятия мастерства, жизненности, выразительности, но не расчленяется на повествовательные и композиционные механизмы. Тем не менее именно работы этого периода создали фактическую базу для позднейшего поэтического анализа. Они закрепили корпус произведений, ввели в научный оборот материалы о творческой истории, связали малую прозу М. Шкетана с публицистикой и драматургией.

На рубеже XX–XXI веков исследовательский интерес постепенно переносится с общественной функции текста на его внутреннюю организацию: язык, стиль, жанр, повествование, композицию. В диссертации Е.М. Ведерниковой «Роль М. Шкетана в развитии марийского литературного языка в 20–30-х годах XX века» отдельный раздел посвящен М. Шкетану как «создателю юмористического стиля» [2011, с. 67–69]. Эта работа относится уже к периоду, когда поэтологическая установка науки становится методологически возможной и продуктивной.

Если ранняя критика ставила вопрос о том, какие социальные явления осмеивает писатель, то лингвостилистический подход исследует, с помощью каких языковых средств создается юмор. В поле анализа попадают разговорно-бытовая лексика, грубая оценочная лексика, диалектные элементы, заимствования из русского языка, переработанные по законам марийской языковой системы, речевые особенности повествователя и персонажей. Комическое начинает пониматься как результат стилистической организации текста. Такой подход еще не полностью тождествен поэтике в узком смысле: его предметом остается прежде всего литературный язык, а не целостная структура комического рассказа. Но именно через стилистику открывается путь к анализу речевой маски, сказового повествования, соотношения авторской и персонажной речи. Для малой прозы М. Шкетана это особенно важно, потому что комический эффект часто возникает не только из ситуации, но и из того, как эта ситуация названа, рассказана, оценена и интонационно подана. Поэтому лингвостилистический анализ следует считать не позднесоветским продолжением социологизма, а одним из вариантов поэтического поворота рубежа XX–XXI веков.

Собственно-поэтологический поворот, наметившийся на рубеже XX–XXI веков, наиболее отчетливо реализуется в работах Р.А. Кудрявцевой о марийском рассказе. В ее докторской диссертации и одноименной монографии «Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья» предметом становится уже не отдельная биография писателя, а историческое развитие жанра. М. Шкетан включается в типологию марийского рассказа как автор, у которого формируются важные для национальной прозы способы повествования.

Для темы комического особенно значимы два положения, обнаруживаемые в автореферате диссертации Р.А. Кудрявцевой. Во-первых, юмористический рассказ рассматривается через модусы художественности, т.е. через способы, которыми текст организует отношение к изображаемому миру. Во-вторых, рассказ М. Шкетана анализируется в связи с актуализацией сказового повествования. Это уже собственно поэтический язык описания [2009, с. 32–35].

Сказовая организация принципиальна для понимания комического. Она позволяет увидеть, что смех возникает не только из темы или объекта критики, но из особого речевого посредничества: повествователь приближается к народной речи, использует разговорную интонацию, воспроизводит логику бытового рассказывания, создает эффект устной оценки происходящего. Смешное оказывается встроено в саму форму сообщения.

Близкую поэтическую рамку развивает Л.В. Калашникова в монографии «Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции)» [2022, с. 58]. Хотя хронологически ее материал относится преимущественно ко второй половине XX века, для темы М. Шкетана важен сам понятийный аппарат: типология рассказа, композиционные доминанты, сатирические и юмористические разновидности, приемы комического, комическая ситуация, игра слов, гипербола, гротеск. Л.В. Калашникова в статье о детских рассказах М. Шкетана выявляет этнопоэтические аспекты комического [2025].

Публикации Т.И. Горбуновой демонстрируют следующий этап развития поэтологической научной парадигмы – переход от общей жанровой поэтики к микропоэтическому анализу конкретных элементов текста. Так, в ее статье «М. Шкетанын мыскара ойлымашлаже: вуймут поэтике» предметом становится заголовочный текст юмористических рассказов М. Шкетана. В социологической парадигме заглавие обычно рассматривалось как указание на тему или объект осмеяния. В поэтике оно становится самостоятельным элементом смыслообразования: заглавие задает ожидание комического, фокусирует объект смеха, может строить ироническую дистанцию.

Горбунова Т.И. также обращается к разговорному стилю в юмористических рассказах. В аннотационном фрагменте статьи указано, что одним из способов создания юмора является использование элементов разговорного стиля в речи повествователя и персонажей; предметом рассмотрения становятся разговорная лексика, грубая оценочная лексика, русские заимствования, адаптированные по законам марийского языка [2024, с. 118].

Обе статьи данного автора написаны в орбите научной школы Р.А. Кудрявцевой. Это позволяет говорить не о случайных наблюдениях, а о формировании устойчивой поэтической линии в изучении М. Шкетана: юмор рассматри-

вается через заглавие, речь, стиль, повествовательную организацию. Предмет анализа становится все более точным и текстоцентричным.

Эволюция изучения комического в малой прозе М. Шкетана может быть представлена как смена двух больших исследовательских парадигм и нескольких внутренних моделей. Первая большая парадигма – социологическая; она охватывает советский период от 1930-х годов до конца 1980-х. Внутри нее различимы раннекритическая модель 1930–1940-х годов и историко-биографическая модель 1950–1980-х годов, но обе исходят из одного принципа: комическое объясняется через социальную направленность смеха, объект сатиры, воспитательную функцию литературы и место писателя в становлении национальной советской словесности.

Переходная ситуация 1990-х годов важна не столько количеством специальных работ о М. Шкетане, сколько изменением методологического горизонта. Советская нормативность ослабевает, а литературоведческий вопрос постепенно смещается от внешнего объяснения текста к анализу художественной формы. Поэтому поэтическую парадигму корректнее связывать не с 1960-ми и не с отдельными позднесоветскими наблюдениями о мастерстве, а с рубежом XX–XXI веков.

Вторая большая парадигма – поэтологическая. Она изучает комическое как систему художественных приемов: юмористический рассказ, сказовое повествование, заголовочный текст, комическую ситуацию, композицию, речевую маску. При этом социальная проблематика не исчезает, но перестает быть единственным объяснением: она раскрывается через жанровую, повествовательную и речевую организацию текста. Такая динамика не является простым вытеснением старого подхода новым. Скорее, речь идет о смене исследовательского вопроса. Социологическая парадигма до конца 1980-х годов выявляла социальную энергию смеха М. Шкетана; поэтологическая парадигма, формирующаяся на рубеже XX–XXI веков, объясняет, каким образом эта энергия превращается в художественный эффект.

Заключение

Итак, история изучения комического в малой прозе М. Шкетана демонстрирует общий путь марийской литературной науки от социологического объяснения литературы к поэтическому анализу художественной формы. При этом социологический этап не следует ограничивать ранней критикой или работами 1950–1960-х годов: как исследовательская парадигма он сохраняется вплоть до конца 1980-х, когда комическое по преимуществу осмысляется как социальная функция смеха, средство разоблачения отрицательных явлений и утверждения новой действительности.

Поэтическая парадигма складывается на рубеже XX–XXI веков и получает развернутое выражение в исследованиях Р.А. Кудрявцевой, Е.М. Ведерни-

ковой, Л.В. Калашниковой, Т.И. Горбуновой и др. В них комическое становится предметом жанрово-поэтического, нарратологического, лингвостилистического и микропоэтического анализа.

Наиболее перспективным для последующего развития шкетановедения является соединение этих подходов. Комическое у М. Шкетана следует рассматривать не как внешнее «украшение» социальной темы и не как набор изолированных приемов, а как форму художественного мышления. Через юмор и сатиру писатель моделирует социальный конфликт, но делает это средствами малой прозы: заглавием, сказовой речью, комической ситуацией, разговорной лексикой, интонацией повествователя, жанровой гибридностью рассказа, фельетона и очерка.

Таким образом, переход «от социологии к поэтике» в изучении М. Шкетана не означает отказа от социально-исторического содержания. Он означает изменение исследовательского вопроса: от «какую общественную функцию выполняет смех?» к «какими художественными средствами текст производит социально значимый смех?». Именно эта смена вопроса – от позднесоветской социологизирующей оптики к поэтическому анализу рубежа XX–XXI веков – и составляет главную эволюцию научной парадигмы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Асылбаев А. Шкетанын прозыжо = Прозы Шкетана // Марий альманах. 1948. № 22. С. 131–159.

Асылбаев А. Шкетанын творчествыже = Творчество Шкетана // У вий. 1935. № 6. С. 83–103; № 7–8. С. 101–120.

Асылбаев А. Шкетанын юморжо нерген = О юморе Шкетана // Пиалан илыш. 1941. № 1. С. 177–183.

Бассаргин Б.А. М. Шкетан: О жизни и творчестве писателя. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 120 с.

Ведерникова Е.М. Роль М. Шкетана в развитии марийского литературного языка в 20–30-х годах XX века: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. 161 с.

Горбунова Т.И. М. Шкетанын мыскара ойлымашлаже: вуймут поэтике = Юмористические рассказы М. Шкетана: поэтика заголовка // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; сост. Т.Н. Беляева. Йошкар-Ола, 2022. С. 77–79.

Горбунова Т.И. М. Шкетанын мыскара ойлымашлаштыже кутырымо стильын верже = Разговорный стиль в юмористических рассказах М. Шкетана // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; сост. М. В. Рябинина. Йошкар-Ола, 2024. С. 118–124.

Калашникова Л.В. Детская проза М. Шкетана: специфика авторской аксиологии и этнопоэтика // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 128–140.

Калашникова Л.В. Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции): моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2022. 178 с.

Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Чебоксары, 2009. 54 с.

Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: моногр. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. 323 с.

Пӱнчерский. Ончылмут = Предисловие // Шкетан М. Мыскара ойлымаш-влак = Юмористические рассказы М. Шкетана. М.: «Сылне литератур» кугыжаныш издательстве, 1936. С. 5–12.

Турышева О.Н. Теория и методология зарубежного литературоведения: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 159 с.

Черных С.Я. Творческий путь М. Шкетана. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1969. 234 с.

Черных С.Я. Художественная проза основоположника марийской советской литературы М. Шкетана: дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 337 с.

Alexandr Sergeev

THE COMIC IN M. SHKETAN'S SHORT PROSE IN MARI LITERARY STUDIES: FROM SOCIOLOGY TO POETICS

Introduction. The article examines the history of research on the comic in M. Shketan's short prose within Mari literary studies. **The aim** of the article is to trace the evolution of research on the comic in M. Shketan's work, showing a shift from the sociological paradigm – which dominated until the late 1980s – to the poetic paradigm that emerged at the turn of the 21st century. **Materials and methods.** The source material consists of early critical publications from the 1930s–1940s, monographs on the writer's life and work published in the Soviet era, as well as recent works on the poetics of M. Shketan's humorous short stories. Historiographical, comparative, and typological methods of analysis are employed. **Research results and discussion.** The analysis demonstrates that within the sociological paradigm, the comic was understood primarily in terms of its social function, the object of ridicule, and the ideological orientation of laughter, whereas at the turn of the 21st century, the research focus shifted toward genre, the fairy-tale structure of the narrative, modes of artistic expression, the title as a text, and colloquial style. **Conclusion.** Contemporary research on the comic in M. Shketan's work does not negate socio-historical aspects but rather explains them through the artistic mechanisms of his short prose.

Keywords: M. Shketan; Mari literature; short prose; humor; satire; the comic; sociological paradigm; poetics; Mari short story; fairy-tale narrative.

REFERENCES

Asylbaev A. Prozy Shketana [Shketan's prose]. *Marij al'manah*, 1948, no. 22, pp. 131-159. (In Mari).

Asylbaev A. Tvorchestvo Shketana [The works of Shketan]. *U vij*, 1935, no. 6, pp. 83-103; no. 7-8, pp. 101-120. (In Mari).

Asylbaev A. O jumore Shketana [On Sketan's Humour]. *Pialan ilysh*, 1941, no. 1, pp. 177-183. (In Mari).

Bassargin B.A. M. Shketan: O zhizni i tvorchestve pisatelja [M. Shketan: On the Writer's Life and Work]. Yoshkar-Ola, Marknigoizdat, 1960, 120 p. (In Russian).

Vedernikova E.M. Rol' M. Shketana v razvitii marijskogo literaturnogo jazyka v 20-30-h godah XX veka [The Role of M. Shketan in the Development of the Mari Literary Language in the 1920s and 1930s]. Ph. D. thesis. Yoshkar-Ola, 2011, 161 p. (In Russian).

Gorbunova T.I. Jumoristicheskie rasskazy M. Shketana: poetika zagolovka [M. Shketan's humorous stories: the poetics of the title]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej.* Yoshkar-Ola, 2022, pp. 74-79. (In Mari).

Gorbunova T.I. Razgovornyj stil' v jumoristicheskih rasskazah M. Shketana [Colloquial style in M. Shketan's humorous stories]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii. Sbornik statej.* Yoshkar-Ola, 2024, pp. 118-124. (In Mari).

Kalashnikova L.V. Detskaja proza M. Shketana: specifika avtorskoj aksiologii i etnopoetika [M. Shketan's prose for children: the specifics of the author's axiology and ethnopoetics]. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki,* 2025, vol. 22, no. 1, pp. 128-140. (In Russian).

Kalashnikova L.V. Tipologicheskie raznovidnosti marijskogo rasskaza vtoroj poloviny XX veka (poetika kompozicii) [Typological Varieties of the Mari Short Story of the Second Half of the Twentieth Century: Poetics of Composition]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2022, 178 p. (In Russian).

Kudrjavceva R.A. Genezis i dinamika poetiki marijskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ja [Genesis and Dynamics of the Poetics of the Mari Short Story in the Context of the Literatures of the Volga Peoples]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Cheboksary, 2009, 54 p. (In Russian).

Kudrjavceva R.A. Genezis i dinamika poetiki mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya [Genesis and Dynamics of the Poetics of the Mari Short Story in the Context of the Literatures of the Volga Peoples]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2011, 323 p. (In Russian).

Pyncherskij. Predislovie [Humorous Stories]. *Shketan M. Jumoristicheskie rasskazy.* Moscow, «Sylne literatur» kugyzhanysh izdatel'stve, 1936, pp. 5-12. (In Mari).

Turysheva O.N. Teorija i metodologija zarubezhnogo literaturovedenija [Theory and Methodology of Foreign Literary Studies]. Moscow, Flinta: Nauka, 2012, 159 p. (In Russian).

Chernyh S.Ja. Tvorcheskij put' M. Shketana [The Creative Journey of M. Shketan]. Yoshkar-Ola, Marknigoizdat, 1969, 234 p. (In Russian).

Chernyh S.Ja. Hudozhestvennaja proza osnovopolozhnika marijskoj sovetskoj literatury M. Shketana [The Fictional Prose of M. Shketan, the Founder of Mari Soviet Literature]. Ph. D. thesis. Moscow, 1954, 337 p. (In Russian).

Сергеев Александр Эдуардович
аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: aleksandr02.06@mail.ru

Alexandr Sergeev
Postgraduate student
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: aleksandr02.06@mail.ru

УДК 398.83+391.2(=511.152)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-3-75-45-59

МОРДОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ МОРДВЫ СИБИРИ

© 2026 г. И.И. Шеянова

Введение. В мордовском песенном фольклоре увековечены такие качества мордовских женщин, как трудолюбие и мастерство, а также красота создаваемого ими национального костюма. **Цель статьи** – проанализировать песни, в которых встречается описание мордовского женского народного костюма или процесса ее изготовления, а также раскрывается ее функциональное назначение. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили песни, записанные И.С. Поздяевым (Сибиряком) у мордвы Сибири, а также отчеты по итогам экспедиций НИИГН. В ходе работы был использован метод качественного анализа и системный (комплексный) подход. **Результаты исследования, обсуждение.** Результаты экспедиционных поездок позволили сделать вывод, что, несмотря на оказываемое окружающими людьми иных национальностей влияние на культурные ценности мордвы-переселенцев Сибири, она сумела сохранить свои национальные традиции, материальную и духовную культуру. При анализе народных песен сибирской мордвы особый акцент сделан на исторических и семейно-бытовых песнях, в которых отражается профессионализм и талант мордовских женщин в создании традиционного национального костюма. **Заключение.** Мордва в своих песнях хранит многовековую историю как своеобразную поэтизированную летопись народа. В ее песенном фольклоре нашли отображение как общественный и семейный быт, так и народные знания и умения.

Ключевые слова: фольклор; мордва Сибири; исторические песни; семейно-бытовые песни; мордовский женский национальный костюм.

Введение

В трудные для народа нашей страны времена Сибирь стала самым популярным местом переселения, где климатические условия позволяли более или менее успешно вести сельское хозяйство. Начало миграции мордвы в эти края приходится на вторую половину XIX века.

С целью выяснения состояния материальной и духовной культуры сибирской мордвы, учеными НИИЯЛИЭ (ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия – НИИГН) были организованы несколько комплексных и музыкально-фольклорных экспедиций в районы Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей (1975, 1983–1986). Материалы этих экспедиций позволяют сделать вывод, что сибирская мордва, проживая вдали от родных мест, сумела сохранить свой язык, фольклор, традиции, многие обычаи и обряды. Начало изучения фольклора мордвы Сибири было положено Илларионом Сергеевичем Поздяевым (1902–1984), который многие годы проживал в том регионе и более известен под псевдонимом Сибиряк.

Материалы и методы

Систематическое и комплексное изучение песенного фольклора сибирской мордвы до сих пор остается открытым для исследований. Наша работа базируется на тех печатных и рукописных источниках, в которых рассматривается песенный фольклор мордвы-переселенцев. Первой книгой, в которой опубликованы тексты народных песен мордвы, записанных на территории Сибири, является «Урьвакстома койть ды морот. Эрзянь фольклор» – «Свадебные обряды и песни. Эрзянский фольклор» [Сибиряк, 1936]. В дальнейшем ученый явился составителем 9 тома серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» [УПТМН, 1982, т. 9], посвященного песенному фольклору мордвы Заволжья и Сибири, куда вошли более 50 мифологических, исторических и семейно-бытовых песен с напевами, примечаниями, географическим и именным указателями. В работе использованы поэтические тексты песен, зафиксированных ученым в период с 1924 по 1960 год на территории Сибири, а также рукописные материалы и отчеты по итогам сибирских экспедиций, в которых принимали участие фольклористы нашего института Э.Н. Таракина и В.Б. Русяйкин [НА НИИГН, Л–517, Л–837, ч. 1, Л–837, ч. 2]. В ходе работы был использован метод качественного анализа и системный (комплексный) подход.

Целью статьи явилось выделение из общего массива песен мордвы Сибири тех, в которых можно выявить аутентичное описание мордовского женского народного костюма, названия элементов национального комплекса одежды, украшений, а также материалов, используемых для его изготовления и их анализ.

Результаты исследования и обсуждение

Начиная со второй половины XIX века частым местом переселения для мордвы становится Сибирь. Как отмечает этнограф В.И. Козлов, миграции мордовского населения в этот период были связаны «с развитием капиталистических отношений в деревне, классовым расслоением сельской общины

и явлениями относительного аграрного перенаселения, в результате которых часть крестьян «выталкивалась» из деревни» [Козлов, 1958, № 2, с. 52]. Переселенческие ожидания мордвы нашли отражение в ее фольклоре, как инструменте сохранения прошлого и фиксации настоящего народа. В сказке «Сыре-Варда», опубликованной в сборнике С. Аникина «Мордовские народные сказки», отношение к Сибири показано следующими словами:

– В Сибирь! В Сибирь!
Найдем там вольную землицу:
Где хлебу род,
Где пчелам вод,
Где скот родится каждый год,
Где люди пьют вино и мед,
А не холодную водицу! [Аникин, 1909, с. 22].

Люди ехали туда с надеждой на лучшую жизнь, часто руководствуясь лишь слухами. Вдали от родины их ожидало проживание рядом с иными нациями, влекущее за собой создание смешанных семейных союзов, и постепенная ассимиляция. Но, несмотря на все эти процессы, мордва Сибири всячески старалась сохранить свои культурные традиции. Участник многолетних поездок по различным сибирским районам Сибиряк отмечал, что «несмотря ни на какие взаимодействия и влияния со стороны, народная поэзия мордвы-переселенцев неизменно продолжала во всем сохранять самобытность и оригинальность» [УПТМН, 1982, т. 9, с. 6].

Еще в молодые годы Сибиряк начал систематически записывать мордовский фольклор. В его первый сборник произведений мордовского фольклора «Свадебные обряды и песни» вошли и песни, собранные у мордвы в населенных пунктах Афонино (ныне Заринский р-н Алтайского края), Свободное и Шишкино (ныне Тальменский р-н Алтайского края), Новорождественское (ныне Прокопьевский р-н Кемеровской обл.) и др. Позднее ученый издал по результатам своих полевых исследований сборник «Мордовские народные песни Заволжья и Сибири» (1982), куда были включены песни, записанные в местах проживания мордвы в Алтайском, Красноярском краях, Кемеровской, Новосибирской, Томской и др. областях.

Как отметила в своем отчете о проведенной летом 1975 года фольклорной экспедиции в села Залесовского района Алтайского края Э.Н. Таракина, «…под влиянием окружающей среды, людей другой национальности и иных природных условий в жизни обследуемой мордвы произошли значительные изменения, многое в духовной культуре и сохранилось. Поскольку жители обследованных населенных пунктов – переселенцы из центральных районов России, заселенных мордвой, их устная поэзия сохранила в себе черты, характерные для традиционного фольклора мордвы» [НА НИИГН, Л–517, с. 58–

59]. Схожая ситуация наблюдалась и участниками последующих экспедиций к мордве Сибири. В итоговом отчете по экспедициям 1983–1986 годов В.Б. Русяйкин сделал акцент на том факте, что многие населенные пункты Сибири, заселенные мордвой-переселенцами, были образованы по принципу землячества, что не могло не наложить некий отпечаток на сохранность фольклорных традиций [Русяйкин, 1986, т. 86, с. 74].

При подробном изучении имеющихся у нас в наличии песен, записанных в разное время у сибирской мордвы, было отмечено, что во многих своих исторических, лиро-эпических и лирических песнях народ сохранил не только свою историю, обычаи и обряды, но и показал трудолюбие, мастерство мордовских женщин и красоту создаваемого ими национального костюма («Куяронь путомо» («Посадка огурцов»), «Иванонь Матря» («Иванова Матрена»), «Чинжань Ната» («Чинжаева Наталья»), «Покш паксясо лужомне» («В большом поле лощина»), «Митянь Кулясь» («Дмитриева Акулина») и др.). В песенном творчестве мордвы можно найти информацию и о материалах, из которых изготавливался наряд. Здесь встречаются названия таких дорогих привозных тканей, как шелк, парча, бархат, кумач, плис, сукно, стамед (реже нанка, байка, кисея). В семейно-бытовых песнях фигурируют также названия исконно мордовских украшений (*сюлгама /сюлгамо, цёка /цёко, пулай, суркс, кетькс*), элементов национального костюма (*руця, панар, панга /панго, шлыган*) и т.д. Как отмечает В.И. Белицер, «из кумача шили мужские рубахи, женские передники. Его употребляли на отделку верхней одежды эрзянских женщин – *руци* <…> Нанку и байку употребляли, судя по песням, в основном на пошивку мужской верхней одежды, а кисея шла на изготовление женского свадебного покрывала – фаты» [Белицер, 1973, с. 28]. Исследователь указывает, что «…различались рубахи и по числу вышитых продольных полос на спине. Рубахи с шестью полосами назывались *котова панар*. Такие рубахи носили обычно молодые женщины и они считались праздничными» [Белицер, 1973, с. 14].

Все песни, которые будут проанализированы ниже, были опубликованы в сборнике «Мордовские народные песни Заволжья и Сибири» [Устно-поэтическое … , 1982, т. 9].

Мордовская женщина готовила себе одежду на все периоды жизни. Это была повседневная, праздничная и ритуальная одежда. Если повседневная особой эстетической функции не несла и могла быть украшена элементарной вышивкой, которая могла быть заменена нашитыми полосками разноцветной ткани, то к праздничному костюму мордва предъявляла уже особые требования. Здесь и рубаха, и распашная одежда должны были быть вышитыми. Это могла быть вышивка в шесть или восемь широких продольных полос.

У мордвы рубахи с шестью продольными вышитыми полосами, которые шились из тонкого полотна или бязи, являлись свадебным подарком. Их носи-

ли в основном незамужние девушки и молодые замужние женщины. Вот как описывается праздничный наряд молодой девушки в песне «Иванова Матрена» (записана И.С. Поздяевым (Сибиряком) от информатора А.Ф. Кожаева, жителя с. Афонино (ныне Тисульского района Кемеровской области) в 1925 году):

Вай, пек мазый, паро Иванонь Матря.
Вай, зоря тештькеть Матрянь лентанзо,
Вай, валдо тештькетьМатрянь плащанзо,
Вай, чинь валдокс цитнить повонзо,
Валдо бисерт сонзэ сюлгамонзо[1].
...Матря оршавт котова таргань палясо[2]*,*
Кумацень руця[3] *сонзэ лангсонзо.*
...Котат-цюлкат Матрянь пильгсэнзэ.

Вай, красива, пригожа Иванова Матрена,
Вай, лучи утренней зари – ленты у Матрены,
Вай, яркие звезды – пуговицы у Матрены,
Вай, солнечным светом блестят пуговицы,
Светлый бисер – сюлгамы на груди.
…Матрена в шесть полос вышитой рубашке,
Кумачовый шушпан на ней.
…Сапожки, чулки на ногах Матрены [УПТМН, 1982, т. 9, с. 236–237].

(Здесь и далее будут использованы народные песни, записанные И.С. Поздяевым (Сибиряком) у мордвы Сибири, вошедшие в книгу «Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Мордовские народные песни Заволжья и Сибири» (т. 9, 1982) [Устно-поэтическое … , т. 9, 1982].

Мордовские девушки сами должны были готовить себе приданое к замужеству и подарки родственникам со стороны будущего мужа. Их с раннего детства приучали к женскому труду. Этот важный факт из жизни мордвы нашел поэтическое оформление в ее фольклоре. В с. Новорождественское И.С. Поздяевым была записана песня «Дмитриева Акулина» (1924 г., информатор Ф.Г. Антонов), повествующая о красавице Акулине, сосватанной без ее согласия. При описании положительных качеств героини в песне главный акцент делается на ее умении в рукоделии:

Вай, чачомадо Митянь Куля удалась,
Вай, касомадо Митянь Куля удалась,
Вай, кемгавксово иеть сон тевс-превс кайсь,
Вай, истяня кемгавксово иеть сон эрясь.

[1] *Сюлгам* (м.) / *сюлгамо* (э.) – мордовское женское нагрудное украшение, застёжка-фибула с круглой или овальной дужкой и подвижной иглой.

[2] *Котова таргань паля* – эрзянская женская рубаха с шестью продольными полосами вышивки.

[3] *Руця* – эрзянская женская верхняя распашная одежда из холста типа халата.

Иензэ коряс кемгавксово палят[4] *тейсь,*
Палянь коряс кемгавксово руцят стась,
Палянь коряс жольни пулайть[5] *тейсь,*
Палянь коряс кемгавксово икельга пацят[6] *тейсь.*

Вай, удалась Дмитриева Акулина рождением,
Вай, удалась Дмитриева Акулина станом,
Вай, восемнадцать лет росла-развивалась,
Вай, так восемнадцать лет она жила.
По годам восемнадцать рубах вышила,
По рубахам восемнадцать руцей (шушпанов) сшила,
По рубахам звенящие пулаи приготовила,
По рубахам восемнадцать передников сделала [Там же, с. 200].

Мастерство девушки-мордовки в вышивке отражено в песне «В большом поле лощина» (записана в этом же с. Афонино от информатора В.И. Кондорова в 1925 году):

Мазый тейтерь озадо,
…Сиянь салмукс кедьсэнзэ,
Сырнень кечказ тевсэнзэ.
…Вить кедьсэнзэ тев теи,
Керш кедьсэнзэ кемельди.
Кавто кедьсэ сон коцтонть кодызе…

Красивая девушка сидит
...Серебряная иголка в руке,
Золотой крючок в рукоделии.
…Правой рукой дело делает,
Левой рукой узоры вышивает.
Двумя руками она холст вышивает [Там же, с. 21].

В песне «Чинжаева Наталья» (записана в названном ранее с. Афонино от того же информатора в 1925 году) следующим образом описывается наряд мордовской девушки:

Вай, Чинжань Ната пек паро,
…Сон яла яки цюлкасо,
Сон яла яки котасо,
Сисемекс таргань палясо[7].

[4] *Паля* – эрзянская женская рубаха; платье.

[5] *Пулай* – элемент эрзянского народного женского костюма, который носили на поясе, набедренник.

[6] *Икельга паця* – эрзянский женский передник.

[7] *Сисеме таргань паля* – эрзянская женская рубаха с семью продольными полосами вышивки.

Пунцовой руця лангсонзо,
Стамедной кушак перьканзо

Вай, Чинжаева Наталья очень хороша,
...Она ходит в чулках,
Она ходит в сапожках,
В рубашке, вышитой в семь полос.
Пунцовый шушпан-руця на ней,
Стамедным кушаком подпоясана.

В следующей песне раскрыт отрицательный результат ослушания родителей и исполнения против их воли своего желания выйти замуж за бедного:

Эрямонь пингстэ Чинжань Ната фатякшнось:
Утомсо-подвалсо сюро арась,
Сусек потмакссонть почт арасть,
Корцягасонть ямкст арасть,
Столь лангсо салдырькссэ салт арасть.

Живя, Чинжаева Наталья спохватилась:
В амбаре нет зерна,
На дне ларя нет муки,
В корчаге нет пшена,
На столе в солонке соли нет…

Оказавшись с таким мужем в бедственном положении, девушка ищет выход и находит его благодаря своему приданому. Чтобы купить себе еду, Наталье приходится распродать свои наряды, что говорит об их ценности. Ведь приготовленные своими руками элементы национального костюма по стоимости оказываются приравненными к таким дорогим продуктам питания, как мука, пшено, соль:

Руцянть миизе – почт рамась,
Фатанть миизе – ямкст рамась,
Пацянть[8] *миизе – салт рамась.*

Руцю продала – муку купила,
Фату продала – пшено купила,
Платок продала – соль купила [Там же, с. 207–208].

В другой песне «Адя, полай, тетянь кудов» («Поедем, муж, к батюшке») (1924 год, с. Новорождественское, информатор В.Ф. Тагаев) говорится, наоборот, о покупке женской одежды с продажи продуктов питания:

Пондо почт полась каясь – панар[9] *рамась,*
Пондо ямкст сон каясь – руця рамась,
Пондо сал кандсь – панго[10] *рамась.*

[8] *Паця* – головной женский платок.

[9] *Панар* – мордовская мужская и женская рубаха туникообразного покроя.

[10] *Панга* (м.) / *панго* (э.) – мордовский головной убор замужней женщины конусообразной формы на твердой основе.

Пуд муки муж продал – рубаху купил,
Пуд пшена продал – руцю купил,
Пуд соли отнес – панго купил [Там же, с. 260].

Зимой, после завершения всех работ, мордовские девушки уходили к родственникам или знакомым на посиделки (чаще в другое село), во время которых они, занимаясь рукоделием, старались продемонстрировать свое мастерство родственникам молодых парней, для которых подыскивались таким образом будущие жены. Этот факт из прошлого мордовского народа тоже нашел свое отражение в его устно-поэтическом творчестве. Из песни «Мазыйне Ага» («Красивая Агафья») (1939 год, г. Норильск, информатор А.П. Очкин) мы узнаем о трудолюбии и умении главной героини выполнять такую женскую работу, как прядение, шитье и вышивание, которые являлись обязательными качествами любой мордовской девушки, женщины.

Тевень коряс Ага удалась,
Толкс палы тевесь кедензэ ало,
Кол штердемеде, стамга, викшнемга.
– Ней ков молят, Ага, тон аштеме…
– Родя лелянень мон молян аштеме,
Олда патянень мон молян штердеме,
Олда бабанень мон молян викшнеме,
Лёша покштянь кедьсэ тевень тееме.

Делами Агафья удалась,
Дело в ее руках огнем горит,
Мастерица она прясть, шить, вышивать.
– Куда пойдешь, Агафья, на посиделки?
– К дяде Родиону пойду на посиделки,
К тете Авдотье пойду прясть,
К бабушке Авдотье пойду вышивать,
К дедушке Алексею – рукодельничать [Там же, с. 163–164].

В комплекс женской национальной одежды мордвы входят разного рода украшения: поясные, нагрудные, шейные, наспинные, наручные, головные. Подтверждением красоты этих элементов мордовского костюма может служить тот факт, что в лирических песнях такие женские украшения, как набедренные подвески – *«цёка»* (м.), *«цёко»* (э.), пуговицы – «*пунят*» (м.), «*плаштят*» (э.), нагрудные застежки – *«сюлгам»* (м.), *«сюлгамо»* (э.), ленты – «*лентат*» (м., э.) и др., часто сравниваются с огнем, со звездами, со светлым бисером и с лучами утренней зари:

Вай, зоря тештькеть Матрянь лентанзо,
Вай, валдо тештькеть Матрянь плащанзо,
Вай, чинь валдокс цитнить повонзо,
Валдо бисерт сонзэ сюлгамонзо

Вай, лучи утренней зари – ленты у Матрены,
Вай, яркие звезды – пуговицы у Матрены,
Вай, солнечным светом блестят пуговицы,
Светлый бисер – сюлгамы на груди [Там же, с. 236–237].

В историко-этнографических исследованиях, посвященных мордовской культуре, отмечается, что необходимым нагрудным украшением женского наряда являлась *сюлгама*, которая входила в состав свадебного приданого. Самые дорогие и красивые нагрудные украшения изготавливались именно к свадьбе [Белицер, 1973, с. 111]. В.И. Козлов писал, что мордовки «на руки надевают у самых кистей по два и по три обода (браслета. – *И.Ш.*)», а «на всех пальцах носят перстни и кольца» [4, с. 51]. Все эти украшения у мордвы имели не только эстетическое значение. В свадебной песне, которую свекровь исполняет при одаривании невесты, содержатся такие слова:

Пилезэть путан мон пилекст –
Кунсольця ультяя,
Сурозот тонган сырнень суркс –
Кедь челькевне ультяя,
Кедезэть тонгансиянь кетькс –
Кедь виевне ультяя.

В уши твои вдеваю серьги –
Будь послушной,
На палец надеваю золотое кольцо –
Будь рукодельницей,
На руку твою надеваю браслет –
Будь сильна руками (работящая) [Евсевьев, 1966, т. 5, с. 13].

Все это указывает на их магическое значение – серьги символизируют послушание, кольцо – умение, браслет – силу.

Украшения и элементы народной одежды мордовской девушки упоминаются в песнях «Покш паксясо лужомне» («В большом поле лощина») и «Мазый Даря а моли сюпавнень» («Красивая Дарья не идет замуж за богатого») (1942 год, г. Норильск, информатор А.И. Беляков):

Мазый тейтерь озадо,
Сырнень кетькс кедьсэнзэ,
Сиянь суркст сурганзо,
Пиже лента мештеванзо,
Сюлгамо чочазь мештьсэнзэ…

Красивая девушка сидит,
Золотой браслет на руке,
Серебряные кольца на пальцах,
Зеленая лента на груди,
Сюлгам пристегнут на груди… [Там же, с. 21].

Зоря тештекс палы прясо фатазо.
Даря цюлкасо, Даря котасо,
Даря покайсэ, руцясо, пулайсэ,
Даря эрьгсэ, пилекссэ,
Суронзо суркссот, кедензэ кетькссэть.

Утренней звездой горит на голове ее фата.
Дарья в чулках, Дарья в котах,
Дарья в покае, в руце, в пулае,
Дарья в бусах, в серьгах,
Пальцы в кольцах, руки в браслетах [Там же, с. 144].

В шуточной песне «Куяронь путомо» («Посадка огурцов») (записана в г. Норильске Красноярского края от Е.П. Левкиной, 1942) говорится о полном мордовском женском свадебном комплексе и входящем в его состав головном уборе, состоящем из *панго (э.)*; налобника *конянь прявкс (м.), (конявкс (э.)* и покрывала – *фата (м., э.)*:

...Эх, мон бу оршавлинь ды карсевлинь,
Оршавлинь бу панар, руця.
...Пильгезэнь кемнеть карсевлинь.
...Пангине прязон путовлинь.
...Пангонть лангс конянь прявкскине[11].
...Каялинь ланга мазы фатыне.
...Лисевлинь бу каназоронть каршонзо.

…Эх, я бы оделась и обулась,
Надела бы рубашку, руцю.
…На ноги сапожки обула бы.
…Панго на голову бы надела.
…На панго – налобник.
…Накинула бы сверху красивую фату.
…Вышла бы навстречу царевичу [Там же, с. 195].

Так хотела бы нарядиться героиня этой песни на встречу с молодым царевичем, показывая свою готовность стать его женой (известно, что головной убор *панго* символизировал переход женщины в новый социальный статус молодухи; фата являлась головным убором невесты и молодой женщины; *конявкс* носили мордовские девушки и молодые женщины (до рождения первого ребенка). Он «…представлял собой шелковый цветной платок или фату – полоску красного шелка длиной 150–175 см и шириной 90 см, затканную золотыми или серебряными нитками; иногда термином «конявкс» называли полосу кумача с нашитыми на нем елочными бусами» [Белицер, 1973, с. 145]).

[11] *Конянь прявкс (конявкс)* – мордовская девичья налобная повязка.

Мордовский народ в песнях не только воспевает трудолюбие женщин и красоту национального наряда, но и высмеивает лень и нерадение в работе. Так, в шуточной песне «Оря патяй» («Сестра Арина», записана в г. Норильске Красноярского края от информатора У.С. Ошкиной и ее дочерей Ольги, Анны и Елизаветы в 1959 году. Сокращенный вариант этой песни был записан Русяйкиным В.Б. в 1983-м году в д. Кочкуровка ныне Гурьевского р-на Кемеровской обл. от информаторов Е.Я. Савелькаевой, М.Ф. Литяевой, А.А. Макарейкиной, М.Г. Кудашкиной, М.П. Макарейкиной [НА НИИГН, Л–837, ч. 2, с. 5]) описан наряд ленивицы, которая из листьев и коры деревьев сшила у портного себе одежду и что стало с этим «шедевром» некоторое время спустя:

...Пекше лопань, Оря патяй, паля статано,
Поень лопань, жольни лопань, грушат чавтано,
Тумо лопань минь икельга пацят тейтяно.
Телень туртов, Оря патяй, керень оршамкат,
Чувто кертнень лутасынек, чевтемтнесынек,
Лембе шубакс, суманькс[12] *сынст тейсынек,*
Шивечень кедьстэ сынст ставтовтсынек.
Тундонь чистэ, Оря патясь, мазы патясь,
Пекше лопань паля сон оршакшнось,
Укштор лопань Оря руця оршакшнось.
Лиси чись Орянь палянзо-руцянзо костинзе,
Пуви вармась лангстонзо лопатнень пувсинзе.
Икельде кадовсь Орянь гай сюлгамозо,
Удало кадовсь жой пулайнезэ
Оря патянь кадовсь голь штапо рунгозо…

Из липовых листьев, сестра Арина, платье сошьем,
Из осиновых листьев, звенящих листьев, подвески сделаем,
Из дубовых листьев передники сошьем.
К зиме, сестра Арина, из коры одежду приготовим,
Кору с деревьев снимем, размягчим,
Теплую шубу, зипун из них сделаем,
Портному шить закажем.
Весенним днем сестра Арина, красавица-сестра,
Из липовых листьев рубашку надевала,
Из кленовых листьев Арина руцю надевала.
Взошедшее солнце у Арины рубашки-руци высушило,
Сильный ветер с нее листья сдул.
Спереди остался у Арины звонкий сюлгам,
Сзади остался у Арины звенящий пулай,
Сестра Арина обнаженной осталась [Там же, с. 211].

[12] *Сумань* – мордовская верхняя одежда из домотканого сукна (зипун).

Женщина-мордовка одежду себе готовила на все периоды жизни. Это была повседневная, праздничная и ритуальная. Праздничная (свадебная) одежда могла служить и погребальной (ритуальной) как для молодых умерших девушек, так и для пожилых женщин. Ее специально оставляли после свадьбы и не носили, а берегли. Свидетельства того, что покойников мордва хоронила в праздничных одеяниях, можно найти в исследованиях таких ученых-этнографов, как Белицер [1973], Т.П Федянович [1990], Т.А. Шигурова [2026] и др.

В мордовских песенных источниках сохранилось описание не только женской праздничной одежды, но и погребальной. Так, в песне-плаче юноши об умершей любимой девушке «Саик, варма, лангстом тошначим» («Развей, ветер, мою тоску», записана в г. Норильске Красноярского края от информатора У.С. Ошкиной в 1958 году) описан следующий погребальный наряд усопшей:

Вай, тосо, модасонть, калмосонть монь оям,
Монь тейтернем, монь вечкемнем, оинем.
Сон и котасо, сон и цюлкасо, нарядсо,
Котова таргань аишти палясо,
Кавксова таргань уды сон руцясо[13]*,*
Мазы толкс палыть оянть цёконзо[14]*,*
…Тевень паргозо ды викинемазо сонзэ мартонзо.

Вай, там в земле, в могиле, моя подруга,
Моя девушка, моя любимая, подруженька.
Она в сапожках, в чулках, в наряде,
Лежит в шесть полос вышитой рубахе,
Спит в восемь полос вышитой руце,
Огнем горят набедренные украшения подруженьки,
…Коробка с рукоделием, вышивка с нею [Там же, с. 148].

Следует отметить, что таких песен у сибирской мордвы сохранилось незначительное количество.

Заключение

В песнях мордвы отражается ее многовековая история. Они стали своеобразной поэтизированной летописью народа. Мордовские переселенцы, нашедшие в Сибири новую родину, тщательно хранили и оберегали свои самобытные традиции, стараясь не растерять культурную идентичность. В песенном фольклоре сибирская мордва раскрывала внутренний мир с пережива-

[13] *Кавксова таргань руця* – эрзянская женская верхняя распашная одежда из холста типа халата с восемью продольными полосами вышивки.

[14] *Цёка* (м.) / *цёко* (э.) – мордовское женское набедренное украшение-подвеска в виде кисти из разноцветных ниток и бисера.

ниями и думами о пройденном. Ее песни были тесно связаны с бытом народа, с реальной действительностью. Они послужили не только важным фольклорным, но и этнографическим источником. В то время, когда из повседневного быта мордовского народа уходит национальная одежда, песни остаются одним из источников сохранения сведений о красоте целого комплекса национальной одежды и ее отдельных элементов, информации о материалах, из которых она изготовлена, об украшениях, а также о функциональном назначении народного костюма.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и экономики.

НИИГН – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

НА НИИГН – Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

УПТМН – Устно-поэтическое творчество мордовского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин С. Мордовские народные сказки. СПб.: Род. мир, 1909. 102 с.

Белицер В.И. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 216 с.

Евсевьев М.Е. Избранные труды: в 5 т. Т. 5. Историко-этнографические исследования. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. 552 с.

Козлов В.И. Расселение мордвы – эрзи и мокши // Советская этнография. № 2. 1958. С. 43–54.

НА НИИГН. Л–517. Таракина Э.Н. Фольклорный материал, собранный летом 1975 года в селах Залесовского района Алтайского края. 65 л.

НА НИИГН. Л–837. Русяйкин В.Б. Фольклорный материал, собранный во время музыкально-фольклорных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири. Ч. 1. 152 л.

НА НИИГН. Л–836. Русяйкин В.Б. 1. Фольклорный материал, собранный во время музыкально-фольклорных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири. 2. Причины переселения мордвы в Сибирь. Ч. 2. 140 л.

Русяйкин В.Б. О песенном репертуаре мордовского населения Сибири // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Тр. НИИЯЛИЭ. Т. 86. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1986. С. 72–80.

Сибиряк И.С. Урьвакстома койть ды морот. Эрзянь фольклор = Свадебные обряды и песни. Эрзянский фольклор. Саранск: Мордгиз, 1936. 294 с.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9. Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1982. 332 с.

Федянович Т.П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1990. С. 96–125. Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 100.

Шигурова Т.А. Костюм мордовского народа в обычаях и обрядах мордвы. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2026. 171 с.

Irina Sheyanova

THE MORDVIN WOMEN'S TRADITIONAL COSTUME IN THE FOLK SONGS OF THE SIBERIAN MORDVINS

Introduction. Mordvin folk songs celebrate qualities such as the diligence and skill of Mordvin women, as well as the beauty of the traditional costumes they craft. **This article aims** to analyze songs describing the Mordvin women's traditional costume or the process of its creation, and to reveal its functional role. **Materials and methods.** The source material comprises folk songs recorded by I.S. Pozdyaev (Sibiryak) among the Siberian Mordvins, as well as field reports from expeditions conducted by the NIIGN. The study employs qualitative analysis and systematic, comprehensive methods. **Research results and discussion.** Field expedition findings indicate that, despite the cultural influence of other ethnic groups on the Siberian Mordvin settlers, the community has successfully preserved its ethnic traditions, as well as its material and spiritual culture. The analysis of Siberian Mordvin folk songs focuses particularly on historical and everyday-life songs, which reflect the skill and talent of Mordvin women in crafting traditional costumes. **Conclusion.** The Mordvin people preserve their centuries-old history in their songs, which serve as a unique, poetic chronicle of the people. Their folk songs reflect social and family life, as well as traditional knowledge and skills.

Keywords: folklore; Siberian Mordvins; historical songs; everyday-life songs; Mordvin women's traditional costume.

REFERENCES

Anikin S. Mordovskie narodnye skazki [Mordvin Folk Tales]. Saint Petersburg, Rodnoj Mir, 1909, 102 p. (In Russian).

Belicer V.I. Narodnaja odezhda mordvy [Folk Clothing of the Mordvins]. Moscow, Nauka, 1973, 216 p. (In Russian).

Evsev'ev M.E. Izbrannye trudy. Tom 5. Istoriko-etnograficheskie issledovanija [Selected Works. Vol. 5. Historical and Ethnographic Studies]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 552 p. (In Russian).

Kozlov V.I. Rasselenie mordvy – erzi i mokshi [The Settlement of the Mordvins – the Erzya and the Moksha]. *Sovetskaja etnografija*, no. 2, 1958, pp. 43-54. (In Russian).

Nauchnyj arhiv nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. L – 517. Tarakina E.N. Fol'klornyj material, sobrannyj letom 1975 goda v selah Zalesovskogo rajona Altajskogo kraja [Folklore materials collected in the summer of 1975 in the villages of the Zalesovsky District, Altai Krai]. 65 p. (In Russian).

Nauchnyj arhiv nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. L – 837. Rusjajkin V.B. Fol'klornyj material, sobrannyj vo vremja

muzykal'no-fol'klornyh ekspedicij (1983-1986 gg.) v mordovskie naselennye punkty Sibiri [Folklore material collected during musical and folklore expeditions (1983-1986) in Mordovian settlements of Siberia]. Part 1, 152 p. (In Russian).

Nauchnyj arhiv nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. L – 836. Rusjajkin V.B. 1. Fol'klornyj material, sobrannyj vo vremja muzykal'no-fol'klornyh ekspedicij (1983-1986 gg.) v mordovskie naselennye punkty Sibiri. 2. Prichiny pereselenija mordvy v Sibir' [1. Folklore material collected during musical and folklore expeditions (1983-1986) in Mordovian settlements in Siberia. 2. Reasons for the resettlement of the Mordvins to Siberia]. Part 2, 140 p. (In Russian).

Rusjajkin B.V. O pesennom repertuare mordovskogo naselenija Sibiri [On the song repertoire of the Mordvin population of Siberia]. *Fol'klor v tvorchestve mordovskih pisatelej i kompozitorov. Iss. 86. Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i ekonomiki.* Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, pp. 72-80. (In Russian).

Sibirjak I.S. Svadebnye obrjady i pesni. Erzjanksij fol'klor [Wedding ceremonies and songs. Erzya folklore]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1936, 294 p. (In Erzya).

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. Tom 9. Mordovskie narodnye pesni Zavolzh'ja i Sibiri [Oral Poetic Heritage of the Mordvin People. Vol. 9. Mordvin Folk Songs of the Trans-Volga Region and Siberia]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 332 p. (In Russian).

Fedjanovich T.P. Pohoronnye i pominal'nye obrjady mordvy [Mordvin funeral and memorial rites]. *Bytovaja kul'tura mordvy. Iss. 100. Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i ekonomiki.* Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, pp. 96-125. (In Russian).

Shigurova T.A. Kostjum mordovskogo naroda v obychajah i obrjadah mordvy [The Traditional Costume of the Mordvin People in Their Customs and Rituals]. Moscow, NIC INFRA-M, 2026, 171 p. (In Russian).

Шеянова Ирина Ивановна
кандидат филологических наук,
доцент, старший научный сотрудник
отдела литературы и фольклора
Научно-исследовательского института
гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия,
г. Саранск
e-mail: shejanova.irina@yandex.ru

Irina Sheyanova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher.
Department of Literature and Folklore
Scientific Research Institute
of Humanities under the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk
e-mail: shejanova.irina@yandex.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 002(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-3-75-60-75

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ КНИГЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

© 2026 г. О.М. Петров

Введение. Статья посвящена анализу ключевых этапов становления марийского книгоиздания. Особое внимание уделено процессу возникновения и развития Марийского областного издательства (Мароблиздат) в 1920–1930-е годы. **Цель статьи –** проанализировать процесс формирования издательской базы Марийской автономной области (МАО) в 1920–1930-е годы, определить основные трудности (слабая полиграфическая база, нехватка квалифицированных кадров и финансовых ресурсов) и охарактеризовать итоги деятельности книгоиздания за указанный период. **Материалы и методы.** Исследование опирается на архивные документы (ГА РМЭ, ГАРФ), сборники документов и научные работы по рассматриваемой проблеме. Использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и статистический методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Процесс создания Марийского областного издательства, начавшийся с неудачной попытки в 1921–1922 годах из-за экономических и технических трудностей, был официально реализован в 1925 году. Однако его развитие с самого начала сдерживалось слабой полиграфической базой, перегруженностью газетным производством и нехваткой квалифицированных кадров. Модернизация 1927–1928 годов дала лишь временный эффект, увеличив выпуск книг, но не решила системных проблем. Срыв строительства «Дома печати» по постановлению ВЦИК 1931 года дополнительно замедлил развитие книгоиздания. Несмотря на это, к середине 1930-х годов удалось сформировать авторскую и редакторскую среду, нарастить долю оригинальной литературы и расширить спектр периодики. **Заключение.** История Марийского книжного издательства – это пример сложного пути институционализации национальной печати в условиях дефицита ресурсов. К концу 1930-х годов были заложены основные традиции и накоплен

опыт, позволившие издательству стать важнейшим институтом сохранения и развития марийского языка и культуры.

Ключевые слова: Марийское книжное издательство; печать; марийская литература; Марийская автономная область; полиграфическая база; Центральное издательство народов СССР; типография.

Введение

В октябре 2025 года в Республике Марий Эл отмечалась знаменательная дата – 100-летие со дня основания Марийского книжного издательства. Столь внушительный вековой путь, пройденный издательством, является не только свидетельством его исторической значимости, но и подтверждением той системообразующей роли, которую оно сыграло в развитии национальной культуры, литературы, науки и образования марийского народа.

Юбилейная дата побуждает обратиться к истокам возникновения издательства, к анализу условий и факторов, способствовавших его созданию, а также к рассмотрению ключевых этапов процесса его становления. Возникновение Марийского книжного издательства в 1925 году было обусловлено комплексом объективных предпосылок, связанных с образованием Марийской автономной области (1920), ростом уровня образования и необходимостью удовлетворения возрастающего спроса литературы на марийском языке. Однако еще до 1925 года имелся определенный опыт издания книг на марийском языке, накопленный как в рамках миссионерской деятельности православной церкви (с 1775), так и в период работы Центрального издательства мари в Казани (1918–1923). Однако эти предшествующие проекты не имели характера самостоятельного издательского дела непосредственно на территории Марийского края. Ситуация коренным образом изменилась после того, как в 1920-е годы в Марийской области была поставлена задача создания собственной полноценной издательской базы, способной выпускать учебную, художественную, общественно-политическую литературу на родном языке непосредственно в административном центре.

Таким образом, изучение процесса становления Марийского издательства требует рассмотрения целого комплекса взаимосвязанных факторов. К их числу относятся: развитие полиграфической базы, кадровый потенциал, экономические условия, а также политика центральных и областных властей в деле национального книгоиздания.

Цель статьи – проанализировать процесс становления Марийского областного издательства как важнейшего института национальной культуры, выявив основные этапы, трудности и результаты его деятельности в период становления.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили как опубликованные материалы (сборники документов, труды В.Т. Михайлова, М.Т. Сергеева и другие), так и неопубликованные архивные документы, извлеченные из фондов Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Особую ценность представляют фонды Марийского областного издательства (Ф. Р-460), а также областного комитета партии (Ф. П-1). Методологическая основа работы строится на принципах историзма и системного анализа, предполагающих рассмотрение издательского дела в неразрывной связи с социально-экономическими и политическими процессами эпохи. Использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и статистический методы, позволяющие проследить динамику явлений и выявить причинно-следственные связи.

Результаты исследования, обсуждение

Начало марийского книгопечатания восходит ко второй половине XVIII века и связано с миссионерской деятельности православной церкви. Так, в 1775 году на основе кириллического алфавита была создана первая грамматика марийского языка – «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка», изданная в Санкт-Петербурге при участии казанского архиепископа Вениамина (Пуцек-Григоровича) [Михайлов, 2025, с. 15–16, 23]. Данный труд заложил основу марийской письменности и книгоиздания, а день поступления грамматики в продажу – 10 декабря – сегодня отмечается как национальный праздник «Марий тиште кече» (День марийской письменности).

Издание книг на марийском языке в дореволюционный период было представлено преимущественно переводами религиозной литературы, катехизисами, букварями и грамматиками, что было обусловлено миссионерской деятельностью православной церкви. Точное количество изданной в этот период литературы трудно оценить, поскольку в различных источниках приводятся противоречивые данные. Так, согласно данным на сайте Йошкар-Олинской епархии, за период с выхода первой грамматики в 1775 году и до революции 1917 года было издано более 250 наименований книг на марийском языке [10 декабря …]. В книге М.Т. Сергеева «Возникновение и развитие печати Марийской АССР» приводится цифра – 140 [1971, с. 12].

Радикально ситуация поменялась после событий Великой российской революции. В сентябре 1918 года при Казанском губернском комитете по делам мари был открыт подотдел печати, что стало важным шагом в институционализации марийской национальной печати (позднее переименовано в Центральное издательство мари) [Петров, Иванов, 2024, с. 69]. Только за два года своей активной работы с 1918 по 1920 год издательству удалось выпустить на марийском языке 83 наименования книг и брошюр, а также 31 воззвание

и листовку [Съезды народа мари…, 2008, с. 278–281]. Кроме того, издательством в эти годы выпускались газеты на луговом наречии «Ӱжара» («Заря»), «Йошкар кече» («Красное солнце») и на горном – «Незерын шамакшы» («Голос бедняка»).

Несомненно, деятельность Центрального издательства мари в Казани заложила основу для последующего развития национальной литературы и книгоиздательства, в первую очередь в части формирования кадрового потенциала. В этот период в издательстве работали С.Г. Чавайн, Н.В. Игнатьев и В.А. Мухин, которые впоследствии составили ядро литературных сил Марийской области.

После образования Марийской автономной области в ноябре 1920 года развитие издательского дела на ее собственной территории было определено руководством региона в число приоритетных государственных задач. Между тем на момент учреждения автономии в распоряжении региона имелась лишь одна небольшая типография, располагавшаяся в Козьмодемьянске. Основанная в 1897 году купцом Г.П. Зубковым, ее дореволюционная деятельность ограничивалась лишь выпуском продукции коммерческого характера: бланков, накладных, афиш и прочих заказных материалов [Петров, Иванов, 2024, с. 55]. Начиная с 1917 года на ее базе стала выпускаться периодическая печать. Среди первых газет следует назвать: «Наш край» (1917), «Известия Козьмодемьянского Совета Р. К. и К. Депутатов» (1918), «Тӧр» («Правда») (1920–1922), «Красный труд» (1920–1923).

Оборудованная старыми изношенными машинами, Козьмодемьянская типография едва ли могла развернуть широкий выпуск книг. Ее производственные мощности были достаточны лишь для выполнения местных заказов и выпуска ограниченным тиражом газетной продукции. К тому же поскольку столицей новообразованной автономной области был объявлен город Краснококшайск (с 1927 года – Йошкар-Ола), возникла острая необходимость в создании полноценной полиграфической базы непосредственно в административном центре. Отсутствие в столице собственной типографии серьезно затрудняло выпуск областных газет, официальных и агитационно-пропагандистских материалов, а также учебной и художественной литературы, без которых было немыслимо эффективное управление регионом и проведение культурно-просветительской работы среди населения.

Уже в самое первое время после образования МАО были приняты меры по организации типографии в столице. Так, на заседании «комиссии шести», созданной для подготовки административно-хозяйственного аппарата Марийской области, состоявшемся 8 декабря 1920 года, был отправлен запрос в полиграфический отдел Совета народных комиссаров Татарской АССР (Татсовнаркома) об экстренном отпуске в Краснококшайск хотя бы одной типографской машины [Из истории образования … , 2000, с. 79].

После этого началась подготовка к созданию типографии в городе. 3 февраля 1921 года был образован полиграфический отдел при Областном совете народного хозяйства (Облсовнархозе). Под типографию был приспособлен первый этаж (ранее там находилось торговое помещение) бывшего дома купца Наумова. В постановлении Революционного комитета МАО особо подчеркивалось, что работа типографии и полиграфического отдела должно считаться задачей первостепенной и исключительной важности. Кроме того, поручалось выделить рабочих типографии и полиграфического отдела в особую ударную группу с повышенным продовольственным пайком [Революционный комитет … , 2020, с. 111].

Из-за сложной ситуации в стране доставка печатных машин из Казани значительно задержалась. Точная дата прибытия оборудования в Краснококшайск неизвестна. Однако полученные машины так и не были запущены в эксплуатацию. Об этом свидетельствует телеграмма Ревкома МАО, отправленная 26 мая 1921 года в Полиграфотдел ВСНХ. В ней говорилось, что привезенная из Казани типография находилась в ветхом состоянии, отсутствовали многие детали и она была полностью непригодна для использования. В связи с этим Ревком МАО просил Полиграфотдел ВСНХ предоставить Марийской области свободную типографию непосредственно из Москвы [Революционный комитет … , 2020, с. 293–294].

Следующие печатные машины были получены в июне 1921 года. После налаживания оборудование впервые было запущено 13 августа 1921 года, когда была отпечатана первая пробная листовка. Данное событие ознаменовало собой фактическое начало работы столичной типографии [Зенкин, Окишев, 1991, с. 11]. В дальнейшем Краснококшайская типография получила название Первой государственной типографии, в то время как типография в Козьмодемьянске стала именоваться Второй государственной.

В первое время после запуска типографии приоритетной задачей являлся выпуск общеполитических газет. Так, уже с 28 августа 1921 года в Краснококшайске стал выходить официальный печатный орган местной власти – «Известия Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Областного комитета РКП(б)». С 27 ноября 1921 года начала издаваться газета «Йошкар кече» («Красное солнце»), переведенная в столицу области из Казани.

Издание учебной и художественной литературы также являлось важной задачей, поскольку в стране развернулась кампания по ликвидации неграмотности. В начале 1921 года в МАО была предпринята попытка организовать издательство. В январе того же года утвержден штат Краснококшайского отделения Государственного издательства МАО (также в документах называется Марийское областное государственное издательство). В состав вошли пять

сотрудников, во главе с заведующим О.П. Каприели. После этого формально в подчинение указанного отделения перешли издательство в Казани и типография в Козьмодемьянске [ГА РМЭ. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 114. Л. 6]. Однако, как следует из анализа сохранившихся документов, без работающей типографии существование отделения оказалось бессмысленным. Реальная работа в нем развернулась лишь с сентября 1921 года – после того как была запущена в эксплуатацию типография в Краснококшайске и назначен новый заведующий Васильев [ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 52. Л. 199].

За период с октября по 17 декабря 1921 года было издано четыре брошюры политической литературы общим тиражом 5500 экземпляров (не считая газет), а также пять листовок и воззваний – 13 000 единиц. На 1922 год также был разработан производственный план. Планировалось к изданию 12 наименований литературы, учебников, журналов. В том числе произведения для детей, специализированные издания для медработников, драматические произведения [ГА РМЭ. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 130. Л. 43–44].

Однако эти планы так и не были реализованы. Во многом это произошло из-за введения политики НЭПа. С 28 ноября вышел декрет СНК о платности газет, что резко сократило государственные дотации на печать [Петров, Иванов, 2024, с. 116]. Кроме того, оборудование Краснококшайской типографии оказалось слабым, устаревшим и требовавшим постоянного ремонта. Согласно документам, датируемым ноябрем 1923 года, все ее оборудование состояло из пяти печатных машин: одна марки «Augsburg», две машины «König & Bauer» и две американского производства «Liberty» с ножным приводом [ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 200а. Л. 55–60].

Последнее обстоятельство не позволяло сосредоточить издательскую деятельность непосредственно в центре Марийской автономной области. Это, в частности, признавалось на заседании Марийского бюро при ЦК РКП(б) 25 ноября 1921 года, где посчитали необходимым продолжить работу издательства мари в Казани [ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 51. Л. 219]. При этом логичным решением стало продолжить выпуск газет и журналов в Краснококшайске, а издание книжной литературы сохранить в Казани.

Таким образом, Марийское издательство в Казани оставалось важнейшим фактором развития национальной печати и книгоиздания. Оно продолжало свою работу в Казани до марта 1923 года, издавая учебники и учебные пособия для марийской школы, а также ежемесячный журнал Марийской секции при агитпропотделе ЦК РКП(б) «У илыш» («Новая жизнь»). После этого издательство было переведено в Москву, где оно вошло в состав Центрального восточного издательства (с июня 1924 года преобразовано в Центральное издательство народов СССР) и функционировало как его марийская секция [Сергеев, 1971, с. 206].

К сожалению, из-за сложной экономической ситуации МАО пришлось на время отказаться от издания книжной литературы. Областное издательство, открытое в 1921 году, уже в начале 1922 года было ликвидировано. В тяжелом положении оказались и местные газеты, издававшиеся в Краснококшайске. В сентябре 1923 года закрыта русскоязычная газета «Голос мари». К этому моменту в области осталась лишь одна газета – «Йошкар кече» («Красное солнце»), которую в целях экономии стали выпускать одновременно на двух языках (марийском и русском) [Петров, Иванов, 2024, с. 145].

Только в 1924 году, когда экономическое положение несколько наладилось, вопрос об открытии издательства вновь встал на повестку дня. В частности, об этом заявлял заведующий областным отделом народного образования П.И. Андреев. Выступая 6 марта 1924 года на областном съезде советов, он указывал, что этот недостаток необходимо исправить в ближайшее время, поскольку потребность в издании массовой литературы, учебников, а также педагогического журнала слишком велика [ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 306. Л. 118].

Официально решение о создании Марийского областного издательства (Мароблиздата) было принято на заседании III пленума обкома 24–26 сентября 1925 года с формулировкой «для усиления печатного дела» [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 206. Л.118]. 1 октября на заседании президиума облисполкома был утвержден бюджет и устав издательства – именно эта дата в настоящее время считается днем основания Марийского книжного издательства. Спустя несколько дней, 13 октября, заведующим издательства был назначен В.А. Мухин [ГА РМЭ. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 2. Л. 81].

В соответствии с первоначальной концепцией Мароблиздат должен был консолидировать всю печатную сферу Марийской автономной области. 1 октября 1925 года в состав издательства вошла Первая государственная типография, а 1 ноября – Вторая государственная типография, расположенная в Козьмодемьянске. В октябре того же года в состав вошли также редакции областных газет «Йошкар кече» и «Марийская деревня». В 1926 году в структуре Мароблиздата появились торговый сектор, включавший книжные магазины в Краснококшайске, Козьмодемьянске и Сернуре, а также периодический сектор, отвечавший за распространение газет и журналов через уполномоченных представителей в кантонах [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 5. Л. 71]. Такая централизация печатного дела была осуществлена с целью оптимизации накладных расходов и устранения дублирования управленческих функций.

Как отмечал впоследствии заведующий издательством в 1930-х годах А.К. Эшкинин, становление организации происходило «на скудной финансовой и полиграфической базе». Начальный уставной капитал составил лишь 10 тыс. руб. Первая государственная типография, вошедшая в состав издательства, была оснащена устаревшим оборудованием, выведенным из консерва-

ции в Казани, и располагала ограниченным количеством шрифтов. Еще более архаичное оборудование находилось в Козьмодемьянске [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 20. Л.39]. Неполным был и штат издательства: так, в 1926 году он состоял (без редакций газет) из 11 человек при положенных по штату 18 [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 5. Л. 71].

Вследствие этого издательство не смогло быстро развернуть свою деятельность. В 1925 году издано только три брошюры общим тиражом 3600 экземпляров и объемом четыре печатных листа [Исиметов, Сергеев, 1975, с. 20]. Первым выпущенным изданием стал сборник стихов русского поэта А.С. Жадаева «Между городом и деревней». В 1926 году было издано восемь книг общим тиражом 19,5 тысячи экземпляров, из которых шесть были написаны марийскими авторами (В.М. Мухиным-Сави, С.Г. Чавайном, В.М. Васильевым) [Михайлов, 2025, с. 136]. Ситуацию усугубляла необходимость выполнять сторонние заказы от различных учреждений и предприятий (изготовление бланков, формуляров, листовок), что отвлекало производственные мощности от выпуска основной книжной продукции.

Несмотря на ограниченный объем выпуска книг, в данный период был осуществлен ряд знаковых достижений. Открытие издательства стало катализатором развития национальной культуры МАО. В частности, начали выходить первые литературные журналы, которые создали площадку для публикации произведений марийских писателей и способствовали становлению литературного языка.

Так, 4 октября 1925 года был организован первый союз марийских писателей (МАП). С этого же месяца в качестве приложения к газете «Йошкар кече» начал выходить журнал «Арлан ден Кестен» («Арлан и дубина»), ставший первым изданием сатирико-юмористического толка на марийском языке. Журнал быстро завоевал большую популярность у местных читателей. Он публиковал фельетоны, юморески, высмеивающие местные нравы, бюрократию и архаичные социальные явления. Издание сыграло важную роль в формировании читательского интереса к местной прессе и литературе.

Выход первого номера журнала «У вий» («Новая сила») 31 июля 1926 года ознаменовал собой появление первого литературно-художественного периодического издания на марийском языке [Петров, Иванов, 2024, с. 214–216]. Важнейшая роль этого органа заключалась в консолидации творческих сил: он предоставил основоположникам марийской литературы (С.Г. Чавайну, В.А. Мухину-Сави, В.М. Васильеву, Н.В. Игнатьеву и другим) единую площадку для публикации своих произведений.

Тяжелую нагрузку для издательства представляло собой издание газет, отнимающее большую часть производственных мощностей и времени. Назначенный в мае 1927 года на должность заведующего Мароблиздатом Э.П. Гу-

баев в своих отчетах отмечал, что типография перегружена их выпуском. Кроме того, убыточность редакций требовала значительных средств для их покрытия, что практически оставляло издание литературы без финансирования [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 5. Л. 17]. Ситуация усугублялась плановыми заданиями областного комитета партии. Предполагалось значительное увеличение выпуска литературы. Кроме того, газеты «Йошкар кече» и «Марийская деревня» в конце 1927 года должны были перейти на выпуск три раза в неделю вместо двух, а к 1928 году увеличить совокупный разовый тираж до 9000 экземпляров [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 395. Л. 261].

Типография Маробиздата была совершенно не готова к такому объему выпуска. В этих условиях руководство области инициировало модернизацию Первой государственной типографии. В 1927–1928 годах были приобретены три подержанные плоскопечатные машины фабрик «Frankenthal», «Johannes Berg» и «Augsburg» [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 13. Л. 9]. Дополнительно было закуплено 120 пудов книжного шрифта. Так как существующее здание не могло в полной мере разместить все оборудование, параллельно развернулось строительство нового двухэтажного каменного пристроя к типографии (строительство окончено в 1928 году). Оно было необходимо для организации переплетного отделения, цинкографии и для размещения рабочих. Важнейшим этапом модернизации стала электрификация предприятия, для которого были заказаны и смонтированы электромоторы [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 12. Л. 17]. Параллельно с этим редакции газет «Йошкар кече» и «Марийская деревня» были отделены от Мароблиздата и реорганизованы в самостоятельные единицы [ГА РМЭ. Ф. Р-286. Оп 1. Д. 255. Л. 9].

Эти меры стали приносить ощутимые результаты. Уже в сентябре 1927 года, выступая на пленуме областного комитета партии, секретарь обкома В.П. Куликов заявлял, что мощность типографии улучшилась и она справляется с заказами, однако посетовал на нехватку рукописей от местных авторов [ГА. РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 344. Л. 36–37]. Вместе с тем издательство постепенно увеличивало выпуск литературы, так, если в 1927 году было издано 13 книг объемом в 52,25 печатных листа, то в 1928 году – уже 30 книг объемом 124,3 печатных листа, а в 1929 – 45 книг [Исиметов, Сергеев, 1975, с. 23].

Несмотря на то что Марийское областное издательство постепенно наращивало объемы выпуска, большую часть литературы на марийском языке выпускало Центральное издательство народов СССР. Эта структура была создана в Москве 13 июня 1924 года как мощный инструмент «для преодоления культурного неравенства». Его учреждение напрямую вытекало из директивы X съезда РКП(б) (1921), признававшей неспособность национальных республик в короткие сроки решить проблему из-за «слабого состояния полиграфической базы и недостатка культурных сил». Целью организации была центра-

лизованная поддержка культурного развития народов СССР до момента создания ими собственных издательств [ГАРФ. Ф. 4033. Оп. 1. Д. 58. Л. 400–401].

Статистические данные подтверждают его важнейшую роль: в 1924–1929 годы на долю Центроиздата пришлось около 75 % всей книжной продукции на марийском языке (150 названий, 570 печатных листов) [Исиметов, Сергеев, 1975, с. 17]. Помимо книгоиздания, ведомство выпускало и периодическую печать. 17 ноября 1927 года его правление приняло решение о преобразовании «У илыш» в еженедельную газету на марийском языке под названием «Марий йал» («Марийская деревня») [ГАРФ. Ф. 4033. Оп. 1. Д. 102. Л. 31]. Газета стала центральным печатным органом для марийцев, проживавших не только в Марийской автономной области, но и за ее пределами. Она освещала вопросы национальной политики, культурного строительства, колхозной жизни.

Однако Центроиздат изначально создавался как временная структура. Согласно директивам партии, национальные республики и области должны были со временем обзавестись собственными издательствами и самостоятельно обеспечивать потребности населения в литературе на родном языке, а деятельность Центроиздата постепенно должна была сворачиваться [ГАРФ. Ф. 4033. Оп. 1. Д. 58. Л. 400–401]. В 1930–1931 годах вопрос о передаче функций марийской секции Центроиздата Маробиздату стал предметом острых дискуссий между областным руководством и центральными органами. Так руководство Марийского обкома и Маробиздата опасались, что местная типография не справится с возросшим объемом работы.

Решающее заседание бюро Марийского обкома ВКП(б) по этому вопросу состоялось 31 октября 1931 года. В ходе обсуждения бюро пришло к выводу о преждевременности ликвидации марийской секции. В протоколе указывалось: «…без полного переоборудования существующей типографии новыми машинами, шрифтами и укрепления квалифицированной рабочей силой Мариздат не может взять на себя функции Марисекции Центриздата». Исходя из этого, бюро приняло решение обратиться в Культпроп ЦК ВКП(б) с просьбой оставить секцию в Москве до введения в строй новой типографии в Йошкар-Оле, запланированного на 1932 год [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 628. Л. 59–60]. В результате было принято компромиссное решение. Марийская секция Центроиздата продолжила работать в Москве вплоть до начала Великой Отечественной войны, но в урезанном виде, а ее издательский план был пересмотрен в сторону сокращения [Исиметов, Сергеев, 1975, с. 30].

В начале 1930-х годов в Маробиздате произошел ряд существенных изменений. 15 августа 1931 года оно было переименовано в Марийское государственное издательство. С 2 ноября 1930 года издательство возглавил видный общественный и политический деятель А.К. Эшкинин. К концу 1931 года под его руководством были приняты ряд мер по улучшению работы: выде-

лено Горномарийское издательство как самостоятельная единица, назначены отдельные заведующие Маробиздатом и типографией, организованы курсы по подготовке рабселькоров и литературных работников [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 11. Л. 2].

Издательство продолжало планомерно наращивать объемы выпуска литературы, однако мощности Мароблиздата не соответствовали все возрастающим потребностям. По данным А.К. Эшкинина, в 1930 году издательством было выполнено лишь 40 % годового плана (150 из 700 печатных листов). Ситуация с выпуском учебников была еще более критичной: план был реализован лишь на 20 % (23 из 118 печатных листов) [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 23. Л. 32–33]. Одной из главных причин по-прежнему оставалась слабая полиграфическая база. Модернизация 1927–1928 годов принесла лишь временный эффект: она позволила решить ряд наиболее острых проблем, в частности обеспечить переход областных газет на трехразовый, а в 1930 году и на ежедневный выпуск, но не смогла полностью преодолеть системное отставание.

Понимая безвыходность ситуации, руководство издательства добивалось кардинального решения проблемы – строительства нового «Дома печати» в Йошкар-Оле. В октябре 1930 года в Комитет по делам печати СССР направлялась докладная записка, с просьбой о финансировании проекта [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 20. Л. 39]. Эти усилия увенчались успехом: 30 апреля 1931 года издано постановление ВЦИК, предлагающее ВСНХ РСФСР обеспечить оборудование в 1931–1932 годах одной национальной типографии в центре Марийской области [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 36. Л. 25].

Со строительством дома связывались масштабные планы. Новая типография должна была обслуживать не только населения области (марийцев на обоих наречиях, русских и татар), но и всех марийцев, проживающих за ее пределами (численность оценивалась в 200 000 человек). Согласно плану, к 1937 году производственные мощности должны были составить: разовый тираж газет – 67 000 экземпляров, журналов – 38 000, выпуск 203 названий книг общим тиражом более 25 млн листов. Проект предусматривал строительство трех корпусов: производственный, издательский и складской, а также установку совершенно новых печатных машин [ГА РМЭ. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 36. Л. 23–30, 138].

Однако амбициозный проект так и не был реализован. Строительство «Дома печати» началось со значительным опозданием лишь в 1934 году и из-за финансовых проблем не было завершено. Новое здание типографии было построено значительно позже – в 1959 году, на пересечении улиц Комсомольской и Коммунистической. Срыв этого проекта стал сильным сдерживающим фактором в развитии марийского книгоиздания в 1930-е годы. Об этом свидетельствует динамика выпуска книг. После рекордного 1931 года (95 книг

и брошюр), марийское издательство до войны выпускало в среднем около 70 единиц литературы ежегодно [Клюкин, 1948, с. 20–67]. В этот период большую поддержку оказывали центральные типографии. Учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз), основанное в 1931 году, стало основным центром выпуска учебников и другой обучающей литературы на марийском языке в 1930-е годы. За десятилетний период с 1931 по 1941 год в Учпедгизе было издано 386 книг [Михайлов, 2025, с. 149].

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что 1930-е годы стали временем застоя. Напротив, именно в этот период Маробиздат и Горномарийское издательство развернули выпуск целого ряда новых журналов, значительно расширив тематический и языковой спектр периодики. Наряду с уже основанными в 1920-е годы журналами «Марий Эл» и «У вий» стали выходить:«Пионер йӱк» («Голос пионера») – первый детский ежемесячный журнал на марийском языке; «Марий илыш» («Марийская жизнь») – научный журнал; «У сэм» – литературно-художественный журнал на горном наречии; «Марий ӱдрамаш» – женский общественно-политический и литературный журнал, выходивший ежемесячно.

В 1930-е годы характер литературы, издаваемой Маробиздатом, претерпел существенные изменения. Приоритет был смещен в пользу массовой политической и сельскохозяйственной литературы, ориентированной на решение текущих экономических и идеологических задач. В этот период издательство выпускало многочисленные материалы по коллективизации и колхозному строительству, такие как «Социалистическое соревнование и ударничество в колхозах», «По-большевистски уберем хлеб», а также агитационная продукция, призывавшая к выполнению пятилетнего плана, например, «Пятилетку – в четыре года (в помощь докладчику)». Впервые была издана литература на марийском языке по лесному хозяйству и лесозаготовкам, в частности брошюра «Как провести лесозаготовку». Наряду с этим значительное внимание уделялось ликвидации неграмотности и развитию школьного образования, для чего печатались буквари и пособия для ликбезов, хотя их дефицит оставался острой проблемой [Исиметов, Сергеев, 1975, с. 26, 30].

К середине 1930-х годов выпуск литературы стабилизировался примерно на уровне 500 печатных листов в год, при этом произошел качественный перелом: вместо переводной литературы стала издаваться больше оригинальная, созданная местными авторами. К подготовке книг привлекались ведущие марийские писатели и переводчики, такие как М. Шкетан, Шабдар Осып, Н. Лекайн и многие другие [Там же, с. 26–27]. В этот период был сформирован постоянный состав авторских и редакционных кадров Марийского и Горномарийского издательств (общей численностью 15–20 сотрудников), а также сложился круг постоянных авторов и переводчиков (до 40 человек). Ряд ра-

ботников получило высшее журналистское образование в Москве. Тем не менее проблема нехватки квалифицированных специалистов сохранялась. Так, в документах 1934 года подготовка национальных литературных кадров отмечалась как одна из наиболее острых проблем [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 662. Л. 210].

Заключение

Создание издательства в 1925 году стало логическим завершением длительного исторического процесса, занявшего около полутора столетий с момента публикации первой марийской грамматики в 1775 году. Важнейшим этапом стало создание Центрального издательства мари в Казани (1918–1923), где сформировался национальный костяк из писателей, переводчиков и журналистов. Однако перенос издательской деятельности на собственную территорию новообразованной автономной области столкнулся с серьезными трудностями: устаревшее оборудование, отсутствие финансирования в условиях НЭПа и голода, нехватка специалистов. Так первая попытка организовать издательство в Краснококшайске (1921–1922) закончилась неудачей.

Решение об учреждении Марийского областного издательства в октябре 1925 года стало переломным моментом. Этот шаг позволил объединить издательское дело в регионе, что, в свою очередь, послужило катализатором для появления первых литературных журналов («Арлан ден Кестен», 1925; «У вий», 1926), способствовал организационному оформлению Союза писателей и постепенному росту объемов книгоиздания.

Важной особенностью рассматриваемого периода стало параллельное существование двух центров марийского книгоиздания – местного Мароблиздата и Центрального издательства народов СССР в Москве. Последний на протяжении 1920-х годов выпускал больший объем книжной продукции на марийском языке, выполняя роль временного помощника до тех пор, пока местная полиграфическая база не окрепнет.

Несмотря на все трудности, нехватку оборудования, финансирования и кадров, к середине 1930-х годов сложились основные элементы марийской издательской системы. Сформировалась устойчивая авторская и редакторская среда, позволившая издавать оригинальные произведения. Расширился спектр периодических изданий за счет появления детской, женской, научной прессы и изданий на горном наречии. Таким образом, становление издательского дела в Марийской области представляло собой сложный, многогранный путь от первых миссионерских букварей до создания полноценной издательской системы, способной выпускать оригинальную литературу на родном языке. Накопленный в этот период опыт и заложенные традиции стали фундаментом, который обеспечил жизнеспособность издательства и позволил ему занять одну из лидирующих позиций в культурной жизни республики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

10 декабря – День марийской письменности [Электронный ресурс] / Миссионерский отдел Йошкар-Олинской епархии. Режим доступа: https://www.mari-eparhia.ru/patriarhia/?ID=13707 (дата обращения: 07.05.2026).

Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 206, 344, 395, 628, 662.

ГА РМЭ. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 114.

ГА РМЭ. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 130.

ГА РМЭ. Ф. 250. Д. 200а, 306.

ГА РМЭ. Ф. 286. Оп. 1. Д. 255.

ГА РМЭ. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 2.

ГА РМЭ. Ф. Р-460. Д. 5, 11, 12, 13, 20, 23, 36.

ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 51, 52.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4033. Оп. 1. Д. 58, 102.

Зенкин А.А., Окишев П.В. Флагман марийской полиграфии: 70 лет Марийской республиканской типографии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 121 с.

Из истории образования Марийской Автономной Области: сб. док. / Ком. Респ. Марий Эл по делам архивов. Гос. архив Респ. Марий Эл; [сост.: В.П. Шомина, Н.А. Лукиных]. Йошкар-Ола: Гос. архив Респ. Марий Эл, 2000. 128 с.

Исиметов М.И., Сергеев М.Т. Страницы роста: очерки о развитии книгоиздательского дела в Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 108 с.

Клюкин П.А. Книги марийского издательства за 20 лет (1926–1946). Козьмодемьянск: Горно-Марийск. филиал Маргосиздата, 1948. 138 с.

Михайлов В.Т. Марийская книга: к 250-летию первой марийской грамматики и 100-летию Марийского книжного издательства. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2025. 274 с.

Петров О.М., Иванов А.А. Периодическая печать Марийской автономной области в 1920-е годы. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. 288 с.

Революционный комитет Марийской автономной области. 1920–1921 гг.: сб. док. Йошкар-Ола: Стринг, 2020. 416 с.

Сергеев М.Т. Возникновение и развитие печати Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. 244 с.

Съезды народа мари: документы и материалы. 1917–2004 гг. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2008. 832 с.

Oleg Petrov

TOWARDS A NATIONAL BOOK CULTURE: THE DEVELOPMENT OF BOOK PUBLISHING IN THE MARI AUTONOMOUS OBLAST

Introduction. This article analyzes the key stages in the development of Mari book publishing, with particular attention paid to the emergence and evolution of the Mari Regional Publishing House (Maroblizdat) in the 1920s and 1930s. The study **aims** to examine the establishment of the publishing infrastructure in the Mari Autonomous Oblast (MAO) during this period, identify the main challenges

(underdeveloped printing infrastructure, a shortage of qualified personnel, and a lack of financial resources), and assess the outcomes of book publishing. **Materials and methods.** The study draws on archival documents from the National Archive of the Republic of Mari El and the State Archive of the Russian Federation, published document collections, and relevant scholarly literature. The research employs chronological and problem-oriented, historical-comparative, and statistical methods. **Research results and discussion.** The establishment of the Mari Regional Publishing House, initially attempted in 1921–1922 but thwarted by economic and technical difficulties, was formally realized in 1925. However, its development was hampered from the outset by an underdeveloped printing infrastructure, the overwhelming demand for newspaper printing, and a shortage of qualified personnel. Modernization efforts in 1927–1928 yielded only temporary results, boosting book output without resolving systemic issues. Furthermore, the suspension of the 'House of Printing' construction following a 1931 resolution by the All-Russian Central Executive Committee further hindered the growth of book publishing. Nevertheless, by the mid-1930s, a stable pool of authors and editors had been formed, the proportion of original literature had increased, and the range of periodicals had expanded. **Conclusion.** The history of the Mari Publishing House exemplifies the complex path toward the institutionalization of national book publishing amid severe resource constraints. By the late 1930s, core practices had been established and valuable experience gained, enabling the publishing house to become a vital institution for the preservation and development of the Mari language and culture.

Keywords: Mari Publishing House; book publishing; Mari literature; Mari Autonomous Oblast; printing infrastructure; Central Publishing House of the Peoples of the USSR; printing facilities.

REFERENCES

10 dekabrja – Den' marijskoj pis'mennosti [December 10 – the Day of Mari Writing], available at: https://www.mari-eparhia.ru/patriarhia/?ID=13707 (accessed 7 May 2026). (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond P-1. Opis' 1. Dokumenty 206, 344, 395, 628, 662 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives P-1. Anagraph 1. Documents 206, 344, 395, 628, 662]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-114. Opis' 1. Dokument 114 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives R-114. Anagraph 1. Document 114]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-117. Opis' 1. Dokument 130 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives R-117. Anagraph 1. Document 130]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond 250. Dokumenty 200a, 306 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives 250. Documents 200a, 306]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond 286. Opis' 1. Dokument 255 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives 286. Anagraph 1. Document 255]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-450. Opis' 1. Dokument 2 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives R-450. Anagraph 1. Document 2]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-460. Dokumenty 5, 11, 12, 13, 20, 23, 36 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives R-460. Documents 5, 11, 12, 13, 20, 23, 36]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-627. Opis' 1. Dokumenty 51, 52 [National Archive of the Republic of Mari El. Archives R-627. Anagraph 1. Documents 51, 52]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond 4033. Opis' 1. Dokumenty 58, 102 [National Archive of the Russian Federation. Archives 4033. Anagraph 1. Documents 58, 102]. (In Russian).

Zenkin A.A., Okishev P.V. Flagman marijskoj poligrafii: 70 let Marijskoj respublikanskoj tipografii [The Flagship of Mari Printing: 70 Years of the Mari Republican Printing House]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 121 p. (In Russian).

Iz istorii obrazovanija Marijskoj Avtonomnoj Oblasti: sbornik dokumentov [From the History of the Formation of the Mari Autonomous Oblast: a collection of documents]. Yoshkar-Ola, Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El, 2000, 128 p. (In Russian).

Isimetov M.I., Sergeev M.T. Stranicy rosta: ocherki o razvitii knigoizdatel'skogo dela v Marijskoj ASSR [Pages of Growth: Essays on the Development of Book Publishing in the Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 108 p. (In Russian).

Kljukin P.A. Knigi marijskogo izdatel'stva za 20 let (1926–1946) [Books of the Mari Publishing House for 20 Years (1926–1946)]. Koz'modem'jansk, Gorno-Marijskij filial Margosizdata, 1948, 138 p. (In Russian).

Mihajlov V.T. Marijskaja kniga: k 250-letiju pervoj marijskoj grammatiki i 100-letiju Marijskogo knizhnogo izdatel'stva [The Mari Book: On the 250th Anniversary of the First Mari Grammar and the 100th Anniversary of the Mari Book Publishing House]. Yoshkar-Ola, Izdatel'skij dom «Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2025, 274 p. (In Russian).

Petrov O.M., Ivanov A.A. Periodicheskaja pechat' Marijskoj avtonomnoj oblasti v 1920-e gody [Periodical Press of the Mari Autonomous Oblast in the 1920s]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2024, 288 p. (In Russian).

Revoljucionnyj komitet Marijskoj avtonomnoj oblasti. 1920–1921 gg. Sbornik dokumentov [The Revolutionary Committee of the Mari Autonomous Oblast. 1920–1921: a collection of documents]. Yoshkar-Ola, String, 2020, 416 p. (In Russian).

Sergeev M.T. Vozniknovenie i razvitie pechati Marijskoj ASSR [The Emergence and Development of the Press in the Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971, 244 p. (In Russian).

S''ezdy naroda mari: dokumenty i materialy. 1917–2004 gg. [Congresses of the Mari People: Documents and Materials. 1917–2004]. Yoshkar-Ola, Centr-Muzej im. Valentina Kolumba, 2008, 832 p. (In Russian).

Петров Олег Михайлович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: petrovom@mail.ru

Oleg Petrov
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: petrovom@mail.ru

УДК 39(=511.151)
DOI 10.51254/2312-0312-2026-3-75-76-91

ВОРОТА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ МАРИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2026 г. Д.А. Байдимиров

Введение. В традиционной культуре народов Волго-Камья пространство дома и усадьбы никогда не воспринималось как однородное. Четкое противопоставление внутреннего «своего» и внешнего «чужого» пространств являлось универсальным принципом, закрепленным в архитектурных формах, ритуалах и мифологических представлениях. Ключевым элементом, маркирующим эту границу, выступали ворота. У народа мари ворота *«капка»* сочетали в себе утилитарные, эстетические и сакральные функции. **Цель статьи** – комплексный анализ функционального и сакрального аспектов ворот в традиционной культуре мари, а также выявление их роли в пространственной организации, мифологии и обрядовой практике. **Материалы и методы.** Источниковая база исследования охватывает три основные группы материалов, различающиеся по хронологии, характеру и происхождению: этнографические описания конца XIX – начала XX века, труды советских и современных марийских учёных, а также полевые этнографические материалы автора. Исследование базируется на комплексном междисциплинарном подходе, объединяющем методы этнографии, исторической антропологии, семиотики и мифологии. **Результаты исследования, обсуждение.** В статье на основе этнографических, фольклорных и лингвистических источников рассматриваются ворота «*капка*» как многофункциональный феномен традиционной культуры мари. Анализируются конструктивные особенности и топография ворот в структуре усадьбы и поселения. Особое внимание уделяется сакральной семантике ворот как границы между «своим» и «чужим» мирами, месту образа *«Капка орол»* (духа-стража ворот) в пантеоне марийской мифологии. Раскрывается роль ворот в обрядах жизненного цикла: родильных, свадебных, рекрутских, похоронно-поминальных обрядах и календарных праздниках. Делается вывод об универсальном характере ворот как сакрального механизма, обеспечивающего безопасный переход человека через пространственно-временные рубежи. **Заключение.** В традиционной культуре мари ворота выступают как защитная граница, ко-

торая обеспечивает безопасное преодоление пространственно-временных рубежей в обрядах жизненного цикла и календарных праздниках. Они служат не только архитектурным элементом, но и средством защиты от злых сил через систему оберегов и обращения к духу-стражу *«Капка орол»*, а также каналом коммуникации с духами предков. Сохранение этой символики в современной сельской культуре подтверждает её укоренённость в народном мировоззрении, а понимание её многослойной роли является необходимым для полноценного осмысления традиционной культуры народа мари.

Ключевые слова: традиционная культура; ворота *«капка»*; «*Капка орол»* – дух-стража ворот; сакральная граница; обряды жизненного цикла; календарные праздники; народное зодчество.

Введение

В традиционном мировоззрении народов Волго-Камья жилое пространство и приусадебный участок никогда не воспринимались как единая цельная среда. Четкое разделение на внутреннее, обжитое, «свое» пространство и внешний, природный, потенциально опасный «чужой» мир служил фундаментальным принципом устройства жизни. Эта универсальная модель находила воплощение в планировке построек, бытовых обрядах и мифологии, а ее материальным фокусом становились ограды, в особенности ворота – ключевой семантический узел, фиксирующий границу между двумя реальностями. Ворота «*капка*» представляет собой не просто хозяйственно-бытовое сооружение, призванное регулировать доступ на территорию усадьбы и защищать скот. Они выполняли разнообразные функции, в котором органично сочетались утилитарные, эстетические и сакральные аспекты. Именно это многообразие значений превращало «*капка*» в один из ключевых символов народного мировоззрения, где архитектурная форма становилась носителем глубинных смысловых кодов культуры.

Цель статьи – комплексно проанализировать функциональный и сакральный аспекты ворот в традиционной культуре мари, выявив их роль в структурировании пространства, мифологии и обрядовой практике. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: систематизация архитектурно-конструктивных особенностей ворот и их топографии в структуре усадьбы и поселения; реконструкция мифологической семантики ворот как сакральной границы, включая анализ образа духа-стража *«Капка орол»* и системы оберегов; выявление обрядовых функций ворот в обрядах жизненного цикла (родильных, свадебных, рекрутских, похоронно-поминальных) и в календарной праздничной обрядности; определение универсальной роли ворот как сакрального механизма, обеспечивающего безопасный переход человека через пространственно-временные рубежи.

Материалы и методы

Несмотря на обширный корпус этнографических работ, посвящённых материальной культуре, мифологии и обрядности мари, ворота как комплексный феномен до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Источниковую базу составляют этнографические описания конца XIX – начала XX века, в частности работы И.Н. Смирнова и Г.Я. Яковлева, труды советских и современных марийских исследователей Т.А. Крюковой, Т.Л. Молотовой, Г.А. Сепеева, Н.С. Попова, Л.С. Тойдыбековой, Ю.А. Калиева, К.И. Ситникова, В. Г. Кудрявцева, а также полевые материалы автора (ПМА 2010–2026). В работе использованы методы этнографии, исторической антропологии, семиотики и мифологии, что позволило представить ворота как универсальный сакральный механизм, обеспечивающий безопасный переход человека через пространственно-временные рубежи.

Результаты исследования, обсуждение

Конструктивные особенности и топография ворот

Традиционные ворота «*капка*» и ограждения в марийской усадьбе, как и у других народов Волго-Камья: русских – *ворота*, татар – *капка*, удмуртов – *ӟезьы*, мордвы – *орта*, чувашей – *хапха*, представляли собой не просто утилитарные постройки, а ключевые элементы архитектурного ансамбля как всей деревни, так и каждой усадьбы. Деревенская изгородь «*ял йыр пече»* и полевые ворота «*пасу капка»* применялись для ограничения полевых и сенокосных угодий от выгонов и пастбищ. Это было характерно для народов лесной полосы, практиковавших вольный выпас скота в загороженных поскотинах [Сепеев, 1975, с. 118–119].

Если же говорить о внутреннем пространстве усадьбы, то передняя часть усадьбы всегда огораживалась. При этом основное место здесь занимали ворота *«капка»*, которые обычно примыкали к избе. Последние были весьма различными по форме и по устройству. В основном это разнообразие сводилось к двум типам: одностворчатые и двустворчатые ворота. В свою очередь эти основные типы можно разбить на различные виды [Крюкова, 1956, с. 122].

В марийских деревнях были распространены различные типы ворот, которые можно классифицировать следующим образом: а) *марла капка* – марийские ворота; б) *шалдыра капка* ‘ворота из жердей’; в) ворота с тремя или четырьмя столбами, аналогичные русским. В качестве строительного материала при сооружениях традиционных ворот *марла капка* использовалось дерево, не применялись никакие железные конструкции, детали и даже гвозди. Два сосновых столба погружались в глубокие ямы. На один из них в качестве створки ворот закреплялось полотно, обычно из дуба или вяза с прочной корневой основой. Во избежание сильного скрипа подвижные части конструкции смазы-

вались дегтем. Тем не менее все равно издавался скрип, поэтому створки ворот преимущественно открывали только для проезда лошадей. Рядом с этими большими створками ворот устраивались калитки. Между домом и амбаром строились сплошные ограждения из досок – *пече*. В некоторых усадьбах сооружали ворота из двух жердей-столбов с поперечными жердевыми конструкциями *шалдыра*, прикрепленными веревкой или корой вяза. Использовались и простые жердевые ворота заворы – *аньык* [Кудрявцев, 2004, с. 34–35]. Бытовали также крытые одностворчатые ворота *«марла капка»* с плотно сколоченной из горизонтально положенных досок створкой. Этот вид ворот долго сохранялся в Оршанском районе среди кугусортинцев – религиозной секты, часто искусственно сохранявшей архаические черты старого быта марийцев [Крюкова, 1956, с. 122].

Более поздним по времени является двустворчатый тип ворот, который развился под прямым воздействием русской народной архитектуры. Простейшая разновидность этой конструкции – ворота с двускатным покрытием на трёх столбах, называемые *«рушла капка»*. У зажиточных русские ворота *«рушла капка»* обычно украшались глухой или накладной резьбой. При наличии русских ворот часть двора, выходящая на улицу, ограничивалась дощатым забором, при традиционных же воротах – изгородью (прясло, тын, плетень) [Сепеев, 1975, с. 118–119].

В некоторых районах бытовал другой вариант этого типа – большие и весьма широкие, сложные по архитектуре, крытые ворота на 5–7 столбах. Между этими столбами только одни ворота и одна калитка были настоящими, открывающимися, остальные створки были фальшивыми, т.е. глухими, не отворяющимися [Крюкова, 1956, с. 123]. Подобные ворота на семи столбах были зафиксированы во время комплексной экспедиции МарНИИЯЛИ в 2026 году в д. Шимшурга Звениговского района (Рис. 1).

На сегодняшний день в некоторых районах всё ещё можно встретить ворота типа *«рушла капка»*. Однако со временем они могут полностью исчезнуть, поскольку при планировке современных усадебных комплексов громоздкие старинные конструкции ворот демонтируют. На их место приходят трёхстолбчатые ворота: широкие, с двумя створками, – для заезда техники во двор, и узкие, с одной створкой, – для повседневного использования. Кроме того, всё чаще можно увидеть и современные автоматические выдвижные ворота с отдельной калиткой (Рис. 2) (ПМА 2026).

Традиционные ворота и ограждения в марийской усадьбе представляли собой не просто хозяйственно-бытовые сооружения, а многофункциональные элементы, сочетавшие утилитарное назначение (разграничение территории, защита скота, контроль доступа) с высокой культурно-символической нагрузкой. Они являлись неотъемлемой частью архитектурного облика деревни и от-

Рис. 1. Звениговский район, д. Шимшурга.
Рушла капка на шести столбах. *Фото Байдимирова Д.А. 2026 г.*

Рис. 2. Звениговский район, д. Сидельниково.
Современные откатные ворота. *Фото Байдимирова Д.А. 2026 г.*

ражали социальное положение, этнические традиции и степень межкультурного взаимодействия их владельцев.

Современная ситуация характеризуется активной утратой данного пласта народного зодчества: традиционные деревянные ворота вытесняются функциональными современными металлическими или комбинированными конструкциями, а также автоматическими системами ворот, отвечающими потребностям для повседневного удобства в использовании. Это закономерный процесс модернизации деревенского быта, однако он неизбежно влечёт за собой исчезновение не только самих материальных объектов, но и сопутствующих им строительных навыков, декоративных приёмов и локальной эстетики.

В архаическом сознании ворота воспринимались не просто как архитектурный элемент, а как сакральная граница, маркирующая переход между двумя принципиально различными мирами: освоенным, обжитым, «своим» пространством усадьбы *«сурт пече»* и внешним, «чужим», потенциально враждебным миром природы и социума. Таким образом, обращение к сакральному аспекту ворот позволяет увидеть в этом рядовом элементе быта ключ к пониманию сакральных представлений, семейных ценностей и религиозных практик народа мари, что и будет рассмотрено далее.

Сакральный аспект ворот

По верованиям мари, у каждых ворот есть особые духи – охранники ворот, *Капка орол* – дух, охраняющий деревенские ворота (в мифологическом плане такие ворота рассматриваются как граница между двумя мирами: внешним, чужим, и внутренним, своим). *Капка орол* – служебный дух при *Кугырак, Чумбылат* или *Немде курык кугу еҥ*. Ему молятся перед дальней дорогой [Ситников, 2006, с. 51]. Свита *Кугурака* или *Курык кугыза* состоит из девяти слуг. Под священное дерево при молении ему ставят еще девять хлебов – подношения этим духам. В различных местностях имелись достаточно существенные отличия. Тем не менее в числе его подручных числились следующие девять духов: *«капка орол»* – стражник, *«витньызе»* – докладчик, *«азырен»* – палач, *«ужедыш»* – разведчик, *«аш»* – повар, *«тияк»* – писец, *«тылмач»* – переводчик, *«кӱвар кугыза»* – таможенник, *«поч кучен коштшо»* – знаменосец [Калиев, 2003, с. 156]. И здесь важно заметить, что *«Капка орол»* занимал в этой свите строго определенное место, следовательно, охрана ворот осмыслялась народом мари не как случайная функция, а как часть упорядоченного божественного «административного» аппарата.

Более того, духи-стражи стояли не только у деревенских ворот. Такие духи-охранники стоят возле ворот во двор, священную рощу, на кладбище. В старину ворота были в начале и конце деревни, при въезде в поле. И у каждых ворот были свои стражи. Через них не могла пройти никакая нечистая

сила. Например, *таргылтыши* – лешие. Если кто-то без разрешения или со злым умыслом вошёл в священную рощу или кладбище, охранники ворот при выходе последуют за этим человеком и накажут [Камиланов…]. Это поверье находило прямое материальное воплощение в конструкции ворот. На столбах, на перекладине глухого забора часто прикрепляли какой-либо острый предмет, старую косу, серп. Так у восточных мари его называют *«Капка Керемет»* (Керемет ворот), о котором упоминал еще исследователь И.Н. Смирнов [1889, с. 240]. Тем самым железные предметы на воротах, заборе превращался в оберег, усиливающий действие духа-стража. И духу-покровителю полагалась строго определенная жертва в священной роще или во время домашних молений (черный петух, черная утка, черный баран, черный бык), тем самым острый предмет на столбе служил постоянным, повседневным напоминанием о том, что граница охраняется.

Помимо острых предметов, закреплявшихся на столбах ворот, у народа мари существовали и другие формы материального взаимодействия с духом-хранителем *Капка орол*. Перед первым выгоном скота в поле между столбами калитки клали специально металлические предметы – так, чтобы животные перешагнули через него. Также домашних животных поглаживали по спине рябиновым или берёзовым веником, принесённым рано утром из леса. Эти веники затем хранили в сарае как оберег (ПМА 2026). Во время обряда хозяева обращались к хранителю ворот с конкретной просьбой: защитить скот от диких зверей, от сглаза и от болезней. Одновременно с этим действием произносились молитвенные слова: *Кугу Юмо, Кугу Пӱрышӧ, Вольык Шочын Ава! Таче вольыкым кӱтӱш луктын колтена, сайын арален коштыктыза. Нурыш луктын колтымеке, лопкалыкым Юмо пу. Кочмо шудыжым аш ыште, йӱмӧ вӱдшым аш ыште, возын малмыштыже ласкалыкым пу, кынел шогалмыжлан тӱвылыкым пу, келге вӱд вончо дечат серлагышым пу, келге лавра дечат кугу серлагышым пу, кукшо кошарге керылтме дечат серлагышым пу, кӱчан-пӱян деч, уто-сите осал деч кугу серлагышым пу. Юмо серлаге, еҥ ала пужаш шона, ала локташ шона, тыгай деч, Юмо, саклен, арален шого!* [Попов, 1991, с. 232] ‘Великий Бог, Бог Предопределитель, Мать Рождения скота! Сегодня мы выпускаем скот в стадо, сохраните его в безопасности. Когда выпустим в поле на выпас, дай Бог полноты. Сделай траву сытной, воду для питья – полезной, дай ему покой на месте спячки, благослови его на подъём и стояние, дай ему защиты в глубокой водной переправе, от глубокой грязи дай защиты, дай защиты от острых порезов, защити от зверей диких, защити от зла. Бог милостивый дай защиты от вредителей, от колдовства!’ Обращение к *Капка орол* с просьбами о защите скота от болезней, хищников, стихий и колдовства раскрывает глубокую связь между повседневным бытом и религиозным мировоззрением народа мари, где даже самый простой элемент усадьбы наделялся

статусом священного места, требующего почтительного отношения и ритуального взаимодействия.

Однако ритуальная практика не ограничивалась только моментом выгона скота. Существовали и особые словесные формулы, призванные закреплять магическую защиту на весь пастбищный срок. Одной из таких формул является заклинание, которое бытовало и бытует в народной среде: *Ик капка гыч лектын, кум капкаш пурыза* ‘Выйдя из одних ворот, заходите в трое ворот’. Смысл данного заклинания заключался не только в обеспечении охраны, но и в содействии плодовитости и благополучному росту домашнего скота.

Ворота в обрядах жизненного цикла

Если обряды, связанные с первым выгоном скота, были направлены на хозяйственное благополучие, то еще более насыщенную символику ворота приобретали в обрядах жизненного цикла: в родильном обряде, свадьбе, проводах в армию и похоронах.

В случае частых заболеваний или смерти детей в семье мари проводили обряд символической «продажи» ребенка. В день «продажи» пекли в доме блины. Заранее договаривались с человеком, у которого было много детей, и приглашали его к себе в гости. «Покупателем» мог быть и случайный человек, первым пришедший в этот день в дом. Ему говорили, что продают ребенка за символическую плату. «Проданного» ребенка выносили за ворота, возвращали родителям через окно. Во время «продажи» обычно меняли имя ребенка. У восточных мари «продажу» проводили через окно, а новое имя ребенка кричали в печную трубу. В доме ребенка по этому поводу устраивалось угощение, обязательным блюдом были блины [Молотова, 1993, с. 91]. Во время полевой экспедиции в Мишкинском районе Республики Башкортостан в 2010 году часто встречались люди с двумя именами. Например, одну женщину звали *Меҥсапа*, но по паспорту она носила имя Екатерина. Со слов информанта, у неё при рождении на лице была большая родинка *(меҥ)*. Был проведён обряд «продажи» с наречением имени *Меҥсапа*, после чего болезнь ушла. Имена, которые нам встречались: *Меҥсапа, Меҥалче, Меҥай*, – происходят от слова *меҥ* – «родинка» (ПМА 2010). Важно подчеркнуть, что подобные имена непосредственно связаны с человеческим недугом, который требовалось излечить.

Если в родильной обрядности ворота помогали «обмануть» болезнь и изменить судьбу младенца, то в свадебных ритуалах та же граница служила защите новобрачных при переходе из рода отца в род мужа.

В момент выезда за ворота невеста в целях магической защиты от порчи три раза бросала через левое плечо щепотку соли или специально приготовленные для этого случая размельченные куски банного кирпича. При въезде свадебного кортежа во двор жениха у луговых мари поступали следующим образом: на землю укладывали железный предмет, поверх которого стелили

старую овчину. Это делалось для защиты новобрачных от злых духов. Уже во дворе *«ончылно шогышо ӱдыр»* (подруга невесты) подходила к экипажу жениха с невестой, стелила войлок, насыпала на него рожь или овес и клала серебряные монеты [Марийцы, 2013, с. 240]. Спускаясь с экипажа, невеста с женихом наступали на этот настил. Затем подружка невесты или дружка шли впереди, подметая дорожку перед молодыми. Эти обряды бытуют до сих пор.

В обрядах, связанных с проводами в армию или на войну, ворота приобретали важное сакральное значение. При посещении родственников перед отправкой на военную службу, согласно традиции, рекрута выводили из гостей таким образом, чтобы он стоял лицом к окну, а спиной к двери и выходу. Это символическое действие имело целью обеспечить его безопасное возвращение и благополучное возвращение в дом (ПМА 2026). Однако, поскольку с войны мужчины возвращались редко, провожали их навсегда, как покойника.

Тот же принцип «выхода спиной» к дверям и воротам повторялся и при прощании с родимым домом, дополняясь целым рядом магических действий с серебряными монетами – универсальным оберегом. На столб ворот уходящий в армию прибивал серебряную монету, которая считалась оберегом. В конце деревни он также брал серебряную монету и своей рукой трижды по часовой стрелке обводил вокруг головы, а затем эту монету выбрасывал. Во время молений родители новобранца проводили жертвоприношения с просьбами о благополучной службе и возвращении живыми и здоровыми домой. Перед выходом из родного дома призывник дотрагивался до матицы и втыкал в нее серебряную монету [Молотова, 2015, с. 331]. Сходство с похоронной обрядностью проявлялось и в проводах рекрутов на войну: поскольку многие не возвращались, прощание с ними строилось по модели «ухода навсегда», и ворота снова оказывались в центре защитных ритуалов.

В похоронном обряде ворота также выступают важным элементом ритуального действия. Согласно рассказам информантов, распространённая примета, предвещающая скорую смерть, гласит: *Капка ончылно пий мландыш вуйжым лап ыштен урмыжеш гын, колышо лектеш, вес тӱня калык колышым налаш толын* ‘Если собака воет перед воротами, опустив голову к земле, значит, скоро будет покойник, люди из загробного мира пришли забрать умирающего’. Кроме того, в тех случаях, когда человек долго и мучительно умирает, некоторые советуют снять защиту с ворот и дверей, убрать металлические предметы и ветки рябины, чтобы дух смерти мог беспрепятственно войти к страдальцу (ПМА, 2010).

Кроме того, при выносе гроба на пороге дома или у ворот резали курицу (или петуха). Смысл этого действия был двойным: с одной стороны, искупить кровь умершего, с другой – обезопасить семью от повторного несчастья [Марийцы, 2013, с. 248]. Как отметил исследователь И.Н. Смирнов, умерший со-

храняет все потребности живого человека и продолжает загробное существование, полностью тождественное земному. Однако отправившемуся в иную жизнь грозит опасность «умереть, уничтожиться» – то есть исчезнуть окончательно. Для предотвращения этой опасности как раз и колют курицу перед выносом покойника из дома. Более того, в традиционных представлениях человек может умереть до семи раз, каждый раз переходя из одного мира в другой, и в конце концов превращается в рыбу [Смирнов, 1889, с. 134].

Упоминания о закалывании курицы и петуха встречаются и у Г.Я. Яковлева. Совершающий данный ритуал произносит следующие слова: *Ты вӱр дене шке вӱретым азрен деч сулен лук* ‘Этой кровью выкупи свою кровь у смерти’ [Яковлев, 1887, с. 67]. После обезглавленную курицу выбрасывали на улицу или следили в какую сторону она побежит. Если курица выбегала на улицу, то предполагалось, что в этом доме в ближайшее время покойника не будет [Попов, 1981, с. 166]. В 2010 году во время экспедиции в Мишкинском районе Республики Башкортостан, в деревне Сосновка, автор был участником похоронного обряда и наблюдал подобный обряд закалывания курицы у ворот. По рассказам информантов, во время подобного обряда одна из участниц заколола курицу и отпустила её у раскрытых ворот в направлении улицы. Однако курица внезапно изменила траекторию и побежала обратно во двор. Женщина, недолго думая, подбежала навстречу к курице и пнула её в сторону улицы, не дав ей вернуться во двор. Курица оказалась посередине улицы – и тут воцарилась тишина, а затем раздался хохот участников похорон. Люди стали перешёптываться: *Кувавай кертеш, арален кодыш* ‘Мол, бабушка-то смогла, защитила нас от беды’. Обычно после возвращения с кладбища участников похорон встречают у ворот с водой, мылом и полотенцем. Каждый должен помыть руки и трижды ополоснуть лицо. Копальщиков могилы отправляли мыться в баню (ПМА 2010).

Однако забота об умершем не ограничивалась моментом похорон – она продолжалась и в последующие дни, вплоть до окончательного ухода души. Народ мари верил, что душа человека до сорокового дня пребывает на Земле. Наиболее важными для умершего считались поминки сорокового дня *«ныльле пайрем»*. Его старались проводить на 39-й день после смерти человека. В этот день его душа якобы навсегда покидала родные места. Поминки продолжались всю ночь. Перед восходом Солнца на прощание заместитель умершего давал наказы родным и близким, призывал всех жить в мире и согласии. После этих напутствий следовал ключевой момент обряда, вновь связанный с символикой ворот – теперь уже кладбищенских. Затем его везли в сторону кладбища. Отойдя от участников обряда спиной на 40 шагов от кладбищенских ворот, заместитель умершего снимал одежду покойного с себя, встряхивал ее и, пожелав усопшему счастливой жизни на том свете, возвращался к ожидавшим его людям [Марийцы, 2013,

с. 251]. Этот обряд прощания с покойником в некоторых местах проводят до сих пор, но только у усадебных ворот. После возвращения заместителя умершего обратно во двор родственники получали от него последнюю волю покойного – наставления: «Живите дружно, будьте здоровы, помогайте друг другу, чтобы работа кипела, достаток был во всем в семье, старых людей не забывайте и поминайте, а я в свою очередь буду помогать вам» (ПМА 2026).

Таким образом, в обрядах жизненного цикла мари: родильных, свадебных, рекрутских, похоронно-поминальных – ворота и порог неизменно выступают как сакральная граница между мирами – своим и чужим, живых и мертвых, старым и новым статусом человека.

Независимо от конкретного события – будь то символическая «продажа» ребенка, выезд невесты из отцовского дома, проводы рекрута на службу в армию или вынос покойника – логика обряда оказывается единой, пересечение границы через ворота требует особой магической защиты.

Роль ворот в календарных праздниках

Зимний календарный праздник *«Шорыкйол»* открывал календарный год и был направлен на обеспечение благополучия на весь предстоящий год. Через обряды, песни и гадания люди стремились заручиться поддержкой сил природы и предков, чтобы новый годовой цикл был плодородным, сытым и счастливым. Ворота служили местом для гаданий. Раскрыв ворота, одной из гадающих надевали на голову ведро, покружив ее, направляли к воротам. Если та без труда проходила через ворота, то должна была выйти замуж в этом же году, а в противном случае – нет. Кидали через ворота валенки: в какую сторону упадет – туда и замуж выйдешь [Тойдыбекова, 2007, с. 270].

Помимо гаданий, с воротами были связаны и другие праздничные обычаи. На *Шорыкйол* принято встречать ряженых. Если хозяева не впускали гостей, молодёжь иногда придумывала для них разные козни. Например, могли засыпать снегом входные ворота, а иногда снимали малые ворота с петель и уносили на другой конец деревни или выбрасывали в овраг. Утром хозяева искали свои ворота по всей деревне, а если не находили, то обнаруживали их весной в овраге, когда снег таял (ПМА 2010).

Тем не менее ворота выступали не только как объект для шалостей, но и как место проведения очистительных обрядов. Так, во время экспедиции в 2021 году в Мари-Турекском районе, в деревне Мари-Купта, был зафиксирован подобный обряд. Участники шествий, облаченные в традиционные костюмы для обряда *Шорыкйол*, после завершения обхода всей деревни и возвращения в дом ряженых (*Шорыкйол пӧрт*) у входа провели ритуал очищения. В рамках данного обряда ряженые символически покрывали друг друга снегом, что символизировало очищение от сглаза и злых духов. Только после завершения этого обряда участники были допущены ко входу в помещение (ПМА 2021).

Забота об умершем, память о предках и поддержание связи с ними продолжались в поминальных праздниках. Каждый день Пасхальной недели *«Кугече арня»* имел свое название. Праздник начинался во вторник страстной недели, называемый «*пел кон кече»* (половина щелокова дня). В этот день луговые марийцы выполняли предохранительные действия от злых сил, якобы вторгающихся в жизнь людей. Запирали на засовы ворота, хлев, убирали одежду и обувь со двора, на воротах, над дверями, вешали ветки рябины и шиповника. Считалось, что в эту ночь колдуны пытались тайно проникнуть во двор и унести забытые вещи для нанесения порчи и выполнения колдовских действий [Марийцы, 2013, с. 269]. Защитный обряд в пасхальную неделю, Семик и Троицу бытует и сегодня: войдя в любой двор в сельской местности, можем наблюдать ветки на воротах, над дверью, под окнами, что у горных и у луговых мари (ПМА 2026).

Во время поминальных праздников «*Сорта кече»* (День свечи) в четверг Пасхальной недели, летний праздник *Семик* и после завершения осенних полевых работ встречают души умерших предков. Как указывает Н.С. Попов, в это время проводилось коллективное угощение предков родственниками. Поминки начинались с обеда. С утра в семьях мылись в бане, готовили ритуальную пищу. По завершении церемонии поминовения фрагменты пищи и остатки свечей выносились во внутренний двор, расположенный у ворот. Здесь присутствующие проводили обряд прощания с усопшими. Заходя в избу, каждый из участников обряда рассказывал родственникам о том, что он услышал от умерших родственников, какие советы и пожелания они ему передали. [Попов, 1993, с. 66]. В обрядах поминовения у марийцев ворота выполняют функцию сакральной границы, разделяющей миры живых и умерших. Традиционно на праздники *Сорта кече*, *Семык*, которые отмечаются среди луговых и восточных мари, осуществляется вынос части ритуальной пищи и прощание с усопшими у ворот.

Следовательно, в календарной обрядности мари ворота выступают как многофункциональный сакральный объект, наделённый глубоким символическим значением. В зависимости от времени года и характера праздника они выполняют различные ритуальные роли. Общим для всех этих обрядов является восприятие ворот как сакральной зоны перехода, где происходит взаимодействие человека с внешним неопознанным миром. Эти традиции сохраняются и в современной сельской культуре у луговых, восточных и горных мари, что подтверждает её устойчивость и глубокую укоренённость в народном мировоззрении.

Заключение

Таким образом, ворота «*капка*» предстают как ключевой сакральный код марийской традиционной культуры, объединяющий архитектурные, мифоло-

гические, обрядовые и социальные аспекты народного мировоззрения. Они выполняют целый ряд жизненно важных функций, организующих как повседневное, так и ритуальное пространство.

Во-первых, ворота обеспечивают структурирование пространства через маркировку всех значимых границ между домом и улицей, освоенным и не освоенным пространством, человеческим и потусторонним. Во-вторых, в календарных праздниках и обрядах перехода они выступают в роли активного обрядового инструмента, через систему оберегов, жертвоприношений и очистительных обрядов, где ворота обеспечивают безопасность участников ритуалов, защищая их от злых сил и нечисти. В-третьих, ворота служат каналом коммуникации с сакральным миром через диалог с духами-стражами *«Капка орол»*, *«Капка керемет»*, а также с душами предков.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что ворота функционируют как зона перехода не только в физическом, но и в символическом смысле. Через них человек вступает в иной статус: будь то рождение, вступление в брак, смерть или встреча с потусторонними силами. Таким образом, ворота оказываются тем пороговым пространством, где смыкаются время, социум и вера, а человек получает возможность безопасно существовать в структурированном космосе.

Без учёта этой многослойной роли ворот понимание марийской традиционной культуры было бы неполным. Ворота – это не просто элемент хозяйственной постройки, а смысловой центр обрядовой жизни, через который раскрывается глубинная логика народного мироощущения. Сохранение этой символики в современной сельской культуре, что подтверждается полевыми материалами последних лет, свидетельствует о устойчивости традиционного мировоззрения и его способности адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя при этом свою сакральную основу.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – полевые материалы автора 2010–2026 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного мировосприятия: Моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2003. 216 с.

Камиланов В.А. Марийский календарь на каждый день. 29 октября – День духов ворот (*Капка орол кече*). [Электронный ресурс]. URL: https://promishkino.ru/articles/obshchestvo/2023-10-29/mariyskiy-kalendar-na-kazhdyy-den-29-oktyabrya-den-duhov-vorot-kapka-orol-keche-3497166 (дата обращения: 25.05.2026).

Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. 160 с.

Кудрявцев В.Г. Деревянное зодчество марийцев: Моногр. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 120 с.

Марий кумалтыш мут = Марийские молитвы-заклинания / сост. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 256 с.

Марийцы. Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.

Молотова Т.Л. Родильный обряд марийцев // Археология и этнография Марийского края. Вып. 22: Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. Йошкар-Ола, 1993. С. 85–93.

Молотова Т.Л., Лехтинен И. Традиционные и современные рекрутские обряды у шоруньжинских марийцев // Музейный вестник: ежегодный сб. Вып. 9 / ГБУК «Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева»; науч. ред. Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола, 2015. С. 329–333.

Попов Н.С. Марийский народный праздник «Кугече» // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. АЭМК. Вып. 22. Йошкар-Ола, 1993. С. 52–76.

Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX веков // Археология и этнография Марийского края. Вып. 5: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1981. С. 133–173.

Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 252 с.

Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Том 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.

Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. 265 с.

Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: этнографический справ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2007. 312 с.

Яковлев Г.Я. Религиозные обряды черемис / [свящ. сельца Уньжи Гавриил Яковлев]. Казань: Православное миссионерское о-во, 1887. 87 с.

Dmitry Baydiamirov

GATES IN TRADITIONAL MARI CULTURE: FUNCTIONAL AND SACRED ASPECTS

Introduction. In the traditional culture of the peoples of the Volga-Kama region, the space of the house and the household plot was never perceived as homogeneous. A clear distinction between the inner ‘own’ and outer ‘alien’ spaces was a universal principle encoded in architectural forms, rituals, and mythological concepts. Gates served as a key element marking this boundary. Among the Mari people, the *kapka* (gate) combined utilitarian, aesthetic, and sacred functions. This article **aims** to provide a comprehensive analysis of the functional and sacred aspects of gates in traditional Mari culture, as well as to explore their role in spatial organization,

mythology, and ritual practices. **Materials and methods.** The source base of the study encompasses three main groups of materials, differing in chronology, character, and origin: ethnographic descriptions from the late 19th–early 20th centuries, works by Soviet and contemporary Mari scholars, and the author's own field ethnographic materials. The study is based on a comprehensive interdisciplinary approach that combines methods from ethnography, historical anthropology, semiotics, and mythological studies. **Research results and discussion.** Drawing on ethnographic, folklore, and linguistic sources, this article examines the *kapka* as a multifunctional phenomenon of traditional Mari culture. It analyzes the structural features and spatial arrangement of the gate within the layout of the farmstead and the settlement. Particular attention is paid to the sacred semantics of the gate as a boundary between the 'own' and 'alien' worlds, and to the place of the figure of *Kapka Orol* (the guardian spirit of the gate) in the Mari pantheon. The role of gates in life-cycle rituals – including childbirth, weddings, military conscription, funeral, and memorial rites, as well as calendar festivals – is explored. The study concludes that gates have a universal character as a sacred mechanism ensuring a safe passage for humans across spatial and temporal boundaries. **Conclusion.** In traditional Mari culture, gates function as a protective boundary that ensures safe passage across spatial and temporal boundaries during life-cycle rituals and calendar festivals. They serve not only as an architectural feature but also as a means of protection against evil forces through a system of amulets and appeals to the guardian spirit *Kapka Orol*, as well as a channel of communication with ancestral spirits. The preservation of this symbolism in contemporary rural culture confirms its deep roots in the traditional worldview, and an understanding of its multifaceted role is essential for a comprehensive understanding of the traditional culture of the Mari people.

Keywords: traditional culture; *kapka* (gates); *Kapka Orol* (guardian spirit of the gate); sacred boundary; life-cycle rituals; calendar festivals; folk architecture.

REFERENCES

Kaliev Ju.A. Mifologicheskoe soznanie mari: Fenomenologija tradicionnogo mirovosprijatija [Mythological Consciousness of the Mari: Phenomenology of Traditional Worldview]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2003, 216 p. (In Russian).

Kamilanov V.A. Marijskij kalendar' na kazhdyj den'. 29 oktjabrja – Den' duhov vorot (Kapka orol keche) [Mari Calendar for Every Day. October 29 – Day of the Spirits of the Gates (Kapka Orol Keche)], available at: https://promishkino.ru/articles/obshchestvo/2023-10-29/mariyskiy-kalendar-na-kazhdyy-den-29-oktyabrya-den-duhov-vorot-kapka-orol-keche-3497166 (accessed 25 May 2026). (In Russian).

Krjukova T.A. Material'naja kul'tura marijcev XIX veka [Material Culture of the Mari People in the 19th Century]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956, 160 p. (In Russian).

Kudrjavcev V.G. Derevjannoe zodchestvo marijcev [Wooden Architecture of the Mari People]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2004, 120 p. (In Russian).

Marijskie molitvy-zaklinanija [Mari verbal charms and prayers]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 256 p. (In Mari and Russian).

Marijcy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Mari People. Historical and Ethnographic Essays]. 2nd ed. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2013, 482 p. (In Russian).

Molotova T.L. Rodil'nyj obrjad marijcev [The birth rite of the Mari people]. *Arheologija i etnografija Marijskogo kraja. Iss. 22. Polevye materialy marijskoj etnograficheskoj ekspedicii 80-h godov.* Yoshkar-Ola, 1993, pp. 85-93. (In Russian).

Molotova T.L., Lehtinen I. Tradicionnye i sovremennye rekrutskie obrjady u shorun'zhinskih marijcev [Traditional and modern recruit rites among the Shorunzha Mari people]. *Muzejnyj vestnik: ezhegodnyj sbornik.* Yoshkar-Ola, 2015, iss. 9, pp. 329-333 p. (In Russian).

Popov N.S. Marijskij narodnyj prazdnik «Kugeche» [The Mari folk festival «Kugeche»]. *Arheologija i etnografija Marijskogo kraja. Iss. 22. Polevye materialy marijskoj etnograficheskoj ekspedicii 80-h godov.* Yoshkar-Ola, 1993, pp. 52-76. (In Russian).

Popov N.S. Pogrebal'nyj obrjad marijcev v XIX – nachale XX vekov [The funeral rite of the Mari people in the 19th – early 20th centuries]. *Arheologija i etnografija Marijskogo kraja. Iss. 5. Material'naja i duhovnaja kul'tura marijcev.* Yoshkar-Ola, 1981, pp. 133-173. (In Russian).

Sepeev G.A. Vostochnye marijcy: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noj kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The Eastern Mari People. Historical and Ethnographic Study of Material Culture (mid-19th – early 20th centuries)]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 252 p. (In Russian).

Sitnikov K.I. Slovar' marijskoj mifologii. Tom 1. Bogi, duhi, geroi [Dictionary of Mari Mythology. Vol. 1. Gods, Spirits, Heroes]. Yoshkar-Ola, 2006, 160 p. (In Russian).

Smirnov I.N. Cheremisy. Istoriko-etnograficheskij ocherk [The Cheremis. Historical and Ethnographic Essay]. Kazan', Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1889, 265 p. (In Russian).

Tojdybekova L.S. Marijskaja mifologija: etnograficheskij spravochnik [Mari Mythology: Ethnographic Reference Book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007, 312 p. (In Russian).

Jakovlev G.Ja. Religioznye obrjady cheremis [Religious Rites of the Cheremis]. Kazan', Pravoslavnoe missionerskoe obshhestvo, 1887, 87 p. (In Russian).

Байдимиров Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: babay102@mail.ru

Dmitry Baidimirov
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: babay102@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 902/904:39(=511.151)(092)

ДИАНА ЮРЬЕВНА ЕФРЕМОВА: ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ (к 55-летнему юбилею)

© 2026 г. Г.Н. Кадыкова

2 мая 2026 года исполнилось 55 лет одному из ведущих специалистов в области археологии и этнографии Волго-Камского региона – кандидату исторических наук Диане Юрьевне Ефремовой. Уже более четверти века её профессиональная деятельность связана с изучением, сохранением и популяризацией историко-культурного наследия Республики Марий Эл. Пройдя путь от младшего научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) до заместителя директора по научной работе Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, она внесла существенный вклад в изучение духовной культуры марийского народа эпохи средневековья.

Научный путь Д.Ю. Ефремовой начался в Марийском государственном университете, который она окончила в 1994 году по специальности «История». Уже в студенческие годы она проявила себя как способный исследователь, участвуя в археологических экспедициях под руководством О.В. Данилова. Опыт, полученный при разведочных работах в Костромской области и раскопках селища Малые Вёжи в составе отряда Средневековой археологи-

ческой экспедиции МарГУ, заложил основу её методологической подготовки и устойчивого интереса к полевой археологии.

Годы обучения в очной аспирантуре Марийского государственного университета (1997–1999) стали временем формирования основных научных интересов Д.Ю. Ефремовой. Определяющую роль сыграла научная школа О.В. Данилова, в русле которой сложился её исследовательский профиль – внимание к культовым древностям и к синтезу археологических и этнографических данных при реконструкции язычества народов Поволжья.

Профессиональное становление исследовательницы тесно связано с МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. В 1997 году она вошла в состав временного научного коллектива по созданию «Полнотекстовой базы данных и информационно-поисковой системы по археологии финно-угров», проявив ранний интерес к цифровизации и систематизации гуманитарного знания. В 1999 году Д.Ю. Ефремова перешла в отдел археологии МарНИИЯЛИ на должность младшего научного сотрудника, последовательно пройдя ступени научного (2003) и старшего научного сотрудника (2008).

С 2014 года Д.Ю. Ефремова работает в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева: с 2015 года – заведующая отделом археологии, с 2017 года – заместитель директора по научной работе. На этой должности раскрылись её качества не только учёного, но и организатора научной деятельности музея.

Центральное место в научном наследии Д.Ю. Ефремовой занимает кандидатская диссертация «Культовые памятники марийцев VI–XIX вв. (по археологическим материалам)», защищённая в 2005 году в диссертационном совете при Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Это исследование стало первой масштабной попыткой систематизировать разрозненные данные о сакральных объектах марийцев. Опираясь на устойчивые признаки культовых комплексов, автор предложила их типологию, в основу которой положена не отдельная черта, а совокупность взаимосвязанных критериев. В рамках этой типологии объекты различаются, в частности, по структурному принципу (соподчинённые и целостные по отношению к поселению) и по функциональному назначению (семейные, родовые, общинные).

Благодаря её полевым исследованиям были детально изучены такие памятники, как Сауткинский, Пикузинский и Юнго-Пернянгашский жертвенники, святилище на склоне Важнангерского городища, Сиухинский археологический комплекс. На основе остеологических анализов (совместно с Г.Ш. Асылгараевой) и изучения структурных элементов (жертвенные ямы, очаги) была выполнена реконструкция отдельных аспектов жертвенной практики средневековых марийцев. Эта работа позволила не только охарактеризо-

вать материальную базу культа, но и определить место марийских святилищ в контексте религиозных практик народов лесной зоны Поволжья, выявив как универсальные, так и этнически специфические черты.

Отличительная черта научного стиля Д.Ю. Ефремовой – отказ от узкой специализации и последовательная интеграция методов археологии, этнографии и фольклористики. Особенно ярко этот подход проявился в её работах, посвящённых сакральной географии и мифологическому сознанию. При её участии была разработана концепция сакральных пространств марийской культуры (2024, в соавторстве с Г.Ю. Устьянцевым, Т.Л. Серебренниковой), в рамках которой предложена типология мифологизированного ландшафта, включающая: священные рощи (кӱсото); неорганизованные сакральные локусы; символические места захоронений героев; «нехорошие места» (локусы негативной сакральности).

Анализ образа керемета в современном фольклоре (2020, в соавторстве с Г.Ю. Устьянцевым) показал умение исследовательницы прослеживать трансформацию архаичных верований в условиях современности. Сопоставляя археологические данные о жертвоприношениях с устными нарративами, собранными в ходе экспедиций в Моркинском, Оршанском и других районах, Д.Ю. Ефремова и Г.Ю. Устьянцев реконструируют целостную картину мировоззрения марийцев.

Эмпирическая база научных изысканий Д.Ю. Ефремовой опирается на более чем двадцатилетний опыт полевой работы. В разные годы Д.Ю. Ефремова проводила раскопки марийских жертвенников и поселения (Красное Селище II, Сиухинское II городище), охранные и разведочные работы (в частности, в Горномарийском районе), а в настоящее время руководит исследованиями средневекового памятника Барковское селище.

Ефремова Д.Ю. – автор и соавтор представительного корпуса научных публикаций о средневековых древностях, погребальном обряде и сакральном пространстве марийского народа. Значимым итогом её многолетней работы стала коллективная монография «Предмет, образ, символ: к истокам марийской культуры» (2024, в соавторстве с В.В. Никитиным и Т.Б. Никитиной), обобщившая современные подходы к изучению материальной и духовной культуры региона.

К своему юбилею Диана Юрьевна Ефремова подошла как сложившийся учёный со значительным списком трудов. Её работы отличают глубина анализа, широта источниковой базы и новизна выводов. Сочетая опыт полевого археолога, исследователя фольклорных текстов и руководителя музейного учреждения, она вносит весомый вклад в сохранение культурной идентичности марийского народа и в развитие отечественной исторической науки.

За многолетний труд Д.Ю. Ефремова удостоена Почётной грамоты Правительства Республики Марий Эл, благодарностей Главы Республики Марий Эл, Министерства культуры Республики Марий Эл и Администрации Главы Республики Марий Эл.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Культовые памятники марийцев VI–XIX вв. (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. 23 с.

Предмет, образ, символ: к истокам марийской культуры: [монография]. Йошкар-Ола: Принтекс, 2024. 205 с. (соавт.: Никитина Т.Б., Никитин В.В.)

Типология культовых памятников марийцев в эпоху средневековья // Финно-угроведение. 2006. № 1. С. 35–50.

Особенности погребений с орудиями литья на марийских могильниках IX–XII вв. // Финно-угроведение. 2011. № 2. С. 12–24 (соавт.: Никитина Т.Б.).

Опыт антропологического исследования захоронений на Васильсурском V городище (XI–XIII вв.) // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 239–247 (соавт.: Пузаткина Е.А.).

Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2012. № 5. С. 179–194 (соавт.: Никитина Т.Б.).

Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская Археология. 2012. № 2 (2). С. 146–165 (соавт.: Никитина Т.Б.).

«Ирмарский жертвенник» – опыт реконструкции памятника // Финно-угроведение. 2017. № 1–2 (57–58). С. 46–60 (соавт.: Данилов О.В.).

Бог, дух и дьявол. Статус и образ керемета в современном марийском фольклоре // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 114–123 (соавт.: Устьянцев Г.Ю.).

Сакральные пространства марийской культуры. Признаки и типологизация мифологизированного ландшафта // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16. № 4. С. 471–483 (соавт.: Устьянцев Г.Ю., Серебренникова Т.Л.).

Славяно-финно-угорские взаимодействия на территории Среднего Поволжья (древнейшие культы) // Народы содружества независимых государств накануне III тысячелетия: реалии и перспективы: тез. Междунар. науч. конгр. СПб, 1996. Т. IV. С. 27–29.

Роль природного фактора в языческих представлениях марийцев (обзор источников) // Источники и проблемы источниковедения истории Марий Эл: материалы респ. науч. конф. Йошкар-Ола, 1997. С. 98–102.

Марийско-русские параллели в язычестве по археологическим и этнографическим источникам и фольклорным данным // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию Д.Н. Анучина. Омск; СПб, 1998. Ч. I. С. 70–71.

Лес и отношение к нему в традиционных представлениях русских и марийцев (по этнографическим, археологическим и фольклорным данным) // Финно-угорский мир: состояние природы и региональная стратегия защиты окружающей среды: материалы Междунар. конф. Сыктывкар, 2000. С. 166–170.

Лось и олень в языческих представлениях восточных славян и финно-угров Поволжья // Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 46–48.

Культовый памятник на средневековом поселении Красное селище II // Древность и средневековье Волго-Камья: материалы Третьих Халиковских чтений. Казань, 2004. С. 66–69.

Предметы христианского культа в Марийском Поволжье в средневековую эпоху (XIII–XVI вв.) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. Вып. 27: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 2004. С. 96–104.

Культовые памятники как отражение духовной культуры средневековых марийцев // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгр. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004. С. 444–447.

Материалы по духовной культуре марийцев (священные места и природные духи) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб. ст. памяти Юго Юльевича Сурхаско. Вып. 2: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 376–415 (соавт.: Пенькова М.В., Конкка А.П.).

Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв. // Труды III (XIX) Всерос. археологического съезда. СПб.; М.; Новосибирск, 2011. С. 77–79 (соавт.: Никитина Т.Б.).

Особенности динамики культовых памятников Среднего Поволжья // Человек и Север: антропология, археология, экология: материалы Всерос. конф. 2012. С. 112–114.

Особенности погребального обряда Русенихинского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2012. № 8. С. 228–235 (соавт.: Никитина Т.Б.).

Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носители этнической традиции // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2012. № 8. С. 336–344 (соавт.: Никитина Т.Б.).

Барковское селище: предварительные итоги исследования (по материалам 2011 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2012. № 8. С. 386–392 (соавт.: Михеева А.И.).

Женские захоронения с литейными принадлежностями Чулковского могильника (по материалам фондов Мордовского республиканского краеведческого музея) // Краеведческие записки 2012: материалы XIX Всерос. краевед. чт. / М-во культуры и туризма Респ. Мордовия, МРОКМ им. И.Д. Воронина. Саранск, 2013. С. 16–19 (соавт.: Гришаков В.В., Пузаткина Е.А., Алибеков С.Я.).

Опыт реконструкции святилища на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (Аламнер) // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Зимовники, 2014. С. 154–174.

Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2010 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы: [материалы Всерос. науч. конф.]. Казань, 2014. С. 225–240 (Археология евразийских степей; вып. 17) (соавт.: Соловьев Б.С.).

Средневековые могильники как источники для изучения духовной культуры марийцев // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. 2014. С. 44–47.

К вопросу об исследовании археологического наследия Горномарийского района Республики Марий Эл // Материалы III Всерос. заоч. науч. конф. «Региональный туризм: опыт, проблемы, перспективы», вып.: 5. Ижевск, 2016. С. 289–300 (соавт.: Макаева И.В., Кадыкова Г.Н.).

Археологическое исследование древнемарийского Барковского селища (XIII–XV вв.): между Русью и Ордой // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй: докл. III Междунар. конгр. средневековой археологии евразийских степей. Владивосток, 2017. С. 124–127.

Древние чувашские и марийские святилища: опыт сравнительного анализа // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 73–83 (соавт.: Харитонова В.Г., Березина Н.С.).

По следам жертвенных мест и мольбищ в Горномарийском районе Республики Марий Эл // Марийская традиционная религия: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2022. С. 319–335 (соавт.: Пенькова М.В.).

Комплексная экспедиция Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева: мониторинг памятников археологии в 2020–2022 гг. // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. Чебоксары, 2023. № 18. С. 72–77 (соавт.: Курочкина С.А., Бойко И.В., Грознов Е.А.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ефремова Диана Юрьевна // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиогр. сб. Йошкар-Ола, 2020. С. 205.

Кадыкова Галина Николаевна
кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой культуры
и искусств ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»
г. Йошкар-Ола
e-mail: kadukova_galina@mail.ru

Galina Kadykova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Culture
and Arts, the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: kadukova_galina@mail.ru

УДК 821.511.132.0(092)

К ЮБИЛЕЮ КОМИ УЧЁНОГО И ПЕДАГОГА ЕЛЕНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ОСТАПОВОЙ

© 2026 г. Г.В. Пунегова, Р.П. Попова

В этом году свой юбилей отмечает учёный и педагог высшей школы Елена Васильевна Остапова. Вся жизнь и творческая деятельность Е.В. Остаповой – талантливого коми литературоведа, яркой личности, учителя и наставника – наглядно демонстрирует преданность своему делу, верность миссии педагога и внимание к молодому поколению.

В судьбе Елены Васильевны переплелись две родные деревни. Объячево Прилузского района Коми АССР – село, где она родилась и жили её предки по отцовской линии. Межадор Сысольского района Коми АССР – край, подаривший ей детство: сюда семья переехала, когда Елене было всего два года. Путь школьного взросления также прошёл через оба села. После окончания восьмилетней школы в Межадоре Елена продолжила обучение в старших классах средней школы в Объячево. Этот этап стал важной вехой – с него началась её самостоятельная жизнь вдали от родителей, но с любимой бабушкой (матерью отца).

Окончив в 1982 году среднюю школу с. Объячево, Елена поступила на филологический факультет Сыктывкарского государственного университета, где специализировалась по коми языку и литературе. После окончания университета в 1987 году молодой специалист по распределению приступила к работе учителя коми языка и литературы в Койгородской средней школе Койго-

родского района Коми АССР. Затем, по семейным обстоятельствам, переехала в село Куратово Сысольского района и начала работать в Куратовской средней школе. Здесь она состоялась как педагог, пройдя этапы профессиональной адаптации к условиям школьной среды. Работая в школе, Елена Васильевна сохранила тесные связи с преподавателями вуза, консультируясь с ними и посещая лекции на курсах повышения квалификации в Сыктывкаре. От своих наставников она неоднократно получала приглашения продолжить обучение в аспирантуре.

В аспирантуру Сыктывкарского университета Елена Васильевна поступила в 1995 году, совмещая учёбу с работой учителя в школе. В первый же год обучения в аспирантуре молодому специалисту предложили занять должность ассистента кафедры коми фольклора и литературы Сыктывкарского университета и перейти на заочную форму обучения в аспирантуре. Её семья приняла решение переехать в Сыктывкар. С сентября 1996 года Елена Васильевна приступила к работе со студентами в стенах столичного вуза Коми, где преподаёт дисциплины по истории коми литературы и методики её преподавания. В университете прошла все ступени карьерного роста от ассистента (с 1996), ст. преподавателя (с 2001) до доцента (с 2008) [Бурлыкина, 2018, с. 143]. В период обучения в аспирантуре Елена Васильевна кропотливо работала над кандидатской диссертацией «Лирика коми 1920–30-х гг: поэтика ритма», посвящённой анализу ритмической организации стихотворений поэтов и изучению особенностей ритмического стиля рассматриваемой эпохи. В своём исследовании Е.В. Остапова впервые в коми литературоведении представила полный спектр ритмообразующих средств, используемых в произведениях, выявила их значимую роль в образовании лирических систем поэтов коми. Итогом этой работы под руководством доктора филологических наук, профессора В.А. Латышевой стала защита кандидатской диссертации в Диссертационном совете Мордовского университета (Саранск, Мордовия) в 2000 году [Остапова и др., 2022, с. 95].

Учёба в аспирантуре стала важным этапом профессионального роста молодого специалиста: она обеспечила фундаментальную подготовку, открывшую возможности для дальнейшей научной и педагогической деятельности. За годы работы в вузе Елена Васильевна разработала и читает базовые курсы лекций по истории коми литературы разных периодов (включая детскую литературу), коми литературной критике, основам теории литературы. Ею также разработан ряд дисциплин, связанных с преподаванием литературы и организацией учебной деятельности в школе: «Методика обучения коми языку и литературе», «Анализ коми художественного текста на уроках коми литературы», «Современные средства оценивания результатов обучения», «Организация внеклассной работы по коми языку и литературе», «Этнокуль-

турное образование». Значителен вклад Елены Васильевны в развитие литературного образования в Республике Коми: она является автором нескольких школьных программ, учебников и учебно-методических пособий по коми литературе для учителей и студентов.

Елена Васильевна руководит курсовыми и выпускными квалификационными работами студентов, оказывает помощь в подготовке научных публикаций и докладов для выступлений на конференциях различного уровня. Она – инициатор проведения различных форм НИРС [Пунегова, 2022, с. 78–81]. Ежегодно под её руководством проводятся предметные олимпиады, семинары переводчиков, конкурсы творческих работ. Для педагога Е.В. Остаповой работа в вузе – это возможность выстраивать отношения с разными людьми, находить с ними общий язык. По её мнению, важно пробудить мыслительный процесс студентов, привить вкус к глубоким размышлениям и поиску убедительных аргументов.

Остапова Е.В. ведёт большую учебно-методическую и научную работу на высоком квалифицированном уровне. Её научная деятельность осуществляется в нескольких направлениях: исследование поэтики коми литературы, проблем перевода в контексте межлитературных взаимосвязей, путей обновления преподавания коми и финно-угорских литератур. Она является руководителем Научно-образовательного центра «Инновации в национальном гуманитарном образовании», принимает участие в разработке научной темы «Слово и текст в контексте культуры». Научный актив Е.В. Остаповой насчитывает свыше 200 работ: среди них статьи в ведущих научных журналах, материалы международных и всероссийских конференций, учебно-методические пособия; она также является автором коллективных монографий. Все эти труды отражают широкий спектр исследовательских интересов Е.В. Остаповой как учёного. Большой объём публикаций свидетельствует о многолетней системной работе и серьёзном вкладе в науку. Ежегодно она выступает с научными докладами на международных, всероссийских и региональных конференциях. В тесном сотрудничестве Елены Васильевны (ответственный редактор) с коллегами по кафедре Р.П. Поповой и Г.В. Пунеговой (члены редколлегии) ведётся большая работа по выпуску научно-образовательного журнала «Коми филология» – первого в России специализированного периодического издания по коми филологии на национальном (коми) языке. Этот журнал стал площадкой для публикации статей учёных, преподавателей, методистов в области коми и коми-пермяцкой филологии и образования, а также рецензий и биобиблиографических материалов.

Большое внимание Е.В. Остапова уделяет профориентационной работе. С этой целью она посещает школы, гимназии и колледжи Сыктывкара, а также

выезжает в сельские районы республики. По проблемам образования, коми литературы и культуры, профориентации школьников она регулярно выступает на республиканском радио и телевидении. Е.В. Остапова активно участвует в общественной жизни кафедры и Института гуманитарных наук при СГУ им. Питирима Сорокина, участвует в университетском проекте «Территория просвещения», а также в общественной жизни республики. Многие годы она является членом жюри литературных конкурсов и конкурсов чтецов, руководит республиканским методическим объединением учителей коми языка и литературы. Входит в состав исполкома Сыктывкарского представительства МОД «Коми войтыр». С 2020 года – член Совета по переводу с использованием языков народов России при Союзе переводчиков России.

За достижения в науке и вклад в развитие литературного образования в Республике Коми Елена Васильевна удостоена государственных премий и наград.

Коллеги по работе, ученики и друзья сердечно поздравляют Елену Васильевну с прекрасным юбилеем. Желают ей крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых профессиональных успехов. Пусть каждый день приносит радость и удовлетворение от работы! Кузь нэм да бур шуд, пыдди пуктана Елена Васильевна!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Поэтика ритма лирики коми 1920–1930-х годов: учеб. пособие. Сыктывкар, 2001. 73 с.

Язык поэзии коми: моногр. Сыктывкар, 2009. 124 с. (соавт: Латышева В.А., Филиппова В.В.).

Словарь терминов по литературе на коми языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 50 с. (соавт: Филиппова В.В.).

Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная моногр. / Т.Г. Владыкина и др. Екатеринбург, 2014. 556 с.

Коми литература в зеркале перевода [Электронный ресурс]: моногр.: текстовое научное электронное издание на компакт-диске / Е.В. Остапова; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». Электрон. текстовые дан. (1,0 Мб). Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 86 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлыкина М.И. Остапова Елена Васильевна // Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина: энциклопедия. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. С. 143.

Остапова Е.В., Попова Р.П., Пунегова Г.В. О преподавателях кафедры коми филологии Сыктывкарского государственного университета // Коми филология: научно-

образовательный журнал. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. Вып. 7–8. С. 83–104.

Пунегова Г.В. Научно-исследовательская деятельность студентов: традиции и достижения // Коми филология: научно-образовательный журнал. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. Вып. 7–8. С. 66–82.

Пунегова Галина Васильевна
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН;
Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
e-mail: galina.syktsu@mail.ru

Galina Punegova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Senior Research Fellow, Institute of Language,
Literature and History of the Komi Science
Centre, Ural Branch, RAS;
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
e-mail: galina.syktsu@mail.ru

Попова Римма Павловна
кандидат филологических наук, доцент,
Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
e-mail: rimmapp@mail.ru

Rimma Popova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
e-mail: rimmapp@mail.ru

УДК 811.511.151(092)

ХРАНИТЕЛЬ МАРИЙСКОГО СЛОВА: К 65-ЛЕТИЮ ОЛЕГА АРСЕНТЬЕВИЧА СЕРГЕЕВА

© 2026 г. Л.Е. Шабдарова

В этом году исполнилось 65 лет Олегу Арсентьевичу Сергееву – учёному-лингвисту, ведущему языковеду Республики Марий Эл, признанному специалисту в области финно-угорского языкознания и истории марийской письменности.

В финно-угроведении редко встретишь специалиста, способного с равной глубиной работать с раритетными рукописями, составлять современные терминологические словари и создавать школьные методические разработки по родному языку. Олег Арсентьевич Сергеев – именно такой человек: учёный, лексикограф, историк языка и неутомимый популяризатор марийского слова.

Он родился 9 сентября 1961 года в деревне Малый Кулеял (Энерӱмбал) Моркинского района – в самом сердце Марийского края. Среди лугов и рощ, в семье колхозников Пелагии Николаевны и Арсения Андрияновича Сергеевых родилась та искренняя любовь к родной речи, которая определила весь дальнейший путь будущего языковеда.

После окончания Азъяльской средней школы Олег Арсентьевич поступил в Марийский государственный университет на отделение русско-марийской филологии. В 1983 году, получив диплом, он вернулся в родную Азъяльскую школу, стал преподавать марийский язык и литературу. Однако стремление к глубокому научному познанию привело его в очную аспирантуру при кафе-

дре финно-угорских языков Тартуского государственного университета (Эстония), являющейся одним из признанных центров уралистики.

В Тарту ему посчастливилось учиться у корифеев. Под руководством академика П. Аристэ и профессора Э. Вяари он подготовил диссертацию «Рукописные словари марийского языка XVIII–XIX веков», защита которой состоялась в 1990 году. С тех пор главным делом жизни учёного стало изучение памятников письменности, тех драгоценных свидетельств прошлого, которые сохраняют историю народа в слове.

Основное направление исследований О.А. Сергеева – палеографический и комплексный лингвистический анализ рукописного наследия конца XVII–XIX века. За десятилетия он буквально по крупицам собирал, систематизировал и ввёл в научный оборот десятки рукописных словников и словарей, многие из которых хранились в архивах Санкт-Петербурга, Казани, Кирова, Нижнего Новгорода, Хельсинки.

Монографии Олега Арсентьевича стали вехами в марийском языкознании. В работе «Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков» (2002) автор дал целостную картину развития марийской лексикографии того периода. А в книге «Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.)» (2021) с небывалой полнотой описал языковые особенности ранних письменных источников.

Среди трудов учёного как наиболее значимые выделяются монографии: «Василий Крекнин, Иоанн Платунов. Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря)» (2020), «Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.)» (2021). Первая работа представляет собой детальный анализ уникального исторического документа – первого систематизированного словаря марийского языка, составленного миссионерами Василием Крекниным и Иоанном Платуновым в XVIII веке. В исследовании рассматриваются история создания словаря и диалектная основа памятника. Лексический анализ сосредоточен на материальной и духовной культуре марийского народа, редких и забытых словах, а также на русских лексических заимствованиях. Работа охватывает несколько аспектов: историко-фонологическое описание лексики, сопоставительный анализ особенностей грамматического строя марийского языка указанного периода, выявление заимствований и архаизмов, связанных с влиянием соседних народов, а также установление связей между диалектами марийского языка того времени и современности. Вторая монография посвящена изучению языковых особенностей ранних памятников письменности марийского языка конца XVII–XVIII века. Лингвистической интерпретации подвергнуты марийские лексические единицы, впервые зафиксированные в конце XVII – начале

XVIII века, материалы участников Камчатских экспедиций, рукописные словари, молитвенные тексты, марийские стихотворения XVIII века, текст «речи черемисской» и первая марийская грамматика 1775 года. Значимость данной работы заключается в том, что она позволяет проследить динамику изменения марийского языка рассматриваемого периода. Монографии О.А. Сергеева «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря)» и «Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.)» представляют собой ценный вклад не только в дело сохранения и популяризации культурно-исторического наследия марийского народа, но и в изучение этнических процессов и эволюции финно-угорских языков региона. За монографии учёный удостоен Государственной премии Республики Марий Эл в области литературы, искусства, архитектуры, науки и техники за 2024–2025 годы – высшей награды республики в области гуманитарных наук.

Широта научных интересов О.А. Сергеева поистине впечатляет. Он не только историк языка, но и активный лексикограф-практик. Его перу принадлежат словари (некоторые в соавторстве), без которых сегодня невозможно представить ни марийскую лексикографию, ни школьное образование: «Обратный словарь марийского языка» (Хельсинки, 2002), «Марийско-русский, русско-марийский анатомический словарь» (2004), «Электронные списки слов: марийский, мордовские и удмуртский языки» (Хельсинки, 2007), «Словарь терминов по биологии на марийском языке» (2011).

Особого внимания заслуживает учебное пособие «Марий йылме. Мут ышталтмаш» («Марийский язык. Словообразование», 1995), которое до сих пор остаётся незаменимым средством обучения для студентов и учителей. А учебник по стилистике марийского языка (Йошкар-Ола, 2010), изданный после долгого пробела в этой области, был отмечен на республиканском конкурсе «Книга года» и стал победителем международного конкурса в области науки (языкознание) среди представителей родственных народов, относящихся к уральской языковой семье (Тарту, 2012).

Имя О.А. Сергеева известно далеко за пределами республики и даже России. Он является зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 2008), председателем Марийского регионального отделения Комитета финно-угроведов Российской Федерации (2009–2025), членом Комитета финно-угроведов Российской Федерации (Ханты-Мансийск, 2009–), Международного комитета финно-угроведов (2010–), Международного исполнительного комитета конгрессов финно-угроведов (Пилишчаба, 2010–), Международного оргкомитета «Языковые контакты народов Поволжья» (Турку, 2006–2018), Правительственной комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл, Комиссии при Главе Республики Марий Эл по Го-

сударственным премиям Республики Марий Эл в области литературы, искусства, архитектуры, науки и техники (2006–2023), членом Союза журналистов России (2014), Российского военно-исторического общества (2018), редакционного совета научного журнала «Финно-угроведение» (2018), редколлегии международного журнала «Folia Debreseniensia» (Дебрецен, 2023), лауреатом Государственной премии Республики Марий Эл в области научной публикации естественных и гуманитарных наук имени М.Н. Янтемира (2025).

Олег Арсентьевич награждён медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл» (2021), памятным почётным знаком Всемарийского совета «Калык верч тыршымаш» («Служение народу») (2025).

С 2024 года он возглавляет Комитет финно-угроведов Российской Федерации – и это не просто почётная должность, а признание его авторитета в отечественном финно-угроведении.

Юбиляр – постоянный участник значимых международных конгрессов, он выступал с докладами на более чем 220 научных конференциях и симпозиумах разного уровня, был участником VIII–XII Международных конгрессов финно-угроведов.

Сергеев О.А. является соавтором ряда российских и международных проектов, среди которых: «Язык и культурные традиции в процессе национальной идентификации у волжско-финских народов (в особенности у марийцев)» (Гамбург, Германия), «Исследования российских народов учеными нерусского происхождения (1800–1855)» (Хельсинки – Лондон, 2005–2006), «Дореволюционные книги и рукописные словари марийского языка XVIII – начала XX вв.» (Турку, Финляндия), «Марийская морфология» в Giellatekno страницах (Турку, Финляндия, 2004–2005), корпус «История луговомарийского литературного языка» (Турку, Финляндия, 2008–2012), «Эссив уральского языка (марийская часть)» (Турку, Финляндия, 2014–2016), «Антонимы в финно-угорских языках (марийская часть)» (Турку, Финляндия, 2017), «Развитие лексики марийского языка в 20–30-х гг. XX века» (Турку, Финляндия, 2014–2016), «Волжские земли в истории и культуре России» (Йошкар-Ола, 2011; 2012) и др. Итогом многолетней совместной работы стала монография на финском языке «Arto Moisio, Oleg Sergejev, Nadežda Krasnova, Jorma Luutonen. Marin kirjakielten termistön kehitys 1920-ja 1930-luvulla. Elollista luontoa tutkivat tieteet (monografia)» («Развитие словарного состава марийских литературных языков в 1920–1930-х годах. Наука о живой природе») (Хельсинки, 2020) – фундаментальное ономасиологическое исследование терминологии в области биологии, зоологии, анатомии и ботаники.

Свыше 20 лет О.А. Сергеев проработал в Марийском государственном университете: прошёл путь от ассистента до заведующего кафедрой общего и фин-

но-угорского языкознания, многие годы был заместителем декана историко-филологического факультета по учебной, воспитательной и научной работе.

С 2009 года научная деятельность юбиляра связана с МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, где он долгое время руководил отделом языка, а ныне трудится старшим научным сотрудником, разрабатывает тему «Марийская рукописная лексикография XIX века».

Олег Арсентьевич воспитал не одно поколение филологов, был руководителем кандидатских диссертаций, оппонентом работ соискателей из разных регионов. Его рецензии и отзывы (более 60) на монографии, словари и учебные пособия – это всегда глубокий профессиональный анализ, помогающий авторам выйти на новый уровень.

Удивительна и его просветительская миссия: с 2010 года он является автором и ведущим радиопередачи «Ныжыл шочмо йылме» («Мой родной язык»). За эти годы вышло около 100 выпусков, в которых учёный просто и увлекательно рассказывает о тонкостях марийской речи, её красоте и богатстве. Это редкий случай, когда академическая наука становится доступной и близкой каждому слушателю.

Его научный профиль характеризуется фундаментальностью исследований: учёный является автором около 400 научных трудов, в том числе 5 монографий, 5 словарей и 7 учебных пособий. В настоящее время он продолжает исследовать рукописное наследие, оставаясь в постоянном научном поиске.

Жизненный путь О.А. Сергеева – это яркий пример беззаветного служения науке.

Коллеги, друзья и ученики желают Олегу Арсентьевичу крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии, новых архивных открытий и долгих лет плодотворной работы на благо российской науки.

Пагалыме, Олег Арсентьевич, Лӱмгечыда дене уло кумылын саламлена. Пеҥгыде тазалыкым, кужу ӱмырым, чон ласкалыкым тыланена. Умбакыжат пашада ушнен толжо, илыш корныда волгыдо да пиалан лийже.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Марий йылме. Мут ыштaлтмаш: йылмым келгынрак тунемше-влаклан = Марийский язык. Словообразование: для углубленного изучения. Йошкар-Ола: Марий кн. савыктыш, 1995. 144 с.

Тошто марий мутер-влак: XVIII–XIX курымласе кид дене возымо марий мутер-влакын йылмышт = Рукописные марийские словари: Язык неопубликованных марийских словарей XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Марий кн. савыктыш, 2000. 152 с.

Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 192 с.

Reverse Dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка // Lexica societatis Fenno-Ugricae XXVIII. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2002. 446 p. (соавт.: Й. Луутонен, С. Сааринен, А. Мойсио, Л.С. Матросова).

Из истории отечественной лексикографии. Словарь черемисского языка с российским переводом. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. 536 с.

Иктешлыше кугыжаныш экзаменын ышталтме ойыртемже да содержанийже: Марий йылме: учеб.-метод. полыш = Структура и содержание Единого государственного экзамена: Марийский язык: учеб.-метод. пособие. Йошкар-Ола, 2003. 78 с. (соавт.: В.Н. Васильев, Л.С. Матросова).

Марий анатомий мутер. Марийско-русский, русско-марийский анатомический словарь. Йошкар-Ола: Марево, 2004. 56 с.

Electronic Word Lists: Mari, Mordvin and Udmurt including Jorma Luutonen, Sirkka Saarinen, Arto Moisio, Oleg Sergeyev, Lidiya Matrosova, Kazuto Matsumura: An Electronic Word List of Mari … and a special user interface program = Электронные списки слов: марийский, мордовский и удмуртский, включая Йорму Луутонена, Сиркку Сааринена, Арто Мойсио, Олега Сергеева, Лидию Матросову, Кадзуто Мацумуру: Электронный список слов марийского языка ... и специальная программа для пользовательского интерфейса // SFOu Word List Tool 1.3 with introductory texts by Jorma Luutonen. (с вводными текстами Йормы Луутонена). Finno-Ugrian Society, Helsinki, 2007.

Марий йылме. Стилистика. I ужаш = Марийский язык. Стилистика. Ч. 1. Йошкар-Ола: Марий кугыжаныш ун-т, 2010. 208 с.

Словарь терминов по биологии на марийском языке для общеобразовательных школ. Сыктывкар и др., 2011. 47 с.

Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. 348 с.: ил. (Из истории отечественной лексикографии. Сер. II).

Arto Moisio, Oleg Sergejev, Nadežda Krasnova, Jorma Luutonen. Marin kirjakielten termistön kehitys 1920-ja 1930-luvulla. Elollista luontoa tutkivat tieteet (monografia) = Развитие словарного состава марийских литературных языков в 1920–1930-х годах. Наука о живой природе (монография). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2020. 445 S.

Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.

Вклад Алексея Канцеровского в исследование марийского языка // Linguistica Uralica. 2022. № 1. С. 58–63.

Устаревшая и устаревающая лексика в рукописном «Словаре языка черемисского» // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32, вып. 3. С. 445–453.

П.С. Паллас – исследователь и собиратель материалов по марийскому языку // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91, ч. 6. С. 68–73.

Передача специфических звуков марийского языка в памятниках письменности конца XVII–XVIII вв. // Linguistica Uralica. 2022. № 4. С. 275–286.

Язык «черемисского» текста Кугу кугужа! («Великий государь») // Folia Uralica Debreceniensia, 29. Debrecen, 2022. С. 191–206.

Марийское письмо конца XVII – начала XVIII в. на латинице // История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России: сб. материалов Междунар. науч. конф. / сост.: Л.Р. Надыршина, Л.Ш. Гарипова, М.Г. Гумеров. Казань: ИЯЛИ, 2023. С. 280–286.

О лексикографических произведениях марийского просветителя А.Н. Смирнова и чувашского ученого-тюрколога Н.И. Золотницкого: их сходства и различия (к 180-летию просветителя А.Н. Смирнова) // Мари и чуваши: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (с. Красный Яр, 22 сент. 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Эрцикова; МарНИИЯЛИ, ЧГИГН. Йошкар-Ола, 2023. С. 207–220.

Кларе Адягаши – 70 // Русско-марийские языковые контакты в ареальном освещении: юбилей. сб. ст. к 70-летию проф. Кларе Адягаши со вступит. сл. О.А. Сергеева / под ред. Н.В. Шахвердовой, Б. Дьёрфи. Дебрецен, 2023. С. 1–5.

Добуквенная письменность марийского народа // Folia Uralica Debreceniensia, 30. Debrecen, 2023. С. 265–287.

Упоминания о «племенах финского происхождения» во второй половине XVIII в. шведоязычным исследователем Эриком Лаксманом // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2023. №1. С. 120–127.

Лексикографическая деятельность марийского просветителя Петра Ерусланова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, вып. 2. С. 14–22.

Из истории марийской рукописной лексикографии XIX века // Современное финно-угроведение: наука – общество – культура: сб. науч. ст. по материалам VII Всерос. науч. конф. финно-угроведов, посвящ. 300-летию Рос. акад. наук (Йошкар-Ола, 27–30 июня 2024 г.) / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2024. С. 227–237.

Устаревшие и устаревающие слова в текстах православной литературы на марийском языке второй половины XIX – начала XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, вып. 4. С. 499–506.

Материалы рукописных лексикографических памятников XIX века и словарь В.П. Троицкого: к 130-летию издания первого марийского словаря в России // Folia Uralica Debreceniensia, 32. Debrecen, 2025. С. 495–504.

Первым большим словарям черемисского (марийского) языка – 240 лет // Современные исследования. Прикладной аспект: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10 сент. 2025 г.) / отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. М.: Генезис, 2025. С. 38–45.

Обозначение марийского заднеязычного шумного *г* кириллической буквой *г* и латинской ***g*** в памятниках письменности марийского языка второй половины XVIII века // Linguistica Uralica. 2025. № 4. С. 229–241.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сабанцев Г.Л. Тыршымыж дене тӱнямбал кӱкшытышкат шуэш // Ончыко. 2011. № 8. С. 122–127.

Максимов В.Н. К юбилею О.А. Сергеева // Финно-угроведение. 2011. № 2. С. 80–82.

Сабанцев Г.Л. Финн-угор йылме пеледышын тӱзланымыж верч // Ончыко. 2015. № 9. С. 9–10.

Сергеев Олег Арсентьевич // Марийская биографическая энциклопедия. 4905 имен в истории культуры и марийского народа. Изд. 2-е, доп. и перераб. Авт. проекта В. Мочаев. Йошкар-Ола: Мар. биогр. центр, 2017. С. 392.

Сергеев Олег Арсентьевич // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиогр. сб. Йошкар-Ола, 2020. С. 228–229.

Язык, учёный, письмена… К юбилею О.А. Сергеева / сост. М.Т. Ипакова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 160 с.

Ипакова М.Т. Научная деятельность известного ученого-лингвиста О.А. Сергеева (к 60-летнему юбилею) // Финно-угроведение. 2021. № 62. С. 134–140.

Мосина Н.М. К юбилею Олега Арсентьевича Сергеева // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 323–324.

Шабдарова Людмила Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: shabdarova_liudmila@mail.ru

Liudmila Shabdarova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: shabdarova_liudmila@mail.ru

УДК 811.511.151(092)

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА КРАСНОВА: УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР
(к 50-летнему юбилею)

© 2026 г. Т.В. Янцукова

В этом году 50-летний юбилей отметила Надежда Михайловна Краснова – кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного университета. Её имя неразрывно связано с развитием и исследованием горномарийского литературного языка, а также с подготовкой целого поколения талантливых филологов. Учёный, педагог, организатор – каждая из этих ипостасей раскрывается в её деятельности с неподдельной глубиной и самоотдачей.

Надежда Михайловна родилась 1 августа 1976 года в деревне Носёлы Горномарийского района Марийской АССР. В 1993 году она с серебряной медалью окончила Усолинскую среднюю школу, а затем – историко-филологический факультет Марийского государственного университета (1998), получив квалификацию преподавателя марийского, английского языков и литературы. С 1998 по 2007 год, работая на кафедре финно-угорских языков, она стремительно зарекомендовала себя как инициативный, трудолюбивый и перспективный специалист: читала лекции по морфологии горномарийского литературного языка, вела практические занятия по английскому языку, неизменно держа планку высокого научно-теоретического уровня. С 2007 года её профессиональный путь продолжился на кафедре иностранных языков № 4, а после реорганизации она возглавила это подразделение. С 2013 года и по сей день Надежда Михайловна бессменно

руководит кафедрой межкультурной коммуникации института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета.

Научные интересы учёного сосредоточены вокруг взаимодействия грамматической структуры и экспрессивного синтаксиса в горномарийском литературном языке. Она является автором более 50 научных статей, 2 учебно-методических пособий, 3 монографий и 7 авторских свидетельств. В кандидатской диссертации «Стилистический потенциал глагольно-именных словосочетаний в горномарийском литературном языке» (2003) она впервые комплексно исследовала выразительные средства, рождающиеся на стыке грамматики и текстовой трансформации. В последующих статьях и монографиях Надежда Михайловна последовательно развивает эту тему, доказывая, что глагольно-именные сочетания – не просто базовая конструкция, а мощнейший инструмент создания лексической выразительности, сознательно используемый писателями для формирования неповторимого облика горномарийской прозы (Стилистический потенциал глагольно-именных словосочетаний в горномарийском литературном языке (2001), Гиперболические сравнения, образованные глагольно-именными словосочетаниями (на материале произведений Н.В. Игнатьева) (2006), Стилистический потенциал глагольно-именных словосочетаний в горномарийском литературном языке (монография, 2007), Лексические выразительные средства, основанные на интенсификации конкретных черт предметов, в произведениях И. Горного (2011) и др.). Важнейшая заслуга исследователя – систематизация стилистического ресурса горномарийского литературного языка: ей удалось показать, что синтаксический уровень (в частности глагольно-именные словосочетания) таит в себе богатейший художественный потенциал.

Не менее значим и лексикографический вклад Н.М. Красновой. Она выступила одним из авторов-составителей и научных редакторов фундаментального «Марийско-русского фразеологического словаря» в двух томах, изданного к 100-летию образования Марийской автономной области.

С декабря 2020 года под её руководством реализован проект РФФИ (№ 19-012-00527 А), итогом которого стала коллективная монография «Произносительная норма современного горномарийского языка», а также подготовка орфоэпического словаря – важнейшего практического ориентира для носителей языка и филологов.

Общественная и методическая деятельность Надежды Михайловны выходит далеко за рамки академической работы. Она неизменно входит в жюри предметных олимпиад по марийскому языку, разрабатывая задания, которые требуют не только безупречного знания теории, но и педагогического чутья. Кроме того, она оказывает системную методическую помощь учителям при

создании учебников «Мары йӹлмӹ» для 5–9 классов. Тем самым Н.М. Краснова охватывает всю вертикаль образования: от работы с одарёнными школьниками до профессиональной поддержки педагогического сообщества, демонстрируя комплексный подход к сохранению и развитию родного языка.

Международное измерение её карьеры также впечатляет. В 2001–2002 годах Надежда Михайловна стажировалась в университете г. Турку (Финляндия), изучала финский язык и культуру, преподавала русский язык как иностранный. С 2013 по 2018 год она участвовала в совместном научном проекте Фонда Коне по истории терминологической лексики марийских языков (тема «Развитие терминологической лексики марийских литературных языков в 1920–1930-х гг. Научные исследования о живой природе»), а в 2020 году вышла в свет объёмная (445 стр.) монография на английском языке. В 2017–2019 годах она неоднократно приглашалась в университет Турку для чтения лекций по горномарийскому литературному языку и участия в летних курсах. Ещё одним ярким проектом стало соавторство в электронном учебнике «Reading Hill Mari Through Meadow Mari».

Организаторский талант Надежды Михайловны в полной мере раскрылся на посту заведующего кафедрой. За годы руководства она проявила себя как дальновидный и эффективный управленец, способный ставить амбициозные цели и вести коллектив к их достижению. При ней кафедра последовательно совершенствует образовательные программы, внедряет современные педагогические технологии, развивает международное сотрудничество (в том числе через ежегодную конференцию «Международное гуманитарное сотрудничество»). Особого уважения заслуживает её наставничество: Надежда Михайловна создаёт в коллективе атмосферу творческой поддержки, помогая молодым преподавателям расти профессионально.

Педагогический дар учёного особенно ярко проявляется в работе со студентами. Её занятия всегда интерактивны, пробуждают интерес к предмету и показывают практическую ценность филологического знания. Студенты ценят в ней умение увлечь аудиторию, развить критическое мышление и коммуникативные компетенции.

Итогом многолетнего труда Н.М. Красновой стало признание в академическом и педагогическом сообществах. За многолетний труд Надежда Михайловна удостоена Почетной грамоты Марийского государственного университета (2016), Почетной грамоты Министерства образования и науки Республики Марий Эл (2021), Благодарности Главы Республики Марий Эл (2024). Она предстаёт перед нами не просто как эрудированный лингвист, раскрывший эстетическую самоценность грамматических структур родного языка, но и как подвижник, лексикограф, вдохновляющий наставник и мудрый руководитель.

Её преданность науке, любовь к родной культуре и неустанное стремление к самосовершенствованию служат примером для коллег и учеников.

Мы от всей души благодарим Надежду Михайловну за её бесценный труд на благо горномарийского литературного языка и отечественной филологии. Желаем ей крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, новых научных открытий и счастливой реализации всех творческих замыслов!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Из истории изучения глагольно-именных словосочетаний марийского языка // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Саранск, 2000. С. 172–174.

Глагольно-именные словосочетания, выражающие объектные отношения в горномарийском литературном языке // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 469–471.

Лексические выразительные средства, образованные глагольно-именными словосочетаниями, в горномарийском литературном языке // Финно-угроведение. 2003. № 1. С. 84–97.

Метафорический перифраз, образованный глагольно-именными словосочетаниями, в горномарийских авторских текстах // Язык и литература в поликультурном пространстве. Бирск, 2003. С. 181–182.

Маркеры стиля синтаксического уровня в произведениях горномарийских писателей // Актуальные проблемы финно-угорской филологии: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. И.С. Галкина. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2003. С. 217–223.

Образные и необразные типы перифраза, образованные глагольно-именными словосочетаниями, в горномарийском литературном языке // Ашмаринские чтения: материалы Межрегион. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2004. С. 176–182.

Стилистическая инверсия в горномарийском литературном языке // Актуальные проблемы финно-угроведения: материалы Регион. науч.-практ. конф. 22–23 апр. 2004. Ч. 1. Бирск: Бирск. гос. пед. институт, 2004. С. 86–88.

Перифраз, образованный глагольно-именными словосочетаниями, в произведениях Н.В. Игнатьева // IV Игнатьевские чтения. Материалы докл. и выступ. на республ. науч. конф. 1 апр. 2004 г. по теме «Образование и духовная культура горных мари». Йошкар-Ола, 2005. С. 98–101.

Повтор-подхват, образованный глагольно-именными словосочетаниями, в произведениях горномарийских писателей // Марийская филология: Ученые записки, посвящ. 70-летию проф. И.Г. Иванова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. С. 132–135.

Повтор в поэтических произведениях Н.В. Игнатьева // Материалы докл. и выступ. на республ. науч.-практ. конф. по теме «Проблемы теории и практики преподавания горномарийского языка, литературы, истории, культуры». V Игнатьевские чтения. Йошкар- Ола, 2005. С. 101–105.

Материалы для самостоятельной работы студентов по дисциплине «Практическая грамматика английского языка». Сб. текстов и упр. Йошкар-Ола, МарГУ, 2005. 22 с.

Гиперболические сравнения, образованные глагольно-именными словосочетаниями (на материале произведений Н.В. Игнатьева) // Марийская филология: Ученые записки

историко-филологического факультета (посвящ. 75-летию проф. И.С. Галкина). Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. Вып. 7. С. 105–108.

Эмоционально-экспрессивная окрашенность поэмы Н.В. Игнатьева «Дубрава» // Современные технологии обучения иностранным языкам. Международные отношения и связи с общественностью. Документоведение и менеджмент: материалы Междунар. науч.-практ. конф. по итогам НИР за 2007 год. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. С. 49–51.

Lexical Expressive Means and Stylistic Devices Based on Intensification of a Certain Feature of a Thing or Phenomenon in Mari = Лексические выразительные средства и стилистические приемы, основанные на усилении определенной характеристики предмета или явления в марийском языке // Материалы Междунар. конгр. финно-угроведов. Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarium. Piliscsaba 2010, Pars II. P. 39.

Лингвостилистическая природа гиперболы // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков: IV Междунар. науч. конф. (20–22 сент. 2011 г., Таганрог, Россия): сб. науч. тр.: в 2 ч. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2011. С. 95–98.

Лингвостилистическая природа простого контактного повтора в горномарийском литературном языке // Сборник научных трудов SWorld: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2011». Одесса: Черноморье, 2011. Вып. 4. Т. 32. С. 28–31.

Лексические выразительные средства, основанные на интенсификации конкретных черт предметов, в произведениях И. Горного // Материалы XI Междунар. конгр. финно-угроведов. Пилишчаба, 2011. С. 264–267.

Некоторые особенности географической лексики 1930-х гг. (на материале учебников по географии) // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2019. С. 61–63.

Динамика социального статуса горномарийского языка в XXI веке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2020. С. 77–86 (соавт. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А.).

Marin kirjakielten termistön kehitys 1920- ja 1930-luvulla = Развитие терминологической лексики марийских литературных языков 1920–1930-х гг. // SUST. № 276. Helsinki, 2020. 445 s. (соавт. Moisio A., Sergejev O., Luutonen J.).

Марийско-русский фразеологический словарь: в 2 томах / Авт.-сост.: Е.М. Андрианова, Л.И. Барцева, Ф.Т. Грачева и др.; ред. Л.И. Барцева, Н.М. Краснова, Г.А. Эрцикова (рук. проекта), Э.С. Якимова. Йошкар-Ола, 2020. Т. 1: А–Ӧ [авт. предисл. Г.А. Эрцикова, Э.С. Якимова] 534 с.; Т. 2: П–Ч. 670 с.

HILL MARI ORTHOEPY: CONCEPT, RULES AND THE IMPORTANCE FOR FUTURE TEACHERS OF THE HILL MARI LANGUAGE = Горномарийская орфоэпия: концепция, правила и ее важность для будущих учителей горномарийскогго языка // Proceedings of ADVED 2021- 7th International Conference on Advances in Education 18–19 October, 2021 (Материалы 7-й Междунар. конф. по развитию образования), 18–19 October 2021. – Pp. 227–230 (соавт. Ertsikova G.A.).

HILL MARI CONSONANT SYSTEM IN THE LANGUAGE EDUCATION OF FUTURE LANGUAGE TEACHERS = Система согласных горномарийского языка, ее важность в практике подготовки учителей // Proceedings of ADVED 2021 - 7th International Conference on Advances in Education 18–19 October, 2021 (Материалы 7-й Междунар. конф. по развитию образования), 18–19 October 2021. Pp. 231–334 (соавт. Ertsikova G.A.).

Зоя Георгиевна Зорина – исследователь произносительной нормы горномарийского языка, наставник, мама и человек дела // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 3. С. 270–278 (соавт. Викстрём О.В.).

Произносительная норма современного горномарийского языка: коллективная моногр. Йошкар-Ола, 2022. 132 с. (соавт. Эрцикова Г.А., Янцукова Т.В.)

Социальный и научный статус горномарийского языка на современном этапе // Вестник Марийского государственного университета. 2022. 16. № 4. С. 548–559 (соавт. Шабыков В.И., Кузнецова М.Н., Кудрявцева Р.А.).

Педагогами славится Россия (к 70-летнему юбилею Натальи Николаевны Глуховой) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Т. 10. 2024. № 4. С. 287–295.

Языковая природа и функциональная характеристика гиперболы в горномарийском литературном языке // Казанская наука. № 11. 2024. Казань: Рашин Сайнс. 2024. С. 516–518.

Игровой метод в обучении взрослых иностранному языку // Казанская наука. № 6. 2025. Казань: Рашин Сайнс, 2025. С.124–126. (соавт. Соколова Г.Л., Филатова А.В.).

Омонимия и синонимия фразеологизмов в горномарийском литературном языке (на материале произведений Никандра Ильякова) // Казанская наука. № 10. 2025. Казань: Изд-во Рашин Сайнс. 2025. С. 387–389 (соавт. Соколова Г.Л., Филатова А.В.).

Развитие критического мышления студентов на занятиях иностранного языка // Казанская наука. № 11. 2025. Казань: Рашин Сайнс. 2025. С. 187–189 (соавт. Соколова Г.Л., Филатова А.В.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Васикова Л.П. Рецензия на кандидатскую диссертацию: «Стилистический потенциал глагольно-именных словосочетаний в горномарийском литературном языке» // Linguistica Uralica. 2004. № 1. С. 71–72.

Марийские лингвисты: биобиблиогр. сб. / Мар. гос. университет; сост.: И.Г. Иванов, В.Н. Васильев, В.Н. Максимов. Изд. 3-е, испр. и доп. Йошкар-Ола, 2016. С. 277–280.

Москвичев А. Умбакыжат шымлаш кумылан = Заинтересована в дальнейших исследованиях // Марий Эл. 2003. 30 апр.

Четаева О. Наука – дело увлекательное // Край горномарийский. 2003. 25 апр.

Янцукова Т.В. Исследователь, педагог, организатор: к юбилею Н.М. Красновой // Край горномарийский. 2026. 7 авг.

Янцукова Татьяна Вениаминовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной
коммуникации ФГБОУ ВО
«Марийский государственный
университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: stv79@bk.ru

Tatiana Yantsukova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Intercultural Communication
of Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: stv79@bk.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94:39(=511.151)(470.4)

Рец: Свечников С.К. Этнические контакты мари с народами Среднего Поволжья в XV–XVII вв.: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. 296 с.: ил.

© 2026 г. Г.А. Николаев

Как известно, радикальные перемены в развитии страны в конце XX века остро актуализировали темы, которые, как совсем еще недавно нам казалось, были достаточно основательно изучены. В последние три десятилетия в данном плане региональная историко-этнологическая мысль ожидаемо оказалась в затруднительном положении, ибо переосмысление доставшегося историографического наследия через оптику новой проекции требовало времени. Отрадно отметить, что марийская историческая школа благополучно перешагнула сложившуюся в гуманитарной науке непростую ситуацию и продолжает в лице своих видных представителей успешно разрешать узловые проблемы истории и культуры соплеменников и их этнических соседей. Без всякого преувеличения можно утверждать, что в лице Сергея Константиновича Свечникова она приумножила свои ряды еще одним талантливым, всесторонне подготовленным и трудолюбивым историком и этнологом, способным решать самые сложные задачи, стоящие перед марийской и региональной историографией.

В качестве темы научных изысканий автор монографии выбрал труднейшую проблематику в истории и культуре своих сородичей, требующего, на наш взгляд, и гражданского мужества – этнические контакты и связи мари с народами Среднего Поволжья в XV–XVII веках. Очерченный им для изучения отрезок времени полон драматизма и приходится на стык острого противоборства разных цивилизаций, на время исчезновения с политической карты Евразии сначала Золотой Орды, а затем и Казанского ханства, на период инкорпорации поволжских народов в состав Московии, как покоренных, так и вошедших в ее состав мирно. Выбранный автором для изучения период вместил в себя и участие коренных этносов в походах на стороне противоборствующих сторон, и «черемисские войны», и миграции этносов, и прочие значимые собы-

тия и явления названного ряда. Специалистам хорошо известно, что изучение происходивших в течение указанных трех столетий многосложных процессов на Средней Волге крайне осложнено скудостью сохранившихся исторических источников. Но, что похвально, С.К. Свечников сумел расширить их круг за счет привлечения необходимой информации из смежных отраслей гуманитарных знаний. В ряде случаев недостающий фактический материал автор черпает и из источников, созданных вне хронологических рамок исследования, что вполне оправдано. Добавим также, что показ исторической действительности в этническом измерении в эпоху позднего средневековья затруднен и тем обстоятельством, что волжские этносы в документах того времени нередко упоминаются под одним, общим этнонимом.

Особо следует быть отмеченным и факт, что для получения полноты искомой аналитической картины автор максимально расширяет территориальные рамки своего исследования. В ее социокультурное пространство он включает не только ареал, где в XV–XVII веках марийцы жили в соседстве с поволжскими народами – мордвой, русскими, татарами, удмуртами и чувашами, но и районы, расположенные далеко за пределами их основной зоны расселения, где имели место контакты и взаимодействие данного социума с другими этносами.

Рецензируемое сочинение выполнено на стыке разных научных дисциплин. Его открывает «Введение», где обоснован выбор темы, обозначены преследуемые исследовательские задачи и дан подробный историографический анализ имеющейся по теме литературы. Первая глава книги посвящена марийско-мордовским контактам. Привлекая исторические сведения и данные смежных гуманитарных знаний автор реконструировал расселение двух близкородственных народов в исторической динамике, утерявшие к XVII веку в основном совместные контактные зоны, показал степень близости их наречий и культур, интенсивность и характер взаимоотношений этносов друг с другом, этническими соседями. Ему удалось воссоздать многосложное, туго сплетенное в один узел взаимодействие этнических общностей, которое включало в себя разные, порой разнонаправленные процессы: и противоборство, и добрососедство, и отстаивание собственных интересов, и совместное созидание и т.д. Полотно второй главы, где речь ведется о марийско-удмуртских контактах, С.К. Свечниковым соткано главным образом на основе информации, извлеченной из марийских и удмуртских исторических преданий. Сопутствующим материалом к ним служат в основном данные археологии и топонимики. В свете привлеченных памятников устного народного творчества утверждение автора, что начальный этап взаимоотношений двух родственных этносов был полон драматизма, звучит вполне убедительно. Но он резонно квалифицирует противостояние между ними лишь как яркие эпизоды во взаимоотношениях,

а определяющими считает, особенно на поздних этапах их истории, разносторонние контакты мирного плана.

Верен остался выбранному исследовательскому приему автор и при освещении марийско-чувашских контактов. И в третьей главе он исторические сведения в силу необходимости рассматривает вкупе с данными археологии, лингвистики, фольклористики, этнографии, и на их основе показывает расселение этносов в исторической динамике, выделяет общие черты в их народных верованиях, обрядовой жизни, материальной и духовной культуре, отмечает антропологическую схожесть и генетическую близость рассматриваемых социумов. Но в содержательном плане данная аналитическая составляющая монографии все же состоит несколько особняком в числе других, ибо в ней речь главным образом идет о роли марийского компонента в формировании чувашского этноса, а также об установлении этнической идентичности членов этнокультурной общности, скрытых под общим для двух этносов этнонимом «горные черемиса». Исследователь подробно разбирает высказанные его предшественниками по данной проблематике положения, опираясь на имеющиеся материалы, обозначает по ним свою позицию. Последние часто являют собой оригинальные, но вместе с тем не бесспорные поисковые конструкции, а они, вне сомнения, вызовут новый виток дискуссий по марийско-чувашским связям и контактам не только в эпоху позднего средневековья, но и по более ранним и более поздним периодам их истории.

Следующая глава, четвертая по счету, также имеет отношение к контактам и связям мари с тюркским миром. Стержневым сюжетом аналитического «повествования» в ней является вопрос о взаимоотношениях мари с татарами, о статусе мари в составе Казанского ханства, который он склонен квалифицировать как конфедеративный. Привлекая совокупность источников разного плана, автор показывает особенности контактов разных групп мари с государствообразующим народом. В орбиту ханской власти, как правомерно утверждает Сергей Константинович, тесно были втянуты прежде всего луговые мари, горные мари в этой иерархии занимали, по его мнению, как бы серединное положение, а связь северо-западных и ветлужских мари с Казанью была чуть ли не номинальной. Приведенные автором материалы высвечивают тесные связи марийской и татарской этнической общин в самых разных сферах повседневной жизни. Их взаимоотношения исследователь находит преимущественно добрососедскими. Ведущим звеном в названном условном взаимодействующем тандеме, как явствует из текста, предстают татары, ведомым – мари. Последние испытывают выраженное культурное влияние более социокультурно продвинутых соседей, а в контактных зонах имеет место и ассимиляция татарами мари.

Весьма органичным представляется присутствие в монографии пятой главы, где рассматриваются контакты мари с ногаями, имевшими в ту пору свое

государственное образование в междуречье Волги и Урала, а также с персами. Как убедительно показано автором, контакты мари и ногаев, не имевших общих этнических границ, развивались преимущественно в сфере военно-политического сотрудничества, а отчасти и торговли, ибо табуны ногайских лошадей прогонялись в Московию для продажи и через Марийский край. Автор не без основания считает, что часть скакунов могла покупаться и местными жителями. Что касается контактов мари с персами, то они, как явствует из текста монографии, были более узкими и ограничивались главным образом сферой торговли. Географически такие операции, как правомерно констатирует Сергей Константинович, ограничивались пределами г. Казани. Кстати, широкой читательской аудитории небезынтересно будет узнать, что, помимо изделий из шелка, в XVII в. персидские купцы везли специально для мари особую адресную категорию своих товаров, которые ими именовалось как изделия «для черемисы».

Шестой и седьмой главы монографии посвящены взаимоотношениям мари с русскими. Причем их текст занимает чуть не добрую половину исследования. Выделение столь внушительного объема сочинения данной проблематике и востребовано, и оправдано, ибо именно этот сегмент межэтнических контактов занимал определяющее место в исторической судьбе марийской этнической общности. Заключительные аналитические составляющие монографии имеют своей основой куда более богатый корпус исторических источников, чем другие. Данное обстоятельство позволило автору получить панорамную картину взаимоотношений мари с великороссами. Нельзя не отметить, что к использованию имеющегося материала Сергей Константинович подошел очень критично, выбрав для анализа наиболее достоверные из них. Ему удалось показать драматизм эпохи, которая вместила причудливо в себя события самого разного плана. Очень детально показан исторический фон контактов двух социумов в разные исторические отрезки времени. Не могу не отметить особое чувство меры С.К. Свечникова при подаче аналитической информации. Рассматриваемые процессы он показывает как бы в нескольких измерениях, чтобы у исследовательской аудитории не сложилось о них однобокое впечатление. Не случайно сюжеты о противоборстве мари и русских он освещает в контексте их контактов и связей мирного плана. Последним совершенно правомерно исследователь посвятил специальную главу. Марийско-русские контакты и связи позднего средневековья принадлежат к разряду многослойных и разнонаправленных явлений, и данный момент, требующий взвешенного, тонкого подхода, им не только глубоко осознан, но и хорошо отражен.

В итоге мы имеем монографическое исследование академического плана, отвечающее самым строгим научным требованиям. Оно написано прекрас-

ным русским литературным языком, хорошо структурировано. Выводы автора аргументированы, имеют своей основой чуть ли не весь доступный корпус источников. На наш взгляд, Сергею Константиновичу удачно удалось вписать свой труд в отечественное историографическое полотно высшей пробы. Он подкупает и фундированным текстом, и поэтическими названиями глав, и логичностью подачи материала, и широкой опорой на последние достижения отечественной и зарубежной историографии. Никому не дано собрать в свои руки все золото мира. Процесс познания исторической действительности не имеет границ. Отнюдь не случайно автор подчеркивает, что его труд носит очерковый характер. Представляется, тем самым он выражает надежду, что тема, на изучение которой он вложил столько сил, не останется вне внимания исследователей и в будущем. Надо полагать, поэтому, подобно выбирающемуся из лесной чащи добропорядочному путнику, обозначающему зарубками на деревьях дорогу для тех, кто идет за ним следом, при изложении материала автор опосредованно обозначает и сюжеты, требующие специального анализа. Не сомневаемся, что и впредь С.К. Свечников будет радовать нас новыми своими научными изысканиями. Ждем и желаем новых успехов на этом нелегком поприще.

Николаев Геннадий Алексеевич
кандидат исторических наук,
г. Чебоксары
e-mail: nicga50@rambler.ru

Gennady Nikolaev
Candidate of Historical Sciences,
Cheboksary
e-mail: nicga50@rambler.ru

ХРОНИКА

УДК 005.745:009

X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ»

© 2026 г. Н.М. Краснова

22–23 апреля 2026 года в Йошкар-Оле на базе ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» состоялась X Международная научно-практическая конференция «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности». Целью конференции стало обсуждение актуальных вопросов, посвященных «мягкой силе», публичной и культурной дипломатии России и зарубежных стран, современной парадипломатии, международной активности регионов и городов, роли русского и иностранных языков в развитии межкультурной коммуникации, проблемам сохранения мирового культурного наследия в условиях глобального кризиса.

Конференция объединила ведущих ученых, дипломатов, политологов, филологов и историков из ведущих вузов и научных центров России и стран СНГ. Мероприятие проводилось при поддержке Российской ассоциации политической науки и Общественной палаты Российской Федерации.

Почётным гостем научного мероприятия стал Константин Косачёв – Заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член Комитета по международным делам, представитель от исполнительного органа государственной власти Республики Марий Эл, а также почётный профессор МарГУ. В своём выступлении на пленарном заседании Константин Иосифович отметил важность гуманитарного измерения международного сотрудничества, особенно в условиях современных вызовов, и подчеркнул значимость площадок, подобных конференции в МарГУ, для выработки новых подходов и укрепления диалога.

Открывая пленарное заседание, президент РАПН, член Общественной палаты Российской Федерации, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой сравнительной политологии, МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор О.В. Гаман-Голутвина, подчеркнула, что гуманитарное измерение

международной политики требует переосмысления с учетом новых цивилизационных реалий и технологических вызовов.

Доклад доктора политических наук, профессора кафедры международных отношений РАНХиГС (г. Санкт-Петербург) Н.А. Баранова «Искусственный интеллект как катализатор международного гуманитарного диалога: новые возможности и вызовы для коммуникации» стал одним из интересных выступлений на форуме. Н.А. Баранов обосновал тезис о том, что ИИ перестал быть просто инструментом и превратился в самостоятельного актора, формирующего глобальную «информационную экосистему». Автор доклада выделил три направления трансформации информационного пространства: генерацию и персонализацию контента, изменение процессов его распространения и модификацию потребления. Н.А. Баранов подчеркнул, что алгоритмические ленты и семантический поиск, с одной стороны, преодолевают языковые барьеры (что критически важно для гуманитарного диалога), а с другой – формируют «эхо-камеры» и «фильтрующие пузыри». Эти явления ведут к когнитивной изоляции аудиторий, делая межцивилизационный диалог крайне затруднительным, поскольку реципиенты получают лишь ту информацию, которая подтверждает их изначальные убеждения. Резюмируя, Н.А. Баранов сослался на Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта, принятую членами ООН в 2021 году, и концепцию «человеко-ориентированного ИИ» (Б. Шнейдерман). Главный вывод доклада заключается в том, что будущее гуманитарного диалога зависит от способности общества направить потенциал ИИ на усиление человеческих возможностей, а не на их замещение, при обязательном сохранении фундаментальных ценностей и интеллектуального разнообразия.

Доктор философских наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого Н.А. Васильева в докладе «Политическая герменевтика как методология интерпретации в дипломатическом дискурсе» подняла фундаментальную проблему понимания «чужого» в условиях глобального межцивилизационного взаимодействия. Опираясь на теорию социального конструктивизма (А. Вендт) и философскую герменевтику Г. Гадамера, Н.А. Васильева подчеркнула, что в условиях кризиса мировой системы буквальное прочтение дипломатических текстов недопустимо. Политическая герменевтика выступает методологией глубокой интерпретации скрытых интенций, контекстуальных факторов и культурных кодов. Автор подчеркнула, что язык является особой реальностью, внутри которой происходит понимание культуры. В современной политике игнорирование глубинных социокультурных кодов ведет к катастрофическим ошибкам. Н.А. Васильева рассмотрела переговорные форматы между США и Ираном,

где прагматичный западный подход, опирающийся исключительно на политико-экономические интересы, сталкивается с исламскими ценностями и архетипами персидской цивилизации. Попытка «встроить» партнера в свою картину мира порождает искаженные стереотипы.

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова А.О. Наумов представил онлайн доклад «Мягкая сила» Советского Союза и Российской Федерации: сравнительный анализ». А.О. Наумов разрушил распространенный стереотип о том, что «мягкая сила» – исключительно западный концепт (Дж. Най), продемонстрировав, что институциональные основы публичной дипломатии были заложены именно в СССР в межвоенный период. Особое внимание автор уделил культурной, туристической и медийной дипломатии. В сфере медийной дипломатии А.О. Наумов выделил ТАСС, сформировавшее имидж СССР на мировой арене. Во второй половине XX века к этим инструментам добавились образовательная, научная и спортивная дипломатия.

Доклад кандидата политических наук, доцента МарГУ Е.В. Суслова «Внешнеполитическое противостояние США и КНР как современный мегатренд в условиях расколотого мира» логично дополнил повестку пленарного заседания конференции. Е.В. Суслов обозначил, что все процессы гуманитарного сотрудничества, технологической трансформации и борьбы за «мягкую силу» протекают в тени биполярного соперничества новых типов, где гуманитарные инициативы часто используются как инструмент геополитического влияния и борьбы за ресурсы Глобального Юга.

На 12 секциях обсуждался широкий спектр проблем международного гуманитарного сотрудничества. Много докладов было посвящено вопросам международных отношений в эпоху глобальных трансформаций. На секции «Мягкая сила» публичная и культурная дипломатия России и зарубежных стран» звучали доклады о китайском измерении «мягкой силы» (З.З. Бахтуридзе, доктор политических наук, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета (СПбПУ) Петра Великого), культурной политике КНР в Юго-Восточной Азии (В.Н. Червова), гастрофестивалях как инструменте дипломатии КНР (И.С. Зимина), а также о сотрудничестве России и стран Центральной Азии (Б.Х. Алимов). Особый интерес вызвали исследования «энергетического перехода» в Африке (А.Д. Лисенкова, канд. политических наук, ст. научный сотрудник, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации) и роли российского мирного атома в сотрудничестве с Глобальным Югом (Е.С. Аракчеева).

Исследователи, участвовавшие в работе секции «Современная парадипломатия: международная активность регионов и городов», подчеркнули, что субъекты РФ все активнее включаются в международную повестку. На секции были представлены исследования маркетинга территории (Г.С. Цветкова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»), бизнес-интеграции Татарстана со странами ОИС (К.И. Гареева), а также экономического потенциала Дальнего Востока как связующего звена с АТР (А.А. Милькова) и т.д.

Участники секции «Международное сотрудничество в области культуры и искусства» зафиксировали переход гуманитарного сотрудничества в цифровую плоскость. Обсуждались проблемы цифровизации колониальных коллекций (Г.Р. Суфиянова, канд. ист. наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»), цифровизации культурного наследия в Республике Корея (А.В. Загорская), а также роль социальных медиа в привлечении музейной аудитории (А.Г. Смоленцева).

Работа секции «История международных отношений» подчеркнула востребованность исторического анализа для понимания современных процессов. Доклады об эволюции доктрины Монро (М.С. Колпащиков), «Democratic Review» О'Салливена и концепция «Предопределения судьбы в американской политической традиции» (А.А. Ярыгин, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет») и американском экспансионизме (А.В. Тайгильдин, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет») позволили провести исторические параллели с современным поведением США на мировой арене.

Секция «Медиа эпохи перемен: трансформация журналистики в многополярном мире» отразила поиск новых форматов актуализации гуманитарной повестки. Исследовались проблемы «клипового мышления» и лонгридов (К.Е. Ложкина), эволюция подкастов с элементами ИИ (Д.Р. Ширманова), а также роль молодежных волонтерских организаций и видеоигр в продвижении «мягкой силы» (Д.В. Дядик, Д.А. Азимов).

Важной частью научной программы стал второй день работы конференции – 23 апреля 2026 года, посвященный просветительским мероприятиям. Состоялась публичная лекция доктора исторических наук, профессора МГИМО Е.М. Кожокина на тему «Ядерный фактор в международных отношениях».

Продолжил цикл лекций доктор политических наук Н.А. Баранов с выступлением на тему «Искусственный интеллект как новый актор системы международных отношений: вызовы и перспективы», где он детализировал вопросы алгоритмической гегемонии и кибербезопасности.

Завершающим аккордом конференции стал показ и обсуждение документального фильма «Учитель немецкого» (сценарист и режиссер Е.М. Кожокин).

Фильм стал ярким примером синтеза науки, искусства и гуманитарной дипломатии, продемонстрировав, как культурное и историческое наследие может использоваться для осмысления сложных страниц истории и формирования диалога между народами.

X Международная научно-практическая конференция «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности» стала значимым событием для отечественной науки о международных отношениях. Анализ пленарных и секционных докладов позволяет констатировать, что российская наука успешно адаптируется к реалиям многополярного мира.

Конференция в Йошкар-Оле доказала, что международное гуманитарное сотрудничество сегодня – это сложный синтез исторической памяти, технологического форсайта и глубокого межкультурного понимания. Именно на пересечении этих векторов формируется облик будущей системы международных отношений, основанной на принципах равноправия, суверенитета и уважения цивилизационного многообразия.

Краснова Надежда Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой
межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: krasnovanadezhda5@yandex.ru

Nadezhda Krasnova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of
Intercultural Communication,
the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: krasnovanadezhda5@yandex.ru

УДК 39+94(=511.151+511.111)

КОМПЛЕКСНАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ МарНИИЯЛИ В МАРИЙСКО-ЧУВАШСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ

© 2026 г. Г.А. Эрцикова

8–14 июня 2026 года состоялась третья комплексная научная экспедиция Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева в зону этнокультурных контактов мари и чувашей[1]. Ученые МарНИИЯЛИ Д.А. Байдимиров, М.Т. Ипакова, Э.И. Пекшеева, С.К. Свечников под руководством заместителя директора по научной работе Г.А. Эрциковой собирали полевые материалы в Картуковском (с. Картуково / Картук) и Пайгусовском (д. Яштуга, д. Шур-Кушерга / Шур Кушыргы, в. Красный Май) сельских поселениях Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл; Кокшамарском (с. Сидельниково / Юлъял, д. Кокшамары / Какшамарий), Кокшайском (с. Кокшайск, п. Шуйка, д. Семеновка, д. Шимшурга / Шемшӱргӧ, д. Ялпай), Кужмарском (д. Трояры), Исменецком (с. Исменцы / Эсмекпляк) сельских поселениях Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, Иваньковском (п. Совхозный, с. Засурье, п. Лесной, д. Орба-Павлово) сельском поселении Ядринского муниципального округа Чувашской Республики. Кроме того, посетили Ядринский районный художественно-краеведческий музей (г. Ядрин) и Верхнеачакский музей натурального хозяйства чувашского крестьянина (д. Верхние Ачаки), которые расположены в Ядринском муниципальном округе Чувашской Республики.

[1] Первая комплексная научная экспедиция научных сотрудников МарНИИЯЛИ состоялась в 2022 году в Звениговском муниципальном районе Республики Марий Эл, вторая – в 2023 году в Горномарийском муниципальном районе Республики Марий Эл и Ядринском муниципальном округе Чувашской Республики [более подробно см: Соприкосновение двух народов, двух культур (по материалам научной комплексной экспедиции МарНИИЯЛИ 2023 года) // Мари и чуваши: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Эрцикова; МарНИИЯЛИ, ЧГИГН. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 242–249].

Междисциплинарный характер исследования обеспечивался привлечением профильных специалистов из смежных областей: Т.В. Петровой – методиста по культурному наследию МБУК «Горномарийская ЦКС»; Н.П. Тятюковой – заведующей Еласовским Домом культуры и ремёсел, эксперта в области традиционных промыслов; Е.В. Петровой – преподавателя Марийского республиканского колледжа культуры и искусств имени И.С. Палантая, специалиста по этномузыкологии; Л.В. Параниной – учителя русского языка и литературы МБОУ «Пайгусовская СОШ». К работе также были привлечены учащиеся 7 класса этой школы Мария Люнькина и Лилия Альмянова, что позволило сформировать у них базовые навыки полевой работы и ценностное отношение к местному этнокультурному наследию.

Основная цель экспедиции – изучение этнокультурных связей и языковых контактов мари и чувашей в современной и традиционной культуре исследуемой контактной зоны.

Обследуемая территория представляет особый научный интерес: здесь на протяжении многих лет совместно проживают марийцы, чуваши, русские и представители других этносов, что обусловило формирование уникального комплекса культурных и языковых взаимовлияний.

На начальном этапе экспедиции были проведены полевые исследования в с. Картуково Еласовского сельского поселения. В ходе работы зафиксированы ценные полевые материалы, предоставленные Борисом Васильевичем и Тамарой Викентьевной Петровыми. Респонденты обладают значительным объёмом знаний о традиционной культуре горных мари: исполняют горномарийские народные песни, фиксируют и сохраняют локальные обрядовые практики. Тамара Викентьевна ведёт краеведческую работу, занимается сбором горномарийского песенного фольклора. Ею сформирована коллекция горномарийских народных костюмов, которая активно используется коллективами художественной самодеятельности района и регулярно экспонируется на тематических выставках.

Следующим пунктом маршрута стали деревни Яштуга и Шур-Кушерга, входящие в состав Пайгусовского сельского поселения. Эти населённые пункты Горномарийского муниципального района, расположенные в приграничной зоне с Чувашской Республикой, основаны в период после Октябрьской революции 1917 года. Их основателями стали горные марийцы, переселившиеся из соседних населенных пунктов района.

В каждом из населённых пунктов был проведён цикл полевых работ: беседы с местными жителями, сбор фольклорных и диалектологических материалов, фиксация обрядовых практик, а также описание характерных черт традиционного деревенского домостроительства.

В д. Яштуга значимый вклад в фиксацию традиционной культуры горных мари внесла Людмила Филимоновна Инзоркина. Респондентка исполняет гор-

номарийские народные песни и активно передает культурные традиции молодому поколению. В частности, она изготовила горномарийский народный костюм для своей внучки, проживающей с родителями на Ямале, и представила его на мероприятии, посвящённом Дню народного единства, в Ямало-Ненецком автономном округе.

9–10 июня экспедиционная группа работала в населенных пунктах Ядринского муниципального округа Чувашской Республики. 9 июня исследователи провели полевые встречи с жителями п. Совхозный, с. Засурье, п. Лесной, д. Орба-Павлово. Эти населённые пункты расположены в этноконтактной зоне, где на протяжении десятилетий складывается особый социокультурный ландшафт: здесь в атмосфере добрососедства и взаимного уважения живут представители трех основных народов: чуваши, марийцы и русские – их совместное проживание формирует уникальный опыт межэтнического взаимодействия.

Беседы с жителями стали ценным источником сведений о том, как выстраиваются межкультурные связи на бытовом уровне. Рассказы местных жителей позволяют проследить, какие практики и традиции помогают разным этническим группам поддерживать гармоничные отношения в повседневности.

Особую ценность исследования представляют материалы, полученные от Елены Михайловны Политовой – краеведа, учителя Засурской основной общеобразовательной школы. Она не просто рассказала о жизни края, но и показала его достопримечательности.

В этот же день участники экспедиции посетили выселок Красный Май (Пайгусовское сельское поселение Горномарийского муниципального района). В настоящее время постоянное население населённого пункта составляет три человека, проживающих в двух жилых домах. С мая по ноябрь наблюдается сезонное увеличение численности жителей за счёт возвращения части бывших обитателей выселка. В этот период на территории ведётся хозяйственная деятельность: обработка огородов, содержание пасек, уход за домашней птицей и скотом. С наступлением зимнего периода жители вместе с животными возвращаются к месту постоянного проживания. Полевые интервью и наблюдения позволили зафиксировать, что мотивация возвращения обусловлена не только хозяйственной необходимостью, но и сохранением эмоциональной и культурной привязанности к месту происхождения.

10 июня участники экспедиции совершили поездку в Ядринский районный художественно-краеведческий музей, находящийся в г. Ядрин. Экспозиция раскрыла историю музея, познакомила с этнографией и культурой Ядринского края, а также включала картинную галерею – в ней представлено более трехсот работ известных художников Поволжья.

Затем экспедиция направилась в Музей натурального хозяйства чувашского крестьянина XIX века, который расположен деревне Верхние Ачаки. Этот

музей переносит посетителей в конец XIX – первую половину XX века. На его территории воссоздано полноценное крестьянское подворье: изба «по-чёрному», просторный дом крестьянина середняка, хозяйственные постройки, колодец, макет мельницы. Предметы труда и быта, бережно сохранённые и представленные в музее, помогают ярко и наглядно представить повседневную жизнь чувашского крестьянина тех времён.

11 июня экспедиционная группа продолжила полевые исследования на территории Кокшамарского сельского поселения. В рамках работы состоялись встречи с местными жителями села Сидельниково и деревени Кокшамары. Заведующий Сидельниковским сельским домом культуры, уроженец деревни Анатолий Григорьевич Мартынов – один из тех энтузиастов, кто глубоко изучает и бережёт локальное наследие. В ходе встречи он подробно познакомил участников экспедиции с местными традициями, исполнил народные песни и дал характеристику фонетическим и лексическим чертам местного говора.

12 июня маршрут экспедиции охватил населённые пункты Кокшайского сельского поселения, включая деревни Семёновка и Шимшурга. Наибольший интерес для исследования представили жители деревни Семёновка. Уникальными сведениями о местных жителях, истории и традициях этого населённого пункта поделились староста Андрей Константинович Пинеров, авторы книги «…И мы отсюда родом» – Нина Михайловна Андреева, более 43 лет проработавшая учителем математики и физики в Кокшайской средней школе, и Геннадий Васильевич Харисанов, первый директор совхоза «Шимшургинский», а также Клавдия Васильевна Андреева и другие активные жители деревни.

В деревне Шимшурга ценную и содержательную информацию о жизни села, его традициях и бытовом укладе сообщила местная жительница Римма Ивановна Макарова.

Кроме того, участники посетили Музей истории Кокшайска – некогда уездного города, ныне села с богатым прошлым. Экспозиция музея позволила узнать немало примечательных фактов из истории этого старинного волжского поселения.

13–14 июня сотрудники МарНИИЯЛИ продолжили полевые исследования в населённых пунктах Звениговского района. Объектами изучения стали посёлок Шуйка, деревни Ялпай (Кокшайское сельское поселение) и Трояры (Кужмарское сельское поселение), а также село Исменцы (Исменецкое сельское поселение).

Особый интерес у исследователей вызвал посёлок Шуйка, где на протяжении многих лет в добрососедстве и согласии живут люди разных национальностей – эта уникальная традиция межэтнического взаимодействия сложилась здесь издавна.

В деревне Трояры, основное население которой составляют чуваши, бесценными собеседниками стали супруги Нина Ивановна и Николай Трофимович Свечины. Они подробно и увлечённо рассказывали о прошлом и настоящем своей малой родины. Жители Трояр издавна живут в тесном соседстве с марийцами – эта близость привела к естественному языковому взаимопроникновению. Как отметили рассказчики, представители разных народов легко овладевали языком соседних деревень: марийцы свободно говорили по-чувашски, а чуваши – по-марийски, что всегда помогало им жить дружно и сообща.

Жители села Исменцы, в свою очередь, поделились сведениями о местной культуре, обычаях, традициях, а также об особенностях своего родного языка, бережно хранимых в этой округе из поколения в поколение.

Таким образом, проведённая экспедиция позволила собрать значительный объём полевых материалов, характеризующих этнокультурные и языковые контакты в марийско-чувашской контактной зоне. Полученные данные демонстрируют устойчивость традиционных культурных практик и форм межэтнического взаимодействия в исследуемых населённых пунктах. Особую ценность представляют зафиксированные свидетельства о языковом взаимопроникновении и опыте мирного сосуществования представителей разных этносов, что подтверждает гипотезу о формировании уникального социокультурного ландшафта в зоне контакта. Результаты исследования будут использованы для дальнейшего изучения механизмов межэтнического взаимодействия и сохранения культурного наследия народов, проживающих в приграничных территориях.

Эрцикова Галина Алексеевна
кандидат филологических наук,
заместитель директора по научной работе МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

Galina Ertsikova
Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

«Финно-угроведение», № 3 (75) 2026

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

16+

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 24.09.2026. Вышел в свет 29.09.2026. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 10,73. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 1634.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Малое Чигашево, д. 4
Тел.: 8(8362) 55-12-77 www.string12.ru